

РАССКАЗЫ
О СТРАНАХ ВОСТОКА

Пьер Доминик Гэсо

СВЯЩЕННЫЙ ЛЕС

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Пьер-Доминик Гэсо

СВЯЩЕННЫЙ ЛЕС

ИЗДАНИЕ 2-е, ИСПРАВЛЕННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1979

Pierre-Dominique Gaisseau
 Forêt sacrée
 Magie et rites secrets des Toma
 Paris 1953

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (*председатель*), А. Б. ДАВИДСОН,
 Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с французского

Ю. П. БЛАГОВОЛИНОЙ и Н. Б. ЗУБКОВА

*Ответственный редактор
 и автор послесловия*

В. Б. ИОРДАНСКИЙ

Гэсо П.-Д.

Г 98 Священный лес. Пер. с франц. Ю. П. Благово-
 линой и Н. Б. Зубкова. Изд. 2-е, испр. Послеслов.
 В. Б. Иорданского. М., Главная редакция восточ-
 ной литературы издательства «Наука», 1979.

191 с. с ил. (Рассказы о странах Востока).

В книге рассказывается о путешествии группы француз-
 ских кинематографистов в Гвинею незадолго до ее освобождения
 от колониальной зависимости. Автору и его коллегам удалось
 многое увидеть и живо описать бытовавшие тогда обряды, свя-
 занные с традиционными религиозными представлениями паро-
 да тома.

Г $\frac{20901-132}{013(02)-79}$ 142-79. 1905020000

91 (И6)

© Перевод и послесловие: Главная редакция
 восточной литературы издательства «Наука», 1979.

*Вуане Коивоги
Зээ Соховоги
Вэго Бэавоги —
без которых эта книга
не была бы написана*

ВСТУПЛЕНИЕ

План этой книги может показаться необычным. Я не писатель, не профессиональный этнограф, я просто изложил факты в их хронологической последовательности, чтобы рассказать о том, что испытали четверо французов, проживших несколько месяцев жизнью одного из африканских народов.

В начале пребывания в стране тома мы просто записывали на ходу во время наших странствий слова и жесты, смысл которых большей частью ускользал от нас. Только после того как мы прошли инициацию*, мы смогли попытаться изучить этику тома и понять смысл их традиций.

Поэтому во второй части книги читатель найдет попытку объяснения и некоторого синтеза собранных нами сведений. Надеюсь, что они дополнят или подтвердят некоторые теории, а может быть, даже внесут нечто новое в изучение Африки.

Не желая оставаться простыми наблюдателями, мы стремились вступить в общину тома и придерживаться их обычаев.

Три знахаря согласились дать нам возможность увидеть и заснять на кинолентку тайные обряды и подвергнуться ритуальным испытаниям, но все остальные, разгневанные таким святотатством, воззвали к законам предков, чтобы поднять против нас народ тома. Во избежание возможных волнений французский губернатор Гвинеи потребовал, чтобы мы прекратили работу. Его письмо, подтверждающее достоверность наших сообщений, приводится ниже.

Нашим друзьям — знахарям — грозила суровая кара за то, что они осмелились открыть тайны своего племе-

* Обряд посвящения в полноправные члены племени.—
Прим. пер. Примечания автора в книге не оговариваются.

ни, но недавно мы узнали, что они живы и не очень пострадали.

Выдержка из письма губернатора Французской Гвинеи
господину Гэсо

28 мая 1953 года

номер 38 АПА

Сударь!

Имею честь довести до Вашего сведения, что, принимая во внимание возбуждение, вызванное среди тома в Геригерике кинематографическими съемками и звукозаписью обрядов фетишистского культа, видеть которые запрещено женщинам и непосвященным, я вынужден аннулировать разрешение, предоставленное мною Вам распоряжением за № 839 от 25 февраля сего года.

Подпись: и. о. губернатора

Грузовичок «шевроле» катится между двумя высокими стенами зелени в темноту ночи. Извилистая и неровная дорога подымается по склону холма. Безлунное небо словно проколото неподвижными звездами, которые в этих широтах сияют ровным, немерцающим светом.

Временами над темным мрачным лесом проступают неровные черные контуры Фута-Джалон *, на отроги которого мы сейчас взбираемся.

В свете фар иногда возникает силуэт какого-нибудь небольшого животного, одним прыжком перескакивающего через дорогу, или громадная ветка, причудливо изогнувшаяся на фоне густого леса.

Вокруг гремит большой концерт ночного леса — немолчное стрекотание насекомых, и заглушить его не в силах даже рокот мотора.

Итак, начинаются наши приключения.

Шесть дней назад, 16 февраля 1953 года, мы вылетели из Парижа и, миновав Марокко и северо-западную часть Сахары, приземлились в Конакри, столице Французской Гвинеи.

Это быстро растущий город, ультрасовременный в своей полихромной архитектуре, где громадные машины, подобно гигантским трудолюбивым муравьям, дни и ночи грохочут на разработках железняка и бокситов. За четыре дня мы получили необходимое разрешение на киносъёмки и урегулировали все таможенные формальности.

Сегодня утром мы встретили шофера грузовичка.

— Если вы со своими чемоданами сумеете пристроиться наверху, — указал он на узкий кузов, — то я подброшу вас до Кисидугу. Там вы легко найдете машину до Масента. Оттуда сейчас вывозят кофе.

* Горный массив и плато в Гвишес.— *Прим. пер.*

Кисидугу находится в 800 километрах на восток от Конакри, на опушке громадного леса — цели нашего путешествия.

В восторге от подвернувшейся okazji мы с немалым трудом погрузили наше хрупкое оборудование и вскоре после полудня тронулись в путь.

* * *

Мы с Вирэлем устроили из чемоданов своего рода нишу, чтобы защититься от хлещущего в лицо холодного ночного ветра, особенно резкого после изнурительной дневной жары. Прислонившись к кабине и закутавшись в одеяла, мы обмениваемся первыми путевыми впечатлениями.

— Никогда не думал, — говорит Вирэль, — что в Африке может быть так холодно.

Резкий перепад температуры сразу же вызывает у меня в памяти один эпизод, и я рассказываю собеседнику, как в рождественскую ночь у истоков Ориноко мы, лязгая зубами под одеялами, в конце концов вытащили термометр. Он показывал 24 градуса тепла.

— Быть может, здесь и двадцать, — заявляет Вирэль, — но я никому не посоветовал бы спать на банковских билетах.

Мы, действительно, растянулись на джутовых мешках, в которых лежат миллионы франков в мелких купюрах. Водитель везет их в Кисидугу, чтобы там можно было скупить у туземцев годовой урожай кофе. Он взялся за сутки доставить в банк эти новенькие хрустящие кредитки, сложенные в плотные и жесткие, как кирпичи, пачки. Мятые кредитки жители лесов презирают и не всегда их берут.

Через заднее стекло кабины я вижу дремлющего Жана Фиштэ. Между коленями у него заряженное ружье шофера; тот взял его в надежде — весьма, впрочем, сомнительной — застрелить при свете фар оленя, кабана или даже пантеру. Время от времени голова Жана склоняется на плечо не менее сонного Тони Сольнье. Пусть их пользуются пока относительным комфортом кабины! Через несколько часов они сменят нас на жестком ложе из кредиток.

Жан Фиштэ, мой самый давний товарищ по экспедициям и мой шурин, совмещает обязанности главного опе-

ратора, звукотехника и механика. Вместе с ним мы впервые пересекли Сьерра-Паррима и сделали фильм об экспедиции Ориноко — Амазонка.

Оба мы уже знаем Гвинею: в прошлом году мы предприняли кинематографическую разведку и исколесили страну вдоль и поперек.

Не имея собственной машины, мы пользовались местными видами транспорта: каботажными пароходиками, грузовиками местных транспортных агентов и единственной в стране узкоколейной железной дорогой Конакри — Канкан. Втиснутые в шумную и пеструю толпу среди велосипедов, домашней птицы и узлов или переходя из одной лесной деревни в другую, мы мало-помалу привыкли к разнообразным пейзажам этой обширной страны и к обычаям ее обитателей.

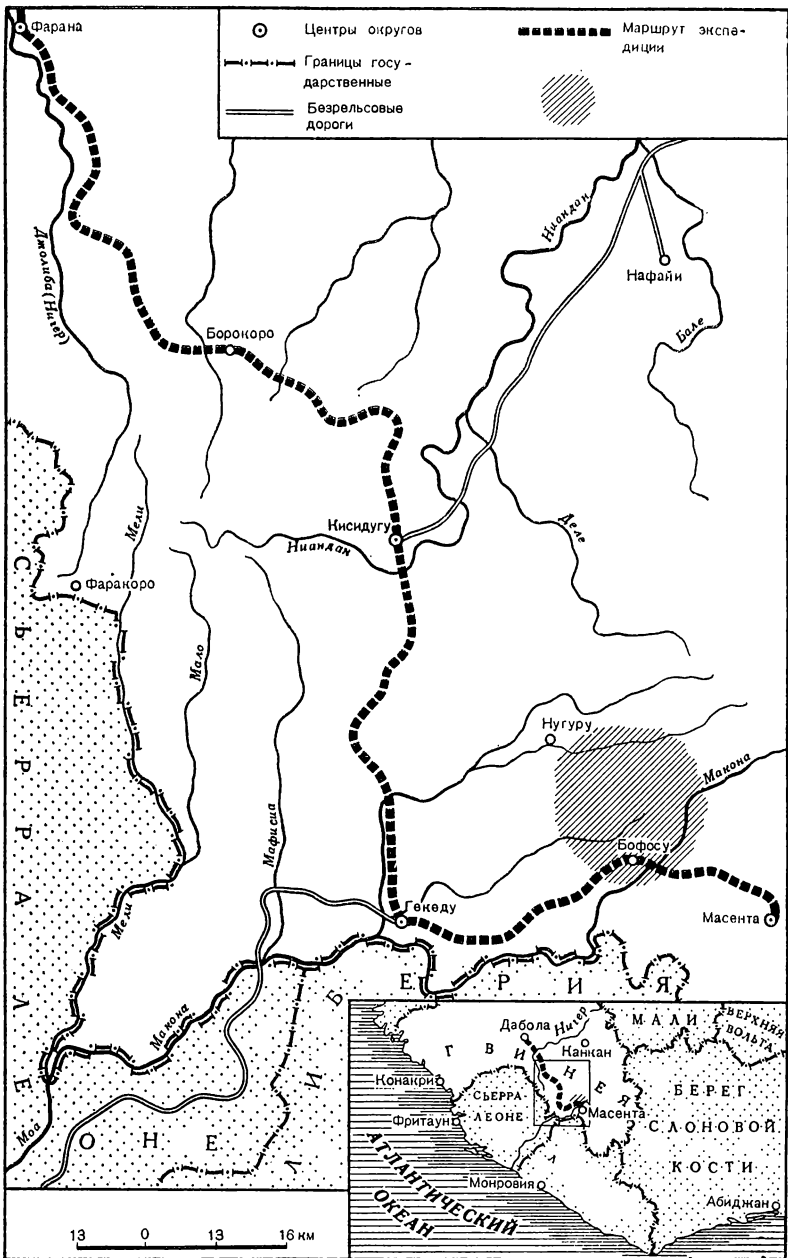
Мы побывали у налу на покрытых тропической растительностью болотистых островах, затем у басари, живущих на границе с Сенегалом, у исламизированных фульбе и малинке, обитающих в саваннах по ту сторону Фута-Джалон, и наконец добрались до страны тома, расположенной па юго-востоке Гвинеи. Здесь и начинаются горы и большой лес, в котором лианы образуют непроходимые сети под густыми сводами гигантских деревьев. Меж стволов там и сям подобные громадным черным чрепахам выступают каменистые холмы.

Страну тома узнает по-настоящему только тот, кто пройдет ее пешком с носильщиками. Многочисленные реки, узкие и порожистые, почти не пригодны для навигации и крайне затрудняют доступ в эту страну.

Земледельцы и охотники тома сеют горный рис, составляющий основу их питания, выращивают кофейное дерево. Они собирают масло дикорастущей капустной пальмы и немного занимаются скотоводством.

Путешествуя по Гвинее, мы повсюду слышали фантастические рассказы о магии тома, об их громадных масках. Но больше всего нас манил священный лес, храм фетишизма, святилище, где еще совершаются тайные обряды, варварские церемонии инициаций и жертвоприношения.

В марте 1951 года мы с Жаном Фиштэ прибыли в Масента, единственный европейский центр этого района. Командир жандармской бригады пополнил в меру своих возможностей запас наших скудных сведений, разрешив

нам пользоваться его архивом, и рассказал несколько удивительных случаев, свидетелем которых ему довелось быть. Один из них особенно нас поразил. За несколько месяцев до нашего приезда геолог, отправившийся в экспедицию в глубь леса, был убит молнией, когда несмотря на предостережения колдунов карабкался на утес, который тома считают священным. Командир бригады показал нам также некоторые материалы о ставших теперь редкими ритуальных преступлениях. Среди собранных довольно давно вещественных доказательств была большая черная маска, высотой почти в метр. Он даже обещал вручить нам эту маску, чтобы мы передали ее в парижский Музей человека.

— Если вы хотите заснять такие маски,— прибавил он,— то надо дожидаться большого праздника. В обычные дни они не показываются. Такой праздник должен на днях состояться в одной из деревень по дороге на Гекеду. Спросите у начальника округа, он вам скажет.

Последний принял нас очень сердечно и дал рекомендательное письмо к Ково Гилагоги, только что назначенному вождем кантона Колибираматома. Благодаря этой рекомендации мы получили возможность заснять все торжества по случаю назначения нового вождя. Прием, оказанный нам Ково в его деревне Ниогбозу, смутил нас. Предупрежденный о нашем приезде, он поджидал нас в белом костюме и колониальном шлеме. Высокий и худой, он радушно принял нас у себя, а затем проводил в отведенную для нас хижину. На большой кровати, поставленной специально для нас, вместо покрывала были разложены восточные ковры. У стены стояли ящики с марочным шампанским и бутылками божоле *, доставленными из Масента в честь нашего приезда.

Он представил нас двум-трем своим женам — молодым и изящным, в платьях из набивной ткани самой яркой расцветки, с ожерельями и кулонами из филигранного золота,— и подвел к своей матери. Старая седая женщина, высокая и прямая, с четко обрисованными чертами лица и важной походкой, она и в costume тома — одной набедренной повязке ** — ничуть не теряла своего достоинства.

* Сорт сухого вина.— *Прим. пер.*

** Женщины в гвинейской деревне обертывают бедра большим полотнищем, спускающимся ниже колен.— *Прим. пер.*

Ково пригласил нас к накрытому скатертью столу, и нам подали европейский обед. Специально привезенный из Масента повар приготовил утонченные блюда: цыплят со стручковым перцем, жаркое, оладьи в форме сердца или мелких рыбешек.

Ково несколько лет прожил в Масента и говорил по-французски почти безукоризненно. Учтивый хозяин, он присутствовал при каждой трапезе, но никогда не разделял ее с нами и только иногда соглашался что-нибудь выпить. Наше удивление граничило с разочарованием: мы собирались проникнуть в самую глушь, а вместо того катались, как сыр в масле, и лишь одно обстоятельство слегка омрачало картину — теплое шампанское; его температура была лишь чуть ниже температуры воздуха.

В продолжение всех празднеств Ково делал все, чтобы помочь нам, и разрешил заснять большие маски, о которых мы уже столько слышали. Наш магнитофон привел его и других жителей Ниогбозу в восхищение.

Сразу же по приезде мы записали речь Ково на пленку. Прослушивание было откровением для жителей. Ково без труда узнал свой голос, с первых же слов встал по стойке «смирно» и приподнял шлем.

На следующий день он согласился проводить нас к священному лесу. Неподалеку от деревни, там, где начиналась чаща, Ково остановился перед своеобразным порталом из корней древовидного папоротника, украшенных резьбой.

— Это врата священного леса, — сказал он.

Ни справа, ни слева от этого символического входа не было даже изгороди.

До самой земли спускался навес из пальмовых ветвей, под сенью которого, на фоне схематических рисунков, были выстроены в ряд глиняные статуэтки — изображения духов леса.

Я знал, что женщинам и непосвященным доступ в священный лес запрещен, но все-таки попросил у Ково разрешения проникнуть туда. После короткого совещания с сопровождавшими нас старейшинами он ответил мне такой двусмысленной фразой:

— Нет, ты не должен, но если хочешь, ты можешь.

Это означало: наши законы не разрешают тебе этого, но ведь белые могут делать все. Подразумевалось, что,

если мы переступим запретный порог, хранители фетишистского культа, предупрежденные об этом им одним известными способами, сделают так, чтобы из леса исчезло все, что могло бы нас интересовать. Тогда я понял, что священен не лес сам по себе, а лишь предметы культа, которые там находятся. Если мы нарушим запрет, то попадем просто в покинутое святилище, в пустой храм.

— Тогда мы войдем туда не сейчас,— сказал я ему,— а в тот день, когда вы нам разрешите.

Эта уклончивая позиция представителя народа тома, называвшего себя нашим другом, только разожгла наше желание узнать тайны леса. Мы забросали его вопросами и, чтобы добиться желанного разрешения, предложили подвергнуть нас ритуальным испытаниям. Только через несколько дней он дал ответ.

— Все старейшины и жители деревни доверяют вам,— сказал он,— но сейчас еще слишком рано. Нужно дождаться праздника по случаю выхода посвященных из леса. Возвращайтесь через год, вы будете татуированы*, проведете месяц в лесу и узнаете наши тайны.

Как Ково объяснил нам, тома заметили, что киносъемка сопровождается рокотом мотора, а поэтому впредь нам больше не удастся снимать незаметно для них.

Заехав на обратном пути в Масента, мы вместе с жандармским бригадиром напрасно искали большую черную маску. Она исчезла. Ею, без сомнения, вновь завладели тома.

Вернувшись в Париж, мы продолжали поддерживать связи со страной тома. Проспер Зуманиги, санитар-африканец из Масента, служивший нам переводчиком, общал новости о Ково и о том, как идет подготовка к празднику выхода посвященных. Мы послали ему фотографии, обещали привезти в Ниогбозу и показать там уже отснятый фильм и готовились к следующей экспедиции, которая была задумана еще до возвращения из Гвинеи.

* Процедура, которой Ково обещает подвергнуть Гэсо и его товарищей, не татуировка (т. е. введение под кожу краски или красок), а рубцевание (т. е. нанесение на кожу мелких шрамов), принятое у тома во время обряда инициации (см. с. 109—114).— *Прим. пер.*

Тем временем к нам присоединились два товарища. Тони Сольнье, фотокорреспондент «Пари-матч», специалист по примитивному искусству Океании и Африки, спокойный и точный в своем деле, должен был помогать Жану Фиштэ и в случае необходимости его замещать. Андрэ Вирэль, интересующийся символизмом и примитивными религиями, хотел проверить свои теории на практике.

Нужно было найти кинокомпанию, которая решилась бы финансировать наше рискованное предприятие, настолько рискованное, что мы отважились говорить о нем только с самыми близкими друзьями. Мы хотели не только присутствовать при тайных обрядах тома, не только участвовать в них, но и заснять их для кино. Мы понимали, что осуществить это намерение будет нелегко, несмотря на обещания Ково. Нами руководило не простое любопытство, не страсть охотников за редкими кадрами, а желание проникнуть в отличный от нашего мир и понять его.

* * *

Мы с особой тщательностью подготовили нашу материальную часть, пытаюсь предусмотреть все возможные случайности. Мы везем с собой две электрические съемочные камеры для 35-миллиметровой пленки, пять тысяч метров черно-белой пленки, два магнитофона и магнитофонную ленту, три фотоаппарата Роллейфлекс, одну лейку, импульсную лампу и магниевые лампы-вспышки для ночных съемок. Вполне доверяя гостеприимству тома, мы не взяли с собой оружия и продовольствия. Наш личный багаж, спальные и походные принадлежности сведены к минимуму.

Мы захватили и прошлогодний фильм, переведенный на 16-миллиметровую пленку, и очень рассчитываем, что этот аргумент убедит Ково сдержать свое прошлогоднее обещание.

Все мы люди здоровые и хотим добиться успеха. В экспедициях подобного рода нелегко выдерживать намеченные сроки, однако мы решили, что наше путешествие продлится не более двух месяцев, и надеемся вернуться до начала сезона дождей.

...Дорога по-прежнему вьется вверх. Пробирает холодок. Я приподнимаюсь на своем драгоценном ложе и заглядываю в кабину.

Шофер оборачивается.

— Может быть, хватит с вас? — говорю я. — Сделать бы небольшую остановку.

— С меня? Я никогда не сплю за рулем.

Под нами смутно виднеется долина. За нею на фоне темного неба выступают высокие каменистые утесы.

Внезапно грузовик круто поворачивает, сотрясается от резких толчков, сходит с шоссе, делает еще один рывок, врезается в обочину и останавливается.

Я подскакиваю к заднему стеклу кабины. Шофер ошеломленно смотрит на меня. Он только что задремал, уткнувшись носом в руль. Тони и Жан проснулись от толчка.

Мы пользуемся вынужденной остановкой и пытаемся заснуть.

Совсем рядом с нами лес. Он скрипит, дребезжит, квакает, скрежещет. Я открываю глаза. На черном занавесе деревьев сверху донизу вспыхивают и гаснут тысячи пар светящихся точек.

Вирэль тоже приподнимается.

Мы пытаемся издали угадать, какие насекомые или грызуны, притаившись в глубине леса, как будто наблюдают за нами своими фосфорическими глазами, по мало-помалу засыпаем.

Через два часа нас будит рассвет. Бледная, ясная заря, и вот уже встает солнце.

Под небом такой сияющей голубизны, какое мне приходилось видеть только высоко в горах, мы выезжаем на плато Фута-Джалон. Вдали, насколько хватает глаз, простирается саванна, вечно выгорающая и вновь зеленеющая, с редкими остовами засохших деревьев.

Несколько часов мы трясемся в кузове из гофрированного железа, словно в шейкере*.

Грузовик не может делать меньше шестидесяти километров в час, иначе он развалится. Но толчки, даже смягчаемые рессорами, — тяжелое испытание для нашей аппаратуры, и, как только мы прибудем на место, при-

* Сосуд для приготовления коктейлей. — *Прим. пер.*

дется вновь приводить ее в порядок: перетягивать болты, перепаивать сопротивления.

На пароме, составленном из пирог, мы пересекаем Нигер. У истоков он чуть шире Луары. Вода светлая, здесь неглубоко. Сейчас сухой сезон, и река обмелела.

Сегодня вечером мы увидим первые островки деревьев у Кисидугу, откуда начинается лес.

Через два дня, если нас не задержат ни лесные пожары, ни разрушенные мосты, ни аварии, мы будем у Ково.

2

Никогда я так не волновался, показывая фильм.

Пронзительный звон насекомых, поднимающийся в лесу с наступлением темноты, кажется, смолк на минуту. Я слышу только рокот проекционного аппарата. Прошли первые титры; как воспримут эти люди лесов кадры, снятые год назад здесь, в их деревне?

Все действующие лица нашей картины собрались в этот вечер на маленькой площади Ниогбозу. Мужчины, женщины, старики, прижавшись друг к другу, сидят вперемешку на земле. Встревоженные, внимательные лица обращены к экрану, установленному возле одной из хижин. Только Ково, окруженный старейшинами, восседает на низком стуле резного дерева. Многочисленные ребятишки с блестящими глазами застыли в ожидании, как дети в Люксембургском саду перед занавесом театра Гиньоль*.

Первый эпизод встречен мучительным для меня молчанием. Но вот раздаются взрывы смеха, радостные возгласы. Они узнали себя. Появление на экране Ково, торжественно проносимого в паланкине вокруг деревни, вызывает неистовый восторг. Я отхожу от аппарата, приближаюсь к Ково и наклоняюсь к его плечу.

— Ну, ты доволен? Нравится?

— Да, да.... — поспешно говорит он, ни на секунду не отрывая взгляда от светящегося прямоугольника.

На экране как раз крупным планом Ково; он держит за рога барана с перерезанным горлом, который еще

* Французский народный театр типа «Петрушки». — *Прим. пер.*

бьется в предсмертных судорогах. Стоящие вокруг старейшины внимательно наблюдают за Ково: он должен почувствовать, как вместе с последним вздохом в него войдет сила убитого животного.

Я немного озадачен реакцией зрителей. В Париже сцены ритуальных жертвоприношений петуха, барана и быка на могиле старого Бадэ, отца Ково, вызывали дрожь ужаса или даже протесты; здесь их встречают восторженными возгласами. В этом ликовании совсем нет жестокости. Просто тома умеют толковать предзнаменования, следить, как упали брошенные перед жертвами орехи кола. Снятые нами кадры убеждают их, что жертвоприношения оказались удачными, «благодатными» и что душа Бадэ удовлетворена. На экране появляются уэшилегаги, люди-птицы: два шара из жестких перьев, откуда выглядывают, словно трагические маски, вымазанные каолином белые лица, увенчанные высоким плюмажем, и длинные, мускулистые ноги. Прыгая по площади в бешеном ритме, бок о бок или лицом к лицу, они поразительно ловко выполняют ряд движений под звуки маленького деревянного барабана. Этот звуковой код — один из тайных языков леса.

И покидаю Ково, по-прежнему погруженного в немое созерцание, и подхожу поближе к экрану. Отсюда мне видно, как колебания света на экране отражаются на подвижных лицах зрителей.

Вдруг дети издают крики ужаса; они вцепились в соседей, в сидящих сзади на корточках женщин, которые также отпрянули назад: на экране большие черные маски бакороги, обшитые козьей шерстью или волосами; тяжело пританцовывая, они обходят вокруг деревни. Это верные стражи священного леса, гроза детей и непосвященных.

Наконец, показывается ланибой в мягкой черной маске, отороченной белым мехом, в пестрой шапке колдуна.

Забравшись на трехметровые ходули, скрытые под длинными полосатыми штанинами, он в три прыжка пересекает деревенскую площадь; широко раскинув руки, он буквально летает вровень с крышами, делает вид, будто падает, снова выпрямляется и вертится волчком на одной ноге. Публика в бурном восторге от пируэтов крылатого гиганта.

Вслед за ним, без всякого перехода, на экране появляется вход в священный лес. В толпе возникает протяжный гул.

И тут я понимаю, что для тома это не просто смена кадров па экране, а настоящее чудо. Для них ланибой и все другие маски были только видимыми для всех воплощениями, «племянниками», как говорят тома, Афви — Великого Духа, обитающего в священном лесу.

Незаметно перехожу в последний ряд зрителей. Я думал, что меня забросают вопросами, по никто не шевелится. Меня даже не замечают.

Сейчас на экране между хижинами и могилами медленно скользят странные существа: это гәлемлаи, посланцы леса. Бритые черепа, выкрашенные белой глиной тела, на плечах — широкие плетеные ожерелья, с которых свешивается бахрама из золотистой рафии*. Выгнув грудь, на длинных, гибких ногах они шагом конькобежца молча проходят по деревне с длинными белыми шестами в руках. Во время их танца не должно быть музыки. Затем они исчезают во мраке леса. Вокруг меня несколько женщин снимают с головы покрывала, как делают всегда во время шествия этих призраков.

Фильм кончился. Зрители оживленно беседуют. Я снова подхожу к Ково, он сжимает меня в объятиях. Слезы волнения бегут по его щекам.

— Спасибо,— говорит он.— Я хочу посмотреть кино еще раз.

Подожли несколько старейшин. Они жестикулируют. Ково передает мне, что они изумлены. Орех кола, показанный крупным планом, привел их в восхищение.

— Как ты сделал,— спрашивает Ково, широко расставив руки,— что он стал таким большим?

Нам пришлось показать фильм четыре раза. Энтузиазм тома был неиссякаем. Мы могли бы продолжать до утра.

Деревенская площадь опустела. Жители выразили еще раз свой восторг и разошлись по хижинам. Мы

* Волокна, получаемые из растения того же названия. Относятся к семейству пальм.— *Прим. пер.*

больше не видели Ково. Намерен ли он сдержать свое обещание?

Я в этом не уверен и, долго прислушиваясь к неумолчному шуму леса, раздумываю над этим вопросом. Заснуть я не в силах.

Сегодня утром Ково избегает нас. Он прислал со старшиной деревни обычные подарки: живого цыпленка, рис и пальмовое вино в калевасе *, но сам не показывается.

Как и в прошлом году, Ково предоставил в паше распоряжение большую хижину, предназначенную обычно для приемов. Растянувшись в гамаках, мы думаем все об одном и том же.

В Африке не следует торопиться, и мы не хотим своим нетерпением подорвать наши шансы на успех; надо дать Ково время обдумать решение. Чтобы сократить ожидание, мы с Жаном ведем наших товарищей, впервые попавших в эту страну, посмотреть Ниогбозу. Мы испытываем гордость хозяев и хотим, чтобы наши друзья оценили красоту и опрятность этой типичной девушки тома.

Возле дверей хижин женщины, с обнаженной грудью, в полосатых набедренных повязках, размеренными и медленными движениями толкут рис. Они поднимают тяжелые двухметровые песты и бросают их в углубления ступок.

Звонкие удары дерева о дерево порождают эхо, оно летит от хижины к хижине, и вся деревня звучит, как большой тамтам.

Старики в бубу ** из полос голубой и белой ткани кейфуют на солнце в шезлонгах собственного изготовления и жуют табак.

Какая-то девушка положила голову на колени сидящей на корточках женщины, и та лениво ее причесывает.

Проходя по деревне, мы здороваемся с некоторыми прошлогодними друзьями и пожимаем им руки, хрустя

* Сосуд из высушенного плода калевасового дерева или особого сорта тыквы.— *Прим. пер.*

** Рубашка без рукавов, сшитая из двух прямых полотнищ.— *Прим. пер.*

при этом, по обычаю тома, переплетенными пальцами.

Прижавшись одна к другой, белые, крытые соломой, круглые хижины тома стоят, словно ульи, на клочке краснозема. Огромный тропический лес, в котором сейбы* устремляют ввысь ноздреватые стволы, окружает их тесным кольцом.

В стране тома мертвых хоронят между хижинами живых, и на каждом шагу возвышаются черные плиты могил, обложенные тесаным камнем. На краю деревни строится новая хижина. Трое знакомых нам с Жаном мужчин кончают переплести ветви, составляющие круглый каркас земляной стены. Коническая решетка крыши уже готова, остается только покрыть ее соломой. У входа, против внутренней перегородки, площадка из утрамбованной земли; на нее положат простую циновку, и она будет служить тома кровати.

Ниогбозу, как и все деревни тома, расположена на вершине холма. Ее граница обозначена на земле кругом из связанных между собой лиан. Все подходы к деревне представляют собой широкие аллеи, поддерживаемые в отличном состоянии. По ту сторону круга из лиан, вплотную к лесу, помещается местная кузничка под соломенной крышей. Черная каменная плита служит наковальней. Тома не умеют сами добывать железо из зернистого латерита, но умеют его обрабатывать. Они получают его от своих соседей, малинке, в виде гинзэ. Эти тонкие, завитые спиралью и сплюсненные с обоих концов прутки металла служат им одновременно и денежной единицей**, и сырьем для производства оружия и орудий труда.

Как и в прошлом году, на площади Ниогбозу сидят ткачи, и кажется, словно они с тех пор так и не трогались с места.

Столбы, прочно вбитые под их станками, дали побеги, и тома склоняются над своей работой в тени молодой листвы.

В прошлый проезд я посоветовал им ушить по-лотно ткани, но эта мысль, должно быть, показалась им нелепой, и они продолжают ткать голубые, желтые или белые хлопчатобумажные полосы не более десяти сан-

* Хлопковое дерево, дает волокно-капок.— *Прим. пер.*

** Гинзэ равен приблизительно 5 франкам.

тиметров шириной; сшитые вдоль, они превращаются в широкие полосатые бубу — традиционную одежду тома.

Прислонившись к стене хижины, двое старейшин бесстрастно играют в фао. Они быстро перемещают зерна на овальном деревянном блюде, испещренном квадратными углублениями. Мы останавливаемся возле них и пытаемся понять, правда безуспешно, правила этой африканской игры.

Вся деревня звенит от ударов пестов: женщины руют рис — главную пищу тома, чтобы приготовить обед к полудню. Мы все еще не видели Ково. Я решаю пойти к нему. Он в хижине не один. На голове у него красная феска — знак его достоинства.

Вокруг Ково сидят бородатые старики с седыми, заплетенными в короткие косички волосами и сердито о чем-то спорят. Догадаться о причине этого собрания нетрудно, так как при моем появлении все разговоры смолкают.

Мы обмениваемся обычными любезностями:

— Ишэ, ишэйо... имама, мамайо.

Затем вновь воцаряется молчание, и атмосфера остается враждебной. Формулы вежливости в точности соответствуют нашему «Добрый день, как вы поживаете?» и могут означать равным образом как равнодушие, так и лицемерие. После минуты тягостного молчания Ково дает мне жестом понять, что хочет поговорить со мной на улице. Мне кажется, что он смущен еще больше, чем остальные, и я, немного обеспокоенный, следую за ним.

После того как Ково еще раз рассыпался в благодарностях и признаниях в своих добрых чувствах к нам, он перешел к фактам: за месяц до нашего приезда какие-то белые силой проникли в священный лес, чтобы похитить ритуальную маску. Ярость колдунов распространилась на всех иностранцев. Более чем когда-либо они полны решимости ревниво охранять свои тайны. Они не понимают, почему белые проявляют такой интерес к священному лесу, и отказываются разрешить нам войти в него.

Ково молод. Хотя он и вождь, он не может идти против воли старейшин.

— Распоряжаются старейшие, — важно говорит он

глухим голосом.— Я больше ничего не могу для тебя сделать.

Разговаривая, мы вышли за границу деревни и оказались у входа в священный лес. Я отказываюсь верить в непреодолимость препятствия и начинаю настаивать:

— Я привез тебе фильм и фотографии, как обещал. Я специально приехал из Парижа со всей аппаратурой. Надо что-то сделать.

Ково колеблется и отводит глаза в сторону.

— Я сделал все, что мог.

Я смотрю на гроздящиеся друг над другом огромные черные корни папоротника. За ними простирается запретный мир, от которого меня отделяет несколько шагов. И, сам того не желая, я возвышаю голос:

— Это невозможно, Ково. Нужно еще попытаться.

Мой гнев приводит Ково в изумление. Долго смотрит он на меня, растерянно, почти скорбно.

— Как хочешь,— произносит он, наконец.— Сегодня вечером я еще раз соберу стариков. Ты сам будешь говорить с ними.

Затем он оставляет меня и присоединяется к группе знахарей, ожидающих его возле хижины.

Решаясь на эту экспедицию, мы хорошо понимали, что тома не допустят нас легко к тайнам своего магического мира.

Ково искренен. Я знаю его достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в его благожелательности. Можем ли мы надеяться на успех, если он, вождь, несмотря на свой престиж, потерпел поражение?

Мои товарищи с тревогой ждут результатов разговора с Ково.

— Итак? — спрашивает Жан.

Я сообщаю им печальную новость.

— Знаешь, почти все здешние старейшины знакомы с нами. Если нам хоть немного повезет, все еще может уладиться.

Может быть, нам и в самом деле удастся своим присутствием сгладить дурное впечатление, произведенное на них насильственным вторжением каких-то европейцев в священный лес.

Мы узнаем окончательное решение только вечером, и все четверо изо всех сил стараемся выглядеть оптимистами.

Солнце быстро клонится к западу. Маленькими группами молча старейшины входят в хижину Ково. По пустой площади идет женщина, одетая только в м'била — короткие штаны в виде треугольника, которые все женщины тома носят под набедренными повязками. Она без покрывала, и ее растрепанные курчавые волосы торчат во все стороны. На щеках, груди, животе и бедрах широкие полосы подсыхающей грязи. С ничего не выражающим лицом она идет, как автомат, уставившись в одну точку. В руке она держит две зеленые ветки. За нею следует плакальщица и у каждой двери объявляет о смерти какой-то старухи из соседней деревни.

Наступила ночь, а мы все еще сидим молчаливым кружком возле своих дверей и ждем. Видимо, в хижине старейшины идет серьезный спор. Иногда они говорят громче, и мы различаем тогда глуховатый голос Ково. Мы не знаем языка тома, но чувствуем, что он защищает наше дело, сталкиваясь с полным непониманием и фанатизмом стариков. Внезапно становится тихо. Дверь открывается, и в освещенном проеме вырисовывается высокий и худой силуэт Ково. Медленными шагами он перескакает площадь. Уже по его походке нам все становится ясным. При его приближении я поднимаю лампу-молнию. На темном, глянцевиом лице Ково выражение крайней усталости. В глазах слезы.

— Иди,— говорит он просто,— старики хотят с тобой говорить.

В хижине царит полумрак; желтый огонек лампы-молнии делает морщины на лицах более резкими. У всех мрачный, решительный вид. Один из стариков подходит ко мне. Ково переводит его речь, с трудом подыскивая слова.

— Мы вас знаем,— говорит он,— вы не такие, как другие белые, и мы хотим вам помочь, но тайны тома — только для тома... Белый — это белый, а черный — это черный... мы не можем ничего для вас сделать...

Мне нечего сказать; я знаю, что их решение бесповоротно, и выхожу. Ково следует за мной. Не говоря ни слова, мы проходим по освещенной луной пустынной деревне. Из дальней хижины доносится приглушенное пение женщин, сопровождаемое ритмическим сту-

ком погремушек из тыквы. Ково отвечает на мой молчаливый вопрос:

— Родственники умершей поют о своей горе.

Мы медленно возвращаемся к большой хижине. Через открытую дверь я вижу своих товарищей. Они молча сидят в гамаках, свесив ноги.

Ково делает шаг назад. Ему не хочется входить и возобновлять бесплодный разговор. Он поспешно бормочет «до свидания» и удаляется.

Жан поднимает голову и смотрит на меня.

— Год работы, чтобы прийти к такому результату! — вырывается у него. Он пожимает плечами.

Это восклицание выражает наши общие мысли.

На рассвете мы покидаем Ниогбозу. В момент нашего отъезда два гелемлаи, как ангелы смерти, медленно пересекают площадь.

Прибыв в Масента после полудня, мы тотчас же отправляемся к начальнику округа. Он несколько не удивлен размолвкой с Ково и его старейшинами и энергично уговаривает нас отказаться от наших планов и снимать фильм в другом районе. А пока мы примем решение, он отводит нам пустую хижину на вершине самого высокого в Масента холма.

Настроение скверное. Мы слоняемся на солнце по рыночной площади, и вдруг я узнаю знакомую фигуру.

Это Проспер Зуманиги, наш прошлогодний переводчик. Сейчас он военный фельдшер в госпитале, где лечат сонную болезнь, случаи которой становятся все более редкими. Проспер остался нашим другом, и мы рады его видеть. Он обещает зайти вечером.

В нашей просторной хижине две комнаты; в каждой стоит по большой квадратной кровати, правда без соломенных тюфяков. Мы измучены, разочарованы, и никому из нас не хочется натягивать свой гамак.

С наступлением темноты приходит Проспер, и мы, усевшись у двери, вводим его в курс событий.

Под нашими ногами, в глубине долины, мерцают слабые огоньки Масента.

Проспер долго думает, прежде чем ответить.

— Во всяком случае, — говорит он, — снять праздник выхода посвященных вам не удастся. Колдуны еще

раз отсрочили его. Но вот в Согору, к северу от дороги на Гекеду, скоро будет большая татуировка детей, и они вступят в священный лес.

Наше настроение сразу повышается.

— Но,— добавляет Проспер,— чтобы их увидеть, падо быть тоже татуированным.

* * *

Не в силах заснуть, я вот уже почти час ворочаюсь на жестчайшем матрасе, стараясь лечь поудобнее. Впрочем, я должен быть осторожным, чтобы не разбудить Жана, с которым мы спим на одной кровати.

Лежа в темноте с открытыми глазами, я думаю о последних словах Проспера: «Надо быть тоже татуированным». Ково в прошлом году говорил, что нам нужно подвергнуться этому испытанию, но два-три дня назад он всячески уклонялся от ответа на мои вопросы по этому поводу. Действительно ли это необходимо? В какой мере посвящение возможно для белых? Так или иначе, мы не упустим этот шанс, мы будем присутствовать на церемонии.

Вдруг странная музыка примешивается к обычному шуму ночного леса. Я выпрямляюсь на кровати и напрягаю слух. Три высокие флейтовые ноты и хрустальный звон маленького колокольчика выются вокруг хижины. Кажется, что они, то приближаясь, то удаляясь, появляются каждый раз с другой стороны. Наконец я решаю разбудить Жана и трясую его за плечо, но в это время из-за перегородки мне отвечает голос Вирэля:

— Ты слышишь?

Мы встаем и шепотом советуемся в темноте. Тони решительно отказывается подняться. Эти тревожные явления его не беспокоят.

— Отстаньте от меня,— бормочет он сонным голосом.— Дайте подрыхать.

Жан тоже хочет спать, но назойливость необычной музыки заставляет его принять энергичное решение: подстеречь и схватить человека, если это человек. Впрочем, сам он решительно отказывается принять в этом участие.

Мы с Вирэлем терпеливо выжидаем. В тот момент, когда звуки достигают наибольшей силы, мы выскакиваем из хижины, направляя луч электрического фонаря

туда, откуда, по нашему мнению, раздается музыка. Фонарь освещает лишь чахлый кустарник и траву. Музыка смолкает.

Лишь только мы возвращаемся в хижину, неотвязный лейтмотив возобновляется с новой силой. Тони сурово критикует нашу тактику.

— Нужно было выбираться ползком, без шума и света.

— Чего ж ты ждешь? Иди.

— Я сплю,— решительно отвечает он.

Мы решаем последовать его примеру и вновь укладываемся. Флейта и колокольчик продолжают описывать вокруг хижины наводящие тоску круги. Музыка не умолкает ни на минуту. Наконец, побежденные усталостью, мы засыпаем.

Мы только что приехали в Масента, и от Ниогбозу нас отделяют пятьдесят километров.

Но всем знахарям тома уже известно о наших планах. Сегодня ночью они впервые дали нам это понять.

* * *

Мы питаемся в караван-сараях. Так называют европейцы гостиницу или то, что ее заменяет. В Масента это большая прямоугольная хижина под соломенной крышей. В глубине общего зала стоит массивная резная стойка из дерева местных пород, которую африканские мастера украсили скульптурными фигурами.

Через несколько дней мы уже знакомы со всеми завсегдатаями — европейскими и африканскими торговцами и чиновниками. Сегодня вечером один новый человек привлек наше внимание своей словоохотливостью. С искренностью, вполне достойной предвыборных речей, он изъясняется в своей любви к демократии, к европейской цивилизации вообще, к французской в особенности. Худой, элегантный, он щеголяет мягкой рубашкой и сверкающей шляпой из нейлона. Непрерывно жестикулируя, он приближается к нашему столу.

Крайне возбужденный, незнакомец не заставляет себя долго просить, подсаживается к нам и со стаканом в руке начинает изливаться. Круглолицый, с подвижными чертами лица и насмешливыми глазами, он удивительно легко говорит по-французски.

— Меня зовут Акоп Гилагоги. Впрочем, меня все знают. Я лучший портной этих мест.

Он неожиданно вскакивает:

— Если вам нужны брюки, я к вашим услугам.

И, повернувшись кругом, дает нам возможность оценить почти безукоризненный покрой своего костюма.

Потом он снова садится и, наклонившись к нам, понижает голос:

— Я знаю, зачем вы здесь, и могу вам помочь. Я кандидат в вожди кантона Геригерика: мой покойный младший брат занимал эту должность, а теперь я должен его заместить.

Он делает большой глоток:

— Там все уже повинуются мне; я сведу вас с самым главным колдуном, и мы будем действовать сообща.

Я киваю головой. Акои продолжает очень убежденно:

— Вы делаете кинофильмы — я очень хороший актер; вы записываете голос на пластинки — я очень хорошо пою. Даже неизвестные здесь песни, потому что я много путешествовал. Отправляйтесь вместе со мной в поездку перед моим назначением.

Чем мы рискуем, принимая его предложение? После пескольных стаканов Акои встает и назначает нам свидание на завтра.

— Я начну с Бофосу, — говорит он, — завтра четверг, там базарный день и соберутся все жители кантона.

Бофосу находится по дороге из Масента в Гекеду и, должно быть, неподалеку от Согуру, где будет происходить большая татуировка.

* * *

Сегодня утром мы встречаемся с Акои, как и было условлено, у развилки дороги на Гекеду. Он выделяется из толпы своей нейлоновой шляпой. Люди с грехом пополам набиваются в грузовики, которые выглядят так, словно прибыли прямо со свалки. Местные шоферы покупают их обычно у европейских предпринимателей, когда те считают, что машины уже непригодны к употреблению. На каждой подножке хозяин грузовика рас-

хваливает его преимущества и призывает немедленно занять места, которых, по его словам, мало. В этом не приходится сомневаться, когда видишь, как в перегруженные тюками, велосипедами и кудахтающей птицей кузова поминутно карабкаются все новые и новые пассажиры.

— Я заказал пять мест вот в этой машине, — важно говорит Акои, показывая на самый дряхлый грузовик. — Ваш багаж поедет на другой. Я обо всем позаботился.

Он представляет нас водителю, одному из своих друзей, и вскоре, после того как мы с великим трудом трогаемся с места, начинаются приключения. Описать путешествие по лесным дорогам в таких условиях совершенно невозможно. На ровном месте все обходится более или менее благополучно, но на подъеме, даже самом незначительном, два помощника шофера выскакивают из грузовика, хватают огромные деревянные клинья и, едва мотор начинает задыхаться, бросают их под колеса. Эти помощники — молодые парни, выполняющие за шоферов все черную работу, — получают в награду право брать иногда в свои руки судьбу восьмидесяти пассажиров, совершенно, впрочем, безразличных к своей участи. Быть может, сказывается отсутствие привычки, но я не могу разделить их фатализм. При каждом спуске накатом с выключенным мотором я с замиранием сердца жду последнего удара. Когда все страшное остается позади, я со вздохом облегчения смотрю на окружающих, но вижу только восхищенные, опьяненные скоростью лица. Эти ужасные прыжки с успехом заменяют им «русские горки».

Чтобы проехать сорок километров, отделявших нас от Бофосу, потребовалось три часа. Нужно, разумеется, принять во внимание остановки у каждого ручейка, чтобы залить радиатор, переправу на пароме через реку Макона и бесчисленные путешествия учеников, жаждущих проникнуть в тайны механики, под капот мотора.

Мы вылезаем на базарной площади. С чувством облегчения я прыгаю из грузовика. На заднем борту огромными буквами написано: ЗАПАСНОЙ ВЫХОД. ЖЕЛАЕМ УДАЧИ. Шофер, очевидно, не больше моего верит в возможности своей машины.

Мы смешиваемся с шумной толпой и бродим среди товаров. Бесчисленные диула, бродячие кущцы, прода-

ют вперемешку опасные бритвы, сгущенное молоко, подтяжки, цветные ситцы, старые шины, лучшие бальзамы против самых разнообразных болезней и кучу всяких вещей, совершенно ненужных в лесу. На самых больших прилавках громоздятся мешки с кофе.

В знойном воздухе воняет сушеной рыбой. Почти повсюду на земле сидят голые до пояса женщины. Разложив в беспорядке три мерки красного перца, две горсти орехов кола, полсвязки бананов, они с безучастным видом ждут покупателей.

В глубине площади мясник спокойно перерезает горло предназначенному на продажу быку.

* * *

Ночью лес становится как будто еще гуще и окружает деревню еще более плотным кольцом. После шума и гама базара сейчас все кажется безмолвным. Мы остановились в маленькой хижине напротив харчевни. Это слово, завезенное сюда первыми белыми, очень точно характеризует придорожные трактиры, где останавливаются шоферы-африканцы и постоянные чернорабочие, занятые ремонтом дороги, которую торнадо* беспрестанно выводят из строя. Из харчевни к нам доносятся пронзительные звуки губной гармоник и шарканье танцующих.

Я перехожу через дорогу и попадаю в низкую, прокуренную комнату, скупо освещенную двумя-тремя лампами-молниями. Женщин не видно. Под назойливую мелодию, которую один танцующий выводит на губной гармонике, мужчины, шаркая ногами, ходят хороводом друг за другом. Они одеты в европейское платье, рваное и заплатаанное до предела, на головах у них фески, береты или старые фетровые шляпы. Один из них, не прекращая танца, пускает из трубки клубы дыма.

Барэ — хозяин — встречает меня широкой улыбкой. У него бритый череп, длинные висячие усы, и, увидев его сегодня утром, Жан тотчас же окрестил его Аладдином. Он очень устал. Сегодня по случаю базара он продал в розницу одиннадцать двухсотпятидесятилитровых бочек, а клиенты все продолжают требовать от него добоиги — красного вина. Это наиболее полюбившееся

* Смерч, ураган. — *Прим. пер.*

тома изобретение белых. Барэ подносит мне стакан, и я, присев на скамью, разглядываю танцующих сквозь облака дыма, плавающие вокруг подвешенных к потолку ламп-молний.

Мужчины продолжают ходить по кругу и напевать хриплыми голосами. Время от времени гармонист, не нарушая ритма, принимается дуть в гармонику сильнее, и тогда их монотонное пение сменяется пронзительным криком. Иногда кто-нибудь выходит из круга, чтобы взять стаканы с добоиги. Он подносит их к свету, проверяя, одинаков ли уровень вина, и протягивает товарищам. Оглушенный шумом и движением, задыхаясь от дыма, я прощаюсь с Барэ и выхожу из харчевни.

* * *

Вирэль вытащил гадальные карты. Он уже несколько лет изучает символизм и сегодня вечером рассказывает о нем Тони, который мало что в этом смыслит. Вирэль умеет также гадать на картах и уверяет, что может предсказать судьбу и определить характер каждого. Тони, настроенный весьма скептически, требует доказательств, и Вирэль вытаскивает карты.

В это время входит Акои и с ним какой-то странный человек — высокий и худой, с очень темной кожей, в слишком широкой помятой фетровой черной шляпе и в грязном бежевом плаще, из-под которого торчат длинные голые ноги. У него благородное, несколько застывшее выражение лица. Он молча отходит в угол хижины.

Восхищенный яркой раскраской карт, Акои подходит к Вирэлю и внимательно слушает его объяснения. Он не может устоять против соблазна принять участие в гадании, и Тони уступает ему место за столиком. Довольный своей поездкой и одновременно беспокоясь о ее результатах, он сам находит в картах основание для надежд. Вирэль побаивается противоречить, и оба приходят к такому компромиссному решению: если все будет хорошо, Акои будет кантональным вождем...

Акои встает. Не говоря ни слова, человек в плаще садится на скамью и склоняется над картами; он продолжает хранить молчание, но его лицо выдает напряжение, с которым он следит за несколькими двусмысленными толкованиями. Когда Вирэль объявляет ему: «Лес —

твою владения», он наконец решает дать нам возможность услышать его голос:

— Это правда,— произносит он немного высокомерно,— в лесу я главный.

— Вот видите,— торжествующе перебивает Акои,— я привел к вам того человека, который вам нужен. Договоритесь с ним. Я не хочу впутываться в эти дела со священным лесом. Вуане Коивоги, только он один, может вам помочь.

Он уходит, Вуане провожает его взглядом, потом оборачивается к нам и пожимает плечами:

— Конечно, ему лучше не ввязываться — он не татуирован.

Он сказал это с таким спокойным презрением, что мы почувствовали себя неловко оттого, что на нас самих нет этих обязательных рубцов.

— И он,— добавил блюститель культа,— никогда не станет вождем. Чтобы быть кантональным вождем у тома, нужно быть немного знахарем, а то быстро умрешь. Его младший брат... он не протянул и двух месяцев...

Мы принялись излагать Вуане наши намерения. Он уже знает, чего мы хотим, но его умные глаза стараются разгадать по нашим лицам, что скрывается за нашими словами. Этот человек мне нравится; между нами возникает невидимая связь — он угадывает то, чего не понимает из наших слов. Я объясняю, что мы хотим опрокинуть последние барьеры, разделяющие белых и черных, а для этого надо знать секреты тома.

Вуане задумчиво слушает меня. В хижине воцаряется долгое молчание. Большие ночные бабочки, влетевшие через раскрытую дверь, порхают вокруг лампы-молнии. Снаружи стрекотание насекомых почти заглушает гнусавые звуки губной гармоникки.

Вуане встает:

— Но чтобы узнать их,— произносит он,— нужно действовать постепенно. Это нельзя сделать за один день. Мне нужно подумать над тем, что вы сказали. До свидания.

Он исчезает во мраке безлюдной деревни.

— Ты думаешь, он вернется? — спрашивает Тони.

— Во всяком случае, раз он знахарь, то, видимо, он один может здесь помочь нам.

Вирэль ставит лампу-молнию на ночной столик. Растянувшись в гамаках и покуривая сигареты, мы еще долго обсуждаем случившееся.

Гармоника смолкла.

Неожиданно в дверях появляется Вуане, закутанный в одеяло. Он вошел в хижину так же внезапно, как вышел.

У него торжественный, решительный вид.

Он тоже не может уснуть. Никогда еще белые не разговаривали с ним так.

— Я чистокровный тома, — говорит он. — Мое имя Вуане означает «стойкий». Мой род Коивоги — «те-кто-не-ест-пантер» — род настоящих лесных людей. У нас с вами разный цвет кожи, но мы будем словно братья, от одних отца с матерью, и я открою вам все тайны тома. Я не боюсь умереть. Для начала я принесу завтра жертву моему духу, и мы пойдем вместе к Вуриаколи, главному знахарю.

Назавтра Акои отправляется в путь — продолжать свое турне — один, а мы делаем Бофосу своей главной базой.

3

Мы идем по лесу следом за Вуане. Узкая тропинка вьется между огромными жгутами лиан, сплетающихся в причудливые узоры. Через несколько минут Вуане останавливается и указывает мне на огромный ствол сейбы. Ее наружные корни с треугольными перепонками напоминают стабилизатор стоящей ракеты. В одном из корней виднеется прямоугольник, как будто грубо вырубленный топором.

— Видишь, — говорит мне Вуане. — Вот куда приходят за дверями для хижин.

Гладкие стволы деревьев возносятся почти на пятьдесят метров и теряются в густой листве. Рассеянный свет тонет в зарослях древовидного папоротника. Там и сям громоздятся, словно гигантские сталагмиты, испещренные глубокими бороздами пирамиды термитников, достигающие высоты человеческого роста.

Вуане рассматривает их на ходу и наконец останавливается перед самым большим из этих желтоватых сооружений.

Он бьет по нему мотыгой с восточной стороны, быстро добирается до ходов и точным ударом вскрывает этот копошащийся подземный мир, не обращая внимания на болезненные укусы термитов-солдат, которые кишат на его голых руках и ногах. Он роет яму прямо под вершиной, все глубже и глубже, и с торжеством извлекает оттуда огромное яйцо из краснозема.

Это футляр «царицы» термитов. Вуане рассекает его пожом и показывает нам белую личинку сантиметров пятнадцати длиной. Крошечная черная головка торчит на огромном вздувшемся животе, сокращающемся в потугах непрерывного откладывания яиц. Вокруг «царицы», ослепленные дневным светом, снуют во все стороны маленькие термиты.

— Вот, — говорит Вуане, — я раздобыл кантонального вождя термитов. Я принесу его в жертву Ангбаи.

Он тщательно закрыл двери своей хижины, так как ни одна женщина, ни один посторонний, даже тома, не должен знать его тайн. Мы погрузились в темноту. Вуане зажигает лампу-молнию, вынимает из спрятанной в углу корзины большой сверток и раскрывает его.

Из-под груды шкур пантер и обезьян появляется дьявол леса — Ангбаи. Это большая черная маска — без рта, без глаз и с рогами. Лампа бросает тусклые блики на полированные грани маски. Вуане ставит ее в угол хижины и раскладывает перед ней все свои талисманы — шарики запекшейся крови, раковины и уменьшенное изображение Ангбаи, которое он всегда носит в косом кармане своего бубу.

Вооружившись ножом, Вуане вскрывает брюхо «царицы» термитов, кропит ее соком маску и талисманы, давит ее дряблое и липкое тело об Ангбаи и начинает свои заклинания. Нас он предупредил, чтобы мы не мешали ему и не задавали вопросов до окончания церемонии.

Скрестив руки ладонями кверху, Вуане кладет поклоны перед только что воздвигнутым алтарем, и его выпуклые глаза сверкают на исполненном экстаза лице.

Мы смотрим на него, стоя неподвижно в глубине хижины.

Время от времени он перестает кланяться и звонит в колокольчик,

Наконец, он бросает орехи кола, чтобы узнать волю маски. Затем разгрызает орехи, разжевывает их и в качестве жертвоприношения выплевывает на подбородок и лоб лесного дьявола.

Он как-то сказал нам: «Когда Ангбаи нисходит на меня, я уже не Вуане», и голос его действительно теперь совсем иначе звучит, наполняя собой всю хижину. Он снова кланяется, проскальзывает под шкуры маски, поднимается, затем встает на колени и, весь сжавшись, качает головой слева направо. Его заклинания переходят в рычание.

В душевной темноте хижины нам становится не по себе от всей этой чертовщины, и мы потихоньку исчезаем. Может быть, Вуане этого даже и не замечает.

Когда он возвращается в нашу хижину, на его лице нет и следа транса, в котором он сотрясался всем телом,— оно выражает лишь глубокое удовлетворение. По его словам, Ангбаи — самое главное из воплощений Афви, Верховного существа. Вуане получил эту маску от своего отца и в свою очередь передаст ее одному из своих сыновей*.

— Но каким образом он сообщает тебе свою волю? — спрашивает кто-то из нас.

— Просто через орехи кола,— отвечает Вуане.

Дерево кола дает крупный плод бутылочно-зеленого цвета, содержащий пять-шесть белых или лиловых орехов величиной со сливу; от простого нажатия пальцем орех раскалывается в длину на две половинки. Чтобы спросить духа, нужно бросить на землю четыре половинки ореха. Его ответ толкуется по тому, как они упали. Вуане обучает нас этим толкованиям; они сначала кажутся нам слишком сложными, но, поскольку только одна комбинация из четырех является зловещей, шансов на неблагоприятный ответ не так уж много.

— И,— добавляет он,— если гадание не выходит, можно начать снова, но не больше трех раз.

Все суеверия подчиняются одинаковым законам, и гадание на орехах кола — то же самое, что делаем мы, подбрасывая монету: «орел» или «решка». Тома, как и все другие люди, умеют заключать сделки с небом.

— Сегодня орехи кола сказали хорошо,— заявляет

* См. Приложение I: «Чтобы сделать маску».

Буане, — и я могу вести вас к старому Вурпаколи, которому подчиняются все знахари по ту сторону реки Макона.

* * *

Прошло несколько дней, а мы все еще в Бофосу. Буане, по-видимому, не торопится выполнить свое обещание. «Нужно действовать постепенно», — сказал он нам, и мы не хотим его подгонять. Ведь он сейчас единственная наша надежда. Быть может, он и прав, ожидание еще больше сближает нас со страной тома.

За исключением базарных дней, когда из окрестностей сходятся представители всех рас и племен, Бофосу кажется покинутой. Жители работают на своих лугах *. Они заканчивают сбор кофе и начинают рыхлить землю для следующего посева риса. Только несколько стариков сидят в тени своих хижин и, жуя табак, смотрят, как течет жизнь. Иногда кто-нибудь из них заходит к нам в гости, дарит несколько орехов кола и рассказывает историю своей семьи. Она у каждого из них без исключения до прихода белых была самой важной в кантоне или даже во всей стране тома. Буане переводит эти рассказы всегда снисходительным тоном — он убежден в неоспоримом превосходстве своих предков.

Ежедневно около пяти часов вечера мы ходим купаться на болотистый берег реки; по дороге нам встречаются женщины в разноцветных набедренных повязках — они гуськом возвращаются со стирки, неся тазы на голове. Среди типично голливудской декорации тропического сада, в котором древовидные папоротники образуют светлые своды над окруженными скалами водоемами, мы барахтаемся в проточной воде, обдаваемые брызгами водопадов, скользим в туннелях лиан. Буане часто сопровождает нас; он решительно осуждает употребление мыла для мытья — с его точки зрения, мыло надо беречь только для стирки.

— Оно моет слишком чисто, — говорит он. — А если мужчина слишком чист, он больше не может делать детей.

Для тома делать детей и делать их как можно больше — это главное.

* Раскорчеванные участки, предназначенные для земледелия.

У Вуане есть хижина в Бофосу. Он живет в ней временно с женой и пятилетней дочерью, но его постоянное местожительство в деревне, расположенной в лесу на расстоянии полудня ходьбы отсюда. Там живут его другие жены и дети и все его многочисленное семейство.

Когда с наступлением ночи возвращается прохлада, деревня оживает. Пробуждаются лесные голоса. Через полуоткрытые двери видны силуэты людей, сидящих на корточках вокруг огонька в глубине хижин.

Протяжно мычат быки, свободно разгуливающие между могилами. Время от времени какой-нибудь баран яростно наскакивает на другого. Жители выходят из хижин и с интересом наблюдают за ожесточенной схваткой — это одно из их любимых вечерних развлечений.

Сегодня мы решили впервые использовать магнитофон. Вуане созвал музыкантов и предупредил всю деревню; он помогает нам устанавливать аппаратуру и тут же дает несколько советов, чтобы показать окружающим, как значительна его роль. Запуск электрогенератора — трудное дело. Многочисленные зрители внимательно следят за этой операцией. Наконец мотор начинает работать и лампочки загораются. По толпе прокатывается одобрительный гул. Сначала мы записываем трио — два приказчика Барэ и портной поют странными голосами, подыгрывая себе на чем-то вроде лиры. Они, кажется, даже не замечают микрофона, и Тони приходится его передвигать, следуя за каждым их движением. Использував первую катушку, мы прослушиваем запись.

Все столпились полукругом перед репродуктором. Услышав, что из этого квадратного ящика раздаются голоса их певцов, они сначала изумленно молчат, а затем разражаются хохотом. Самый старый житель деревни подходит к нам и просит Вуане передать его слова:

— Теперь я могу умереть, я видел самую удивительную машину белых.

Вуане выглядит несколько разочарованным. Во время записи он часто громко вставлял свои замечания, но при прослушивании их не заметил. Он еще не знает, как надо становиться по отношению к микрофону.

— Это хорошо, эта машина, имеющая память, — го-

ворит он.— Но иногда она все же кое-что забывает. Когда вы будете во Франции, ей придется переводить. Там ведь не знают языка тома.

Потом он мечтательно добавляет:

— Если бы у меня была такая машина, я не показывал бы ее всем, я заставил бы платить тех, кто хочет ее видеть.

Высказав это деловое соображение, он исчезает в толпе и через минуту возвращается, протягивая нам стофранковый билет.

— Видишь, старшина деревни думает то же самое. Он дал мне сто франков за машину; теперь надо заставить заплатить остальных.

По обычаю тома нельзя отказываться от подарка, но мы затаскиваем Вуане в хижину и добиваемся от него обещания не возобновлять сборов.

— Мы приехали сюда не для того, чтобы брать с людей деньги,— говорю я.

— Вы все время даете и ничего не берете. Если вы будете так продолжать, у вас ничего не выйдет,— решительно заявляет Вуане.

— Мы ни в каком случае не можем брать деньги. У нас нет патента.

— А! Ну, в таком случае...— Вуане признает себя побежденным.

Решающий аргумент найден: накануне Вуане рассказал нам, что его зять должен был заплатить крупный штраф за то, что открыл харчевню без этой необходимой бумажки, которую он, между прочим, приравнивает к гри-гри*.

* * *

Наша хижина выходит на деревенскую площадь, и иногда по утрам мы, не двигаясь с места, становимся свидетелями судебных разбирательств. Вуане переводит нам все. Часто старейшины спрашивают наше мнение. Здесь нередки разводы, сопровождаемые возвратом приданого; раздел имущества вызывает обычно оживленные споры обеих сторон. Разговоры при урегулировании дел о наследстве бесконечны. Но сегодня речь идет о более важном случае. У входа в деревню живут диула,

* Амулет, талисман.— *Прим. пер.*

торговцы. У одного из них украли десять тысяч франков. Все жители деревни знают друг друга. Подозреваемый был вскоре обнаружен. Его тащат на площадь, ставят перед старейшинами; он защищается как может. Несмотря на его бурные протесты, руки заподозренного в краже от запястья до плеча туго обвивают кольцами мокрой веревки. Солнце быстро ее высушивает, она постепенно стягивается и врезается в тело. Человек, сначала сидевший на корточках, вскакивает от боли и крутится волчком, широко расставив руки; он не знает, на что решиться, ищет глазами спасения, но видит вокруг только холодные взгляды, бесстрастные лица. От боли он даже не может бежать — между витками веревки вздулись валики посиневшего мяса. Он отчаянно сопротивляется с четверть часа, затем шатается, падает на землю, сознается и указывает свой тайник. Суд возвращает потерпевшему украденную сумму и приговаривает вора к штрафу в пользу каждого из жителей за то, что он опозорил всю деревню. Мы получаем свою долю — сто пятьдесят франков.

Но мне хочется, чтобы Вуанс нам кое-что объяснил.

— Как вы узнали, что это он?

— Очень просто, у него под бубу нашли жертву вора.

Он показывает мне прикрепленные к его собственному бубу бараний рог, зуб паптеры и колокольчик.

— Я ношу жертву человека, у которого нет денег, по который станет большим начальником.

— Это немного похоже на удостоверение личности, — замечает Жан.

— Охотно, — отвечает Вуанс, для которого это слово является наиболее изысканной формой утверждения. — Глядя на жертву тома, ты сразу же знаешь, кто он и чего хочет.

— Но, — спрашивает Вирэль, — почему ты называешь это жертвой?

Тогда Вуанс объясняет нам, что слово «сарагаи» имеет на языке тома несколько значений.

— Прежде всего так называют то, что каждый тома, мужчина или женщина, всегда носит при себе, чтобы определить свое общественное положение или свои намерения. Это слово относится также ко всем защитительным талисманам — хижины, семьи, деревни или

клана. Например, к семи камням, предназначенным обеспечить долголетие главы семьи, которые подвешены на нитке из лианы к деревянной перекладине, поддерживаемой двумя вертикально стоящими вилами, или к тонкому стволу дерева, положенному перед кладбищем каждого клана и защищающему его.

Тем же словом обозначаются все приношения предкам и духам леса и, уж конечно, жертвы в виде животных.

Буане рассказывает, что основатель деревни всегда делит ее территорию между кланами. Действительно, тома делятся на много кланов, каждый из которых имеет свой тотем-животное. Все тома, как мужчины, так и женщины, не могут ни употреблять в пищу животнототем, с которым они себя отождествляют, ни вступать в брак с членами своего клана. Эти запреты имеют в их глазах столь большое значение, что вместо простого: «Как твое имя?» — они спрашивают: «Как называется животное, которого ты не ешь?»

Еще в прошлом году я имел возможность убедиться, что существуют также и тотемы-растения: Ково Гилавоги, который не ест мяса собак, не притрагивается также и к маниоке. Однажды Ково утащил меня с собой за деревню и показал свою священную плантацию. Она содержится в таком прекрасном состоянии, что растения образовали своего рода туннель, в центре которого на каменной плите были сложены жертвоприношения. Мне хотелось бы знать — единственный ли это случай, но объяснения такого рода утомляют Буане, и он всегда пользуется первым же предлогом, чтобы их прекратить. Сегодня вечером ему необходимо идти готовить обед.

Однако, пообедав, он снова приходит в нашу хижину, и я прошу его рассказать о священном лесе, о том, когда он возник, и о происхождении первых тома. Он, кажется, не очень хорошо понимает мои вопросы.

— В конце концов, — говорю я ему, — должен же ты знать, как появился на земле первый человек.

— Об этом надо спрашивать Барэ, он знает лучше меня.

Я зову Барэ из харчевни. Он приходит, широко улыбаясь.

— Барэ, ты знаешь историю первого тома?

Барэ без запинки излагает историю Адама и Евы, имена которых он, впрочем, забыл.

— Первый человек был совсем один. Он заснул под деревом. Пришел Великий Дух, он взял кусок и сделал женщину.

Он явно старается не пропустить ни одной детали. Но в конце я все-таки замечаю:

— Но ведь ты излагаешь как раз историю первого белого человека.

— Да,— говорит он скромно,— мне ее рассказали христиане из Америки.

И он рассказывает, что некоторое время прожил в Либерии. Там протестанты обратили его в свою веру, но теперь не желают его признавать. Он поклялся иметь только одну жену, и хотя у него сейчас действительно только одна, это уже пятая после крещения.

— Если женщина нехороша, ее надо сменить. А они не хотят этого понять,— заключает он в отчаянии от такой узости мышления.

Мне все-таки хочется услышать историю первого тома, а не первого белого. Вуане и Барэ вопросительно смотрят друг на друга.

— В таком случае,— решительно заявляет Вуане,— ничего больше не известно. Даже самые старые, потерявшие волосы и ослепшие, не смогли бы тебе рассказать об этом. Их деды жили не здесь, и они не знают, что происходило в той стране, откуда они пришли.

Побежденный этой беспощадной логикой, я меняю тему разговора, решив вернуться к этому важному вопросу в другой раз.

* * *

— Можете готовить ваши машины,— говорит нам Вуане со своей обычной улыбкой,— я нашел носильщиков, и сегодня утром мы отправимся в Гизиума. Там сейчас большой праздник по случаю смерти одного старика.

Он объявляет нам эту новость повелительным тоном, не допускающим возражений. Но ведь и мы хотим одного: начать съемки.

Вуане пригласил не только носильщиков, но и маленький оркестр из тамтамов. В стране тома важные персоны перемещаются только в сопровождении музы-

кантов, и всю дорогу пять человек поют нам хвалу, аккомпанируя себе на маленьких, зажатых под мышкой барабанах.

— Музыканты, что женщины, — философски замечает Вуане. — Если у тебя есть деньги, они все около тебя и твердят, что ты великий вождь.

Со времени приезда в район Геригерика мы сегодня впервые входим в глубь леса. Тропа в хорошем состоянии, идти по ней нетрудно, но по обеим сторонам огромные канаты лиан свешиваются с деревьев и, сплетаясь между собой, образуют две непроходимые завесы. Местами приходится пересекать болотистый рукав реки, увязая по пояс в отвратительной теплой тине.

Мы выходим к глубокой реке. Над черной водой, загроможденной мертвыми деревьями, перекинут мост из полусгнивших лиан. Мы можем пройти по нему только поодиночке и боимся за нашу аппаратуру.

— Надо починить его до сезона дождей, — говорит Вуане, — дьявол займется этим.

Он объясняет, что женщины и непосвященные должны думать, будто только дьявол умеет строить мосты из лиан. Поэтому мужчины должны перебросить их с берега на берег за одну ночь.

Мы проходим через деревеньку; жители встречают нас дружескими приветствиями и осыпают мелкими подарками. Взамен я даю старосте немного денег, и Вуане смотрит на меня неодобрительно.

— Не надо этого делать, — говорит он. — Ты пришел к ним, они должны сделать тебе подарок. У тома это так. Спрашивай меня всегда, прежде чем что-нибудь делать... Я-то знаю.

Я могу лишь еще раз преклониться перед его уверенностью в себе.

Когда, незадолго до прибытия в Гизиума, мы поравнялись со священным лесом, в кустах раздались яростные крики; это посвященные, несомненно занятые каким-то тайным обрядом, пытались заставить нас обойти запретное место. Но вся деревня уже выбежала нам навстречу, и толпа буквально вынесла нас на центральную площадь. Вскоре мы поняли причину такого энтузиазма: умерший был в молодости спутником первых

белых, пришедших в эту страну, и мы прибыли в деревню — куда никогда не заходит ни один иностранец — как раз во время погребальной церемонии. Это совпадение кажется им чудом.

Старейшины усаживают нас, по очереди поздравляют с прибытием и кладут к нашим ногам традиционные подарки: орехи кола, рис, заряды пороха. Бесконечно длинные речи следуют одна за другой. Те, у кого есть ружья, показывают нам, что они заряжены холостыми патронами, затем отходят в сторону и стреляют в воздух в нашу честь.

Они мастерят эти мушкеты в местных кузницах из самых различных материалов, в частности из старых велосипедных рам.

Это не безопасное оружие. Время от времени стволы разрываются, калеча руки стрелков.

К нам подходит старик со стофранковым билетом в руке. Вуане продолжает играть роль переводчика.

— Старик говорит, что у него нет ничего другого, но белым нельзя дарить деньги, потому что именно белые их делают.

Обменявшись несколькими словами со старшиной, наш гид спокойно кладет билет себе в карман: он не белый.

Наступило время жертвоприношений.

Жертвы, приготовленные семьей умершего, — баран, петух и бык — приведены на площадь. Нужно почтить память покойного и доказать всем, что он был богатым и уважаемым человеком.

Знахарь начинает хвалебную речь. Каждая ее фраза отмечается ударами в стоящие на земле большие погребальные барабаны, напоминающие по форме песочные часы.

Животные обезглавлены, затем разрублены на части. Потоки крови пропитывают красную почву. Присутствующим раздают только куски барана. Мы получаем почетные части: филе, мозги и печень.

Через определенные промежутки времени раздаются ружейные выстрелы.

Вдруг женщины и дети разбегаются в разные стороны. Из леса появляется огромная черная маска, украшенная перьями: Бакороги. В густой бороде видна раскрытая красная пасть. Бакороги размахивает дьяволь-

ским трезубцем колдуна, символизирующим когтистую лапу пантеры.

Его сопровождают три музыканта. Они поют и барабанят короткими палочками по бананообразному инструменту из полого железа.

Пританцовывая, Бакороги проходит по деревне и перодразнивает своих наполовину успокоившихся зрителей.

Он кланяется, раскачивается, машет руками, наклоняет голову и так ловко меняет позы, что его неподвижная маска попеременно выражает радость, грусть, гнев.

Возле одной из хижин он останавливается перед нишей, скрывающей какой-то странный предмет: что-то вроде метелки из перьев, рукоятка которой, покрытая запекшейся кровью и инкрустированная ракушками, закапчивается отточенным лезвием.

— Это симонгюи, — сообщает мне Вуане. — Гри-гри, ограждающий детей от пожирания колдунами.

Бакороги продолжает свой таец, принимая жертвоприношения у каждой хижины. Мы передаем ему наши через Вуане. Может быть, в этом выражается благодарность, но он угрожающе надвигается на нас, прежде чем возвратиться в лес, до которого рукой подать.

Среди оглушительного шума продолжают трещать выстрелы. Деревня тонет в облаках порохового дыма и красной пыли.

В тот же вечер мы возвращаемся в Бофосу. Вуане приходит в прекрасное настроение. Он испытывает глубокое удовлетворение: благодаря ему мы смогли заснять праздник. К сожалению, нам нужно совсем иное.

Год назад мы уже засняли все, что можно видеть непосвященным. Теперь мы хотим проникнуть в великие тайны тома, ради чего готовы подвергнуться испытаниям, связанным с обрядом посвящения. Только Вуане может нам помочь. Я напоминаю ему, что он должен отвести нас к главному знахарю.

Вуане, обидчивость которого нам всегда приходится щадить, опускает голову. Он, кажется, глубоко задумался. Затем из его размышлений рождается такое неожиданное заявление:

— Завтра мы пойдем в миссию к белым отцам, чтобы увидеться с Вуриаколи.

В самой глубине чаши, посреди протянувшейся вдоль дороги в Масента обширной зоны обработанных полей, длинная, усаженная с двух сторон цветами аллея ведет к четырехугольной хижине, в которой помещается католическая миссия Балума. Над спортивной площадкой возвышаются часовня, школа и лазарет. Железные крыши покрылись ржавчиной, на стенах — растрескавшийся слой каолина. Постройки устаревшего стиля. Святые отцы, несомненно, уже давно поселились в этой стране.

Перед приходом сюда Вуане долго объяснял нам свою точку зрения:

— Я работал у отцов, я их знаю. Они даже собирались меня крестить, но я не хотел. Мой отец дал мне Ангбаи, я должен его хранить. Нельзя хорошо делать два дела сразу. Отцы — колдуны белых, и наши ведуны открыли им много секретов. Отцы их не выдали. Все тома, даже Вуриаколи, верят их обещаниям. Если вы поклянетесь в их присутствии ничего не говорить женщинам и билакоро*, главный знахарь откроет наши секреты и вам.

Белые отцы принимают нас весьма сердечно. Несмотря на пост, они, не колеблясь, угощают нас всем, что запрещено им самим: табаком, спиртом, мясом; мы не можем устоять перед искушением хоть раз поесть по-европейски. Но как изложить отцу-настоятелю нашу просьбу? После обеда он ведет нас посмотреть угодыя миссии, и я пользуюсь этим, чтобы передать разговор с Вуане и изложить наши планы. Лицо его выражает полнейшее изумление; правда, он поддерживает добрососедские отношения с главным знахарем, но ему кажется, что он не сможет добиться для нас разрешения на съемку тайных обрядов. Он думает, что на этот счет Вуане заблуждается. Но, уступая моим просьбам, отец-настоятель соглашается устроить нам встречу с Вуриаколи.

С наступлением ночи Вуане уходит. Он настроен очень оптимистически.

— Я вернусь сюда завтра с главным знахарем, и все будет в полном наличии.

* Непосвященные дети. Термин, общий для всей Гвинеи.

Он впервые употребляет эту метафизическую формулу, но в дальнейшем мы часто будем встречаться с ней в его речах.

Рано утром отец-настоятель входит в нашу комнату.

— Возможно, вы этого не знаете, но сегодня воскресенье. Мы служим мессу, но вы не должны чувствовать себя обязанными непременно на ней присутствовать.

Он оставил для нас места рядом с алтарем. Тони, не соблюдающий религиозных обрядов, фотографирует, и это позволяет ему избежать какой-либо неловкости. Фиштэ, Вирэль и я ловим себя на том, что мы вместе с тома поем мессу на латинском языке. В проповеди на языке тома мы ничего не понимаем.

Один из отцов усаживается за фисгармонию. Инструмент издает время от времени какие-то сдавленные звуки, будто кашляет. Мы обмениваемся удивленными взглядами. Под конец нам уже стоит больших усилий сохранять серьезность. Оказывается, накануне слуга, которому было приказано почистить фисгармонию, вылил в нее несколько ведер воды.

Колокол звонит вовсю, и ученики миссии рядами выходят из часовни со скрещенными руками и лицами постными, как у святых на иконах. По широкой цветущей аллее поднимается человек. Мы узнаем Вуриаколи, хотя никогда его не видели. Он закутан в покрытое заплатами голубое бубу, на затылке у него красная феска, из-под которой свешиваются три белые косички, в левой руке сатанинский трезубец. Дети смотрят на него со страхом и уступают ему дорогу.

Настоятель уводит нас вместе с Вуриаколи в свой кабинет, подальше от любопытных взоров. Только Вуане и переводчику миссии разрешается присутствовать при беседе. Настоятель начинает говорить. Вуриаколи слушает. Суровый взгляд, жесткие черты лица. Ни один мускул не дрогнет на его аскетическом лице.

— Белые люди, — кончает свою речь настоятель, — обещают ничего не разглашать в Африке ни женщинам, ни непосвященным. Я гарантирую, что они сдержат свое слово, а ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы мне поверить.

Вуриаколи отвечает не сразу. От этих нескольких минут, в которые он размышляет, зависит, быть может, судьба нашей второй попытки. Передо мной на фоне ярко освещенного прямоугольника двери вырисовывается темный силуэт Вуриаколи. Он не удостоивает нас взгляда.

— В прошлом году, — произносит он наконец, — двое из присутствующих здесь белых смогли снимать в Ниогбозу гелемлаи и вход в священный лес благодаря моему разрешению.

Мы с Жаном обмениваемся быстрыми взглядами. До сих пор эта подробность была нам неизвестна.

Глухой голос Вуриаколи становится еще более суровым:

— На этот раз они просят слишком многого. Я не хочу умереть. Я не открою им ни одной из тайн тома.

Не говоря больше ни слова, он встает, выходит наружу и спускается по залитой солнцем аллее, рассекая воздух своим трезубцем. Настоятель с жестом бессилия поворачивается к нам.

— Я сделал все, что мог, но я заранее знал его ответ.

После неудачи в Ниогбозу этот отказ подтверждает, что начальник округа был прав. Нам никогда не достигнуть нашей цели.

Мы прощаемся с белыми отцами и уныло пускаемся в обратный путь.

Вот уже пятнадцать дней мы топчемся на месте.

Из Ниогбозу в Масента, из Масента в Бофосу — мы теряем в бесполезных хождениях взад и вперед целые дни.

Мы впадаем в уныние. Только Вуане не теряет веры в успех.

— Есть люди посильней Вуриаколи, — говорит он, пожимая плечами. — Он распоряжается только на этом берегу Маконы.

Вуане наклоняет голову, протягивая руки:

— Но перед Зэзэ Соховоги, моим учителем, склоняются все колдуны. Мы пойдем к нему завтра. Когда он хорошо узнает вас, он вам покажет все наши тайны. Он не боится смерти.

Мы покидаем нашу базу с опозданием на несколько часов.

Буане не без труда разыскал двадцать носильщиков, необходимых для переноски аппаратуры.

Мы почти с удовольствием входим вновь в душную тень большого леса. Уже то, что мы что-то делаем, возвращает нам в известной мере оптимизм.

А дорога очень трудна. Часто мы почти по пояс вязнем в тине многочисленных болотистых речек.

Время от времени Буане останавливается, чтобы показать нам следы ланей или пантер. Звери боятся человека и прячутся в чаще. Нужно быть профессиональным охотником, чтобы увидеть их вблизи.

Во главе колонны носильщики сменяют друг друга. Иногда передний, даже не замедляя шага, перерубает одним взмахом куп-куна * красную гадюку.

Мы вступаем в гористую местность и пересекаем цепь холмов с обрывистыми склонами. Затем поднимаемся по последней крутой тропинке и внезапно выходим на большое каменистое плато.

Позади нас, насколько хватает глаз, раскинулось море зелени. Посреди плато, окруженного черными голыми скалами, виднеется островок огромных деревьев. Буане протягивает руку:

— Вон там — моя деревня Фасаворо. Здесь почти ничего не растет, земля очень бедная, и мужчины спускаются вниз, в Бофосу, чтобы заработать на жизнь.

Носильщики очень отстали от нас, и мы входим в деревню только с Буане.

Женщины, широко расставив руки, сматывают с больших клубков пряжу, протянув через всю площадь, от хижины к хижине, длинные нити хлопка, только что окрашенные соком каких-то лесных плодов в синий цвет. Наше появление остается сначала незамеченным. Вдруг одна из женщин начинает пронзительно кричать. В деревне поднимается переполох; площадь вмиг заполняется людьми. Буане чудесно играет роль блудного сына. Можно подумать, что он не был здесь уже несколько лет. Он порхает от одной группы к другой, с полной непринужденностью обменивается направо и на-

* Широкий нож. — Прим. пер.

лево приветствиями, благодарностями, поздравлениями и представляет нас как «четырёх патронов из Парижа». Все уже знают о нашей чудесной машине, «у которой есть память», о магниевых лампах, о кинокамерах... Под предлогом показа Вуане просит сфотографировать его вместе с нами и всеми членами его семейства.

Все они сейчас на площади: слепой воин, потрясающий своей саблей, старейшины в праздничных бубу, бывший стрелок в парадном мундире, женщины и дети, присевшие на корточки перед нами. Вдруг Вуане просит подождать еще минутку. Он бросается в соседнюю хижину и извлекает оттуда сморщенного старичка, которого ставит рядом с собой.

— Внимание, не шевелиться! — кричит Тони, выступающий в роли свадебного фотографа. После щелчка аппарата группа рассыпается, и Вуане представляет нам старичка:

— Вот мой худший племянник.

Слово «худший» означает в устах Вуане форму превосходной степени. Мы привыкли к этому, и нас удивляет лишь возраст племянника. Но сколько мы ни спрашиваем, нам так и не удается установить точную степень родства между Вуане и стариком. Тем не менее мы дарим ему бутылочку рома, даже не советуясь с Вуане. Беззубая улыбка расплзается по сморщенному лицу племянника. Здесь мы могли бы раздарить все содержимое наших ящиков, не боясь упреков: Вуане ведь у себя дома. Никакое благодеяние не может быть чрезмерным в отношении его семьи.

Он велел приготовить нам для ночлега свою старую хижину.

Целая процессия его жен несет нам ужин: гору риса в эмалированном тазу и в глиняных горшочках — «канарейках» — различные соусы с перцем или пальмовым маслом, в которых плавают кусочки курятины.

Хижина набита битком. Вся деревня хочет присутствовать при дружеской трапезе. Разумеется, первое место принадлежит старейшинам.

Энергично жестикулируя, все обсуждают — зачем нужны отдельные тарелки, ложки и вилки. Как обычно, я не притрагиваюсь к рису, которым пресытился за время путешествий. Вуане, вот уже несколько дней наблюдающий за мной, тревожится:

— Ты не голоден, патрон?

— Напротив, но рис мне запрещен,— говорю я шутя.

Он громко смеется.

— Ну, тогда тебя будут называть Моровоги — «тот-кто-не-ест-риса».

Эта ошеломляющая новость вызывает у присутствующих самые различные суждения. Вуане переводит:

— Старики говорят, что Моровоги в нашей стране непременно умрет. Здесь нечего есть, кроме риса. После этого утомительного дня ты должен его поесть. Завтра ты принесешь рису жертву, чтобы испросить у него прощение.

Я не знал, что запреты можно преступать так легко.

— Настоящий тома никогда не должен так поступать,— подтверждает Вуане.

Но мы продолжаем расспрашивать и узнаем, что каждый человек может в исключительных обстоятельствах есть свой тотем или жениться на женщине из своего клана, что представляет собой настоящее кровосмешение. Чтобы избежать кары, он должен загладить свою вину перед духами множеством искупительных жертв. Любая мораль, как бы строга она ни была, смягчается, чтобы приспособиться к жизни. В этом отношении тома ничем не отличаются от остальных людей.

Вуане приготовил нам сюрприз. Стайка очень робких девочек от восьми до десяти лет в набедренных повязках и платочках на голове появляется в хижине и выстраивается напротив нас. По знаку одной из пожилых женщин они начинают петь хором приветственную песню. Их слабые свежие голоса вначале немного фальшивят, но мало-помалу попадают в тон. Дети аккомпанируют себе, потряхивая в такт маленькими тыквенными погремушками, и не решаются взглянуть на нас. Некоторые даже повернулись к нам спиной. Лампа-молния отбрасывает на стену позади них большие пляшущие тени.

Завтра вечером мы будем у главного знахаря.

Огромный черный утес загораживает горизонт. Вуане указывает на него рукой:

— Мы пойдем туда одни.

Мы пропускаем носильщиков вперед и сворачиваем с тропы; путь в чащу приходится прорубать куп-купами. Временами густая сеть лиан и колючего кустарника становится реже. Это следы давних и недавних переходов. Постепенно мы спускаемся в долину, по дну вьется ручей. Его прозрачные струи выделяются светлой полосой в синевато-зеленом полумраке.

Теперь дорога снова подымается к скалистому утесу, за густой листвой неба почти не видно. Ниспадающие лианы похожи на снасти затонувших кораблей. У нас такое впечатление, будто мы идем по дну моря.

У подножия холма, объясняет мне Вуане, находится пещера Вэвэго, предка Зэзэ Соховоги и первого проводника белых.

Его душа обитает на вершине холма, и Зэзэ время от времени приходит сюда, чтобы совершить жертвоприношение.

Мы наконец выходим из чащи. Перед нами каменная плита у порога пещеры.

Под неглубоким навесом сложены, словно эке-во-то*, жертвенные дары для Вэвэго: старое ружье времен завоевания, покрытое зеленым налетом плесени, связки монет и глиняные горшочки с маниокой, рисом и сушеным перцем.

В расщелине скалы, при выходе из грота, Вуане обнаруживает кандалы. В них когда-то заковывали угоняемых в рабство. Мы не понимаем, почему он считает это счастливым предзнаменованием. Зэзэ будет помогать белым, потому что его предок Вэвэго уже делал это. На вершине холма Вуане показывает нам на камне отпечаток ноги. Он наступает на этот след.

— Именно здесь проходил Око, когда земля была еще мягкой, — говорит он.

— Кто такой Око?

— Око — основатель Тувелеу, деревни Зэзэ, моего учителя.

По ту сторону долины среди леса виднеются соло-

* Дары, приносимые по обету.— *Прим. пер.*

менные крыши конической формы. Вуане протягивает руку:

— Видишь, вон там... Это Тувелеу.

Тувелеу отличается от всех деревень тома, которые до сих пор встречались на нашем пути: хижины тут почти соприкасаются одна с другой, могил предков гораздо больше, а плиты гораздо выше, чем где-либо. Одна могила открыта: в глубине ее видна цинковка, покрывающая труп; в пей торчат два дротика. На наш вопрос Вуане отвечает просто:

— Это старая колдунья. Она умерла три месяца назад, но каждую ночь встает из могилы, заходит в хижины и садится людям на головы; поэтому ее раскопали и пригвоздили к земле, вот так, и она больше не движется.

В приготовленной для нас хижине мы натягиваем гамаки. Женщины приносят нам ужин.

Очень быстро становится темно.

В хижину входит Вуане в сопровождении главного знахаря. Последний с его бритым черепом напоминает буддийского божка. У него такие же неподвижные черты лица, то же замкнутое выражение, что и у Вуриаколи. Одет он в темное бубу землистого цвета.

Вместе с ними входит деревенский колдун Вэго.

За первыми фразами приветствия наступает долгое молчание. Наконец я решаюсь начать разговор и объясняю пришедшим, кто мы такие и чего хотим. Вуане переводит. Я кончил, а ответа нет. Я нервно закуриваю. Резким жестом, не говоря ни слова, Зэээ протягивает руку к пачке, берет сигарету и, не сводя с меня глаз, неторопливо закуривает в свою очередь. Затем он медленно начинает говорить глуховатым голосом.

— Ты очень спешишь,— переводит Вуане,— и слишком торопишь события, но мы лучше тебя знаем, чего ты хочешь... Мне нужно подумать ночь. Завтра я дам тебе ответ.

Зэээ встает, кладет перед нами горсть орехов кола, и все трое выходят. Озадаченные, мы смотрим им вслед. Через несколько минут возвращается сияющий Вуане:

— Все хорошо, патрон, все сбудется. Посмотри на орехи: все белые, это значит, что вы его друзья.

Я не могу уснуть. Вуане, который, как все африканцы, боится темноты, не захотел потушить лампу-молнию. Он лишь убавил огонь. Гамаки отбрасывают на земляной пол бледные, расплывчатые китайские тени. Я едва различаю вытянувшиеся в гамаках силуэты моих товарищей. Полубессознательно слежу за ходом времени, но мне кажется, будто я очень долго ворочаюсь с открытыми глазами, проклиная неудобный гамак.

Вдруг хриплый возглас:

— Зажгите свет!

Это Фиштэ. Я выкручиваю фитиль лампы-молнии, стоящей от меня на расстоянии вытянутой руки. Вирэль и Фиштэ с оторопелыми лицами сидят в своих гамаках.

— Моя рука свисала почти до земли,— говорит Жан изменившимся голосом.— Вдруг чья-то холодная рука сжала мою. Я вцепился в нее. Когда ты зажег свет, я еще держал ее...

Вирэль проснулся в тот же самый момент, почувствовав, что кто-то положил холодную руку ему на лоб.

Гамаки Жана и Вирэля подвешены на разной высоте справа и слева от моих ног.

Следовало предположить, что два существа с холодными руками одновременно двигались по хижине. Это невозможно. Я заметил бы по крайней мере их тени.

По общему согласию мы откладываем решение этой задачи до завтра. Я опять прикручиваю лампу. Жан и Вирэль снова ложатся.

На этот раз мне удалось уснуть. Но ненадолго.

Резкий толчок выбрасывает меня из гамака, и я вскакиваю на ноги, не понимая, в чем дело. Тони в том же положении и так же ошеломлен, как и я. Вуане выкручивает фитиль.

— Это старуха,— говорит он спокойно.

Я пытаюсь ему доказать, что этого не может быть, тем более что труп пригвожден к земле дротиками, но Вуане стоит на своем.

— Это, конечно, старуха, патрон.

По-моему, эти мнимые проявления потустороннего мира не лишены связи с нашим желанием проникнуть в тайны леса. Но логическое объяснение не произвело бы на Вуане никакого впечатления; лучше включиться в игру.

Когда кончилась эта беспокойная ночь, Вуане поднимал нас.

— Зэээ сейчас даст ответ.

Он ведет нас за деревню к небольшой поляне. Там среди старейшин нас ждет Зэээ, на этот раз одетый в безупречно белое бубу. Никто из них не знает ни слова по-французски. Наша судьба снова зависит от Вуане, которому приходится не только переводить, но и перестраивать некоторые наши выражения, чтобы они лучше соответствовали принятым у тома правилам вежливости.

Все знают, чего мы хотим. За ночь они успели взвесить свой ответ, но Зэээ начинает излагать нашу историю с самого начала. Он рассказывает, как мы приехали сюда, что он о нас знает от Вуане и чего мы ждем от него. Затем каждый из старейшин очень важно высказывает свое мнение, чаще всего в общем благожелательное. У тома, как почти у всех африканских племен, ни одно важное дело не может быть решено без нескончаемых разглагольствований. Этот церемониал становится мало-помалу настоящим испытанием для наших нервов.

Наконец Зэээ поворачивается к нам.

— Белые, — говорит он, — должны подписать бумагу. Они ничего не расскажут женщинам, чужакам и билакоро. Они оплатят все жертвоприношения. Пусть они подождут здесь несколько дней, и я введу их в священный лес. Они услышат голос Афви.

Я беру записную книжку, пишу требуемое обязательство, подписываюсь и передаю его своим товарищам.

Тони, подписавшийся последним, протягивает бумагу Вуане, и тот, прежде чем передать ее Зэээ, переводит наше обязательство вслух.

Зэээ не глядя прячет его в карман бубу и встает. Вуане тут же торжественно объявляет:

— Все старики согласны. Вы можете вернуться к себе.

Спустя два-три часа Вуане с торжествующим видом вновь встречается с нами возле нашей хижины.

— Видите, Зэээ самый великий из знахарей, он понял, что вы не такие, как остальные белые.

Я прошу Вуане описать церемонию, при которой мы

будем присутствовать,— это поможет нам спать. Но в его мозгу действительность так тесно переплелась с верованиями тома, что мы не можем добиться от него ни одной точной детали.

— Зэээ дует в голову Аффи... И для этого он надевает свое бубу-«снадобье» *. Имея это бубу, можно все сделать. Зэээ становится совсем маленьким или очень большим, как он захочет. И если человек слаб, у него кружится голова, и он падает от одного взгляда на Зэээ в бубу.

Буане очень хочется иметь такое бубу, но это магическое одеяние стоит слишком дорого, и он быстро перечисляет список жертвоприношений, необходимых для того, чтобы его заполучить. Зэээ требует двух быков, семьсот пачек гинзэ, собак, петухов, баранов. Простым подсчетом в уме мы определяем, что это составляет приблизительно девяносто тысяч ффранков. Мысль о том, что магия тома может быть предметом такой коммерции, несколько разочаровывает нас.

Нам кажется, что день тянется слишком долго. Мы пытаемся скоротать время, готовя аппаратуру к съемкам.

Когда начинает темнеть, мы встречаемся с Буане возле хижины. По деревне идут женщины с тазами горячей воды на головах. От воды подымается пар.

— Стой,— говорит Буане,— вон женщины несут для вас воду. Идите с ними.

У границы деревни женщины ставят тазы на большие плоские камни. У других камней, некоторые из которых окружены ветками, группы голых мужчин и женщин, присев на корточки, уже моются. Медленными движениями они льют на себя воду и болтают друг с другом. Вода, стекая ручейками по черной коже, блестит в полумраке.

Я немного замешкался и возвращаюсь в хижину последним. С первого же взгляда я замечаю, что стол накрыт с особой тщательностью: пестрая набедренная повязка служит скатертью, а Тони приготовил из мартини что-то вроде пунша. Входит робкая девушка-тома, протягивает мне большой красный лесной цветок и исчезает, не сказав ни слова. К стеблю приколотая маленькая

* См. стр. 87—88.— *Прим. пер.*

картонка: «ОТ КАРИНЫ». Мне кажется, что я узнаю почерк моей жены. Внезапная радость охватывает меня. Несколько секунд мне кажется, что она сейчас появится в дверях хижины. Мои товарищи восклицают хором: «С днем рождения!». Действительно, сегодня 10 марта. Уже почти месяц, как мы покинули Париж. Вирэль показывает мне свою записную книжку, и я читаю: «10 марта, не забыть о продавце цветов».

Он сдержал данное Карине обещание.

Буане не очень хорошо понимает причину нашего небольшого праздника.

— Сегодня мне тридцать лет,— говорю я ему.

Но я вижу, что это объяснение не удовлетворяет его. Тогда вмешивается старый Зэээ:

— Откуда ты можешь знать, что тебе именно сегодня тридцать лет?

В Гвинее, конечно, существует запись актов гражданского состояния, но в глубине лесов никогда не знают точной даты рождения ребенка и часто сообщают о нем с опозданием на несколько месяцев.

Мне хотелось бы именно в день моего рождения проникнуть в священный лес, но пока нет никаких признаков, что готовится какая-нибудь церемония.

— Это будет еще не сегодня,— трезво рассуждает Жан.— Ты же знаешь, с ними никогда нельзя торопиться.

* * *

На следующий день время тянется медленно. Низкое, пепельного цвета небо нависло над лесом. После полудня на свинцовом небе появляются огромные лиловые тучи. Кажется, что они ползут на деревню со всех сторон. Воздух неподвижен.

Бегущие тени врываются в хижины, со стороны леса раздается неясный гул. Площадь вмиг пустеет. Через минуту по деревне проносится бешеный шквал. Поднимаются вихри красной пыли. Молнии бороздят темное небо. Под непрерывные раскаты грома на деревню обрушивается водяной смерч... За стеной воды не видно хижин.

Десять минут спустя все кончается. Глубокие каналы, вырытые между хижинами, уже почти сухи. Не соч-

тут ли тома этот короткий торнадо, первый вестник сезона дождей, за плохое предзнаменование?

— Так и есть,— с горечью говорит Жан.— Еще один повод, чтобы отложить церемонию.

Но Вуане, кажется, в восторге:

— Зэээ вызвал дождь, чтобы удалить из воздуха все яды, а к вечеру все просохнет, и вы услышите голос Афви.

Мы лихорадочно заканчиваем приготовления. Вуане по-прежнему спокоен и после ужина покидает нас, не говоря ни слова.

Принесенная ураганом прохлада несколько не уменьшает нашего беспокойства. Тяжелая тишина окутывает деревню. Нам не хочется даже разговаривать. Растянувшись в гамаке, я вновь и вновь раздумываю над фантастическими рассказами Вуане, но это не успокаивает меня. Ведь уже год я с нетерпением жду, когда можно будет проникнуть в тайны тома.

Проходят минуты, часы. Вуане не возвращается. Меня одолевают сомнения. Не был ли Жан прав? Может быть, тома отложили церемонию?

Как вошел Вуане, я не слышал. Внезапно он вырастает посреди хижины.

— Берите машины и идите за мной,— тихо говорит он.

В темноте ночи мы молча идем гуськом через пустую деревню. Только далекие молнии, время от времени освещающие темную, плотную массу леса, помогают нам не сбиться с пути. Мы минуем последние хижины и подходим к узкому символическому входу. Я на мгновение останавливаюсь. Бурное волнение охватывает меня у этого запретного порога. Но Вуане не дает нам насладиться этой долгожданной минутой и погружается в густую тень.

Глядя поверх его плеча, я различаю впереди неясный свет.

Мы выходим на широкую утрамбованную поляну, границы которой теряются во мраке.

Колдуны, человек пятнадцать, уже стоят там вокруг лампы-молнии.

Мы знаем этих людей. Они всегда дружески, приветливо относились к нам.

Они не приветствуют нас ни словом, ни жестом. Опустив головы, они упорно смотрят в землю. Вокруг звучит таинственный концерт лесных насекомых.

Зэээ Соховоги сидит на корточках перед старым сундуком, забрызганным разжеванными орехами кола. Он вынимает оттуда какую-то тунику, заскорузлую от застывшей крови жертв и инкрустированную прямоугольниками из блестящих каури*: бубу-«снадобье». Мне вспоминаются рассказы Вуане, и я невольно напрягаюсь.

Важное выражение лица Зэээ, медлительность его движений, сосредоточенность мужчин достаточно ясно говорят о том, что сейчас будет совершаться один из важнейших обрядов. Я хотел было начать съемку, но Вуане простым пожатием руки дал мне понять, что еще рано.

Зэээ раздевается догола, надевает священную тунику, натягивает поверх нее крест-накрест два длинных мешка-талисмана из кожи, приобретших от крови бурый цвет, надевает на голову что-то вроде меховой шапочки. Затем он хватает свой трезубец, и один из помощников протягивает ему черный пузатый глиняный сосуд.

Зэээ медленно подносит его к губам. Хриплый, дикий призывный крик пронзает густой мрак ночного леса. Вэго, появившись из темноты позади Зэээ, вторит ему, дую в такой же сосуд. Их завывания сменяют друг друга.

Это какие-то вздохи допотопных чудовищ, нечеловеческая музыка первых веков существования земли, рождающая в душе невыразимую тоску. Вскоре к этим главным голосам присоединяются дьявольски пронзительные звуки свистков других участников церемонии. Вуане делает нам знак, что можно начинать.

На мгновение ослепленные вспышками магния, люди шарахаются в стороны. Они никогда не видели такого. Но священная музыка не смолкает — это голос Великого Духа, и Афви не может поддаться страху, даже перед изобретениями белых. При свете ламп поляна, как бы выхваченная из ночной темноты, приобретает очертания собора: огромные прямые стволы возносятся

* Овальные полированные раковины.

ввысь, словно колонны, а тяжелые ветви образуют над головой стрельчатый свод.

Там, в деревне, уstraшенные столь близким присутствием духов, женщины и билакоро должны сейчас прятаться в темных хижинах.

Лес вокруг нас затаил дыханис: обычные лесные голоса смолкли. Кажется, будто жизнь замерла.

Блюстители культа уже забыли о нашем присутствии и медленно кружатся посреди площадки в каком-то диком экстазе. Они вырвали эту музыку у земли, у скал, у чудовищной растительности и зверей бруссы *. Ее вой передает первобытный страх человека перед природой.

Буане говорит мне с каким-то отчаянием:

— Вот великое дело, которое не должен был видеть ни один белый,— и его голос дрожит.— Теперь это уже не тайна тома.

Мы потеряли всякое представление о времени. Жан почти непрерывно снимает, и только смена ламп дает нам представление о том, сколько минут все это длится.

Вдруг вся группа блюстителей культа начинает двигаться на нас с вызывающим, почти злобным видом. На мгновение они забыли свою обрядовую мимику, и мы видим их подлинные лица, кажущиеся особенно трагическими в резком свете ламп.

Зэээ, идущий впереди, останавливается. Кажется, что он только что очнулся от какого-то кошмара. Он смотрит на нас так, будто увидел впервые, но его изумление тут же сменяется безграничной скорбью. Он понял в свою очередь: по его вине белые держат теперь тайну тома в своей проклятой машине. Ритм замедляется; призывы Аффи становятся все реже, все глуше. Свет лампы мерцает, бледнеет. Зэээ бросает на меня горестный взгляд. Плечи его опустились, тело словно придавлено тяжестью огромной усталости. Лампа вспыхивает в последний раз и гаснет. Тьма вновь обступает нас.

Слабый свет ламп-молний не может разогнать темноты, лес все еще молчит. Мы не смеем шелохнуться. Наконец я различаю приближающегося к нам Буане. Я знаю, что должен что-то сказать, но чувствую себя опустошенным; мне хотелось бы взять Зэээ за руку, не говоря бесполезных слов.

— Скажи Зэээ, что я никогда не забуду этого.

* Густые заросли в Африке южнее Сахары.— *Прим. пер.*

Несмотря на наши протесты, Вуане упорно будил нас каждый день на заре, причем находил все новые убедительные аргументы.

— Во времена Самори *, когда шла война между местными племенами,— сказал он как-то раз,— великие полководцы тома вставали незадолго до рассвета и плотно завтракали. Они не разговаривали и не открывали дверей. Когда они выходили, готовые к бою, раньше всех, они одерживали победу.

Польщенные уподоблением таким знаменитым личностям, мы попытались робко объяснить нашему советчику, что так было в давно прошедшие времена, но он ничего не желал слушать.

— Белые, которые впервые входят в священный лес,— это все равно что война.

Однако сегодня утром он дал нам возможность выспаться: после церемонии со священной музыкой знахари обсуждали это событие, должно быть, до глубокой ночи.

Вуане вошел со словами:

— Старикам известно, что вы хотите узнать тома. Они хотят рассказать вам историю Тувелеу. Когда будете готовы, выходите на площадь.

На самой большой могиле, черные плиты которой занимают около двадцати квадратных метров, сидят старейшины. Они молча смотрят, как мы подходим. Мы останавливаемся рядом с ними. Старейший житель деревни в огромной серой ковбойской шляпе на зеленой подкладке, которую он несомненно привез из Либерии, встал в центр кружка. Вуане переводит каждую фразу.

— Око, предок Зэзе, пришел однажды из восточных саванн. Он прошел всю страну тома, но не нашел места для жилья. Тогда он взошел на большую черную скалу по ту сторону долины. Земля в то время была еще мягкая, и на скале остался след его ноги.

Старик прерывает рассказ и поворачивается к сосе-

* Туре Самори (ок. 1830—1900) — африканский государственный деятель, основавший в 70-х годах XIX в. в бассейне Верхнего Нигера государство народа малинке — Уасулу. После 18 лет сопротивления французским войскам, в 1898 г., взят в плен и сослан в Габон, где и умер.— *Прим. пер.*

дям. Они наклоняют головы и хором произносят сакраментальное «эгов» — «воистину».

— Он решил основать деревню совсем рядом со скалой. Ему помогали жена и шурин. Когда хижина была построена, ее сожгла молния, и он пришел сюда, где теперь стоит Тувелеу — земля, где растут орехи кола*.

— Эгов! — дружно скандируют старейшины.

Он продолжает свой рассказ:

— Гораздо позже, когда в страну тома проникли белые, жители деревни пробовали с ними сражаться, но убедились в бесполезности борьбы и стали их союзниками. Два человека, Вэвэго и Багвила, предки нынешних вождей, согласились служить белым проводниками. Ково, великий военачальник района Бофосу, решил устроить засаду и убить их. Но старый Крзан из Доззиа, тогдашний верховный вождь тома, запретил ему это. «Если ты чувствуешь себя способным победить белых, — сказал он, — продолжай войну один; они слишком сильны для нас, и мы предпочитаем заключить с ними мир. Я буду защищать Вэвэго и Багвила от тебя». Ково, разъяренный, атаковал белых, но они пустили в ход против него пушку, оружие дотоле неизвестное. Потерпев полное поражение, Ково остался в одиночестве и вынужден был бежать в Либерию.

К нашей группе подошли дети. С серьезным видом, застыв на месте, слушают они этот рассказ, хотя, наверное, уже знают его наизусть.

Старец заканчивает свою речь.

— Имена Вэвэго и Багвилу сохранились в истории тома рядом с именами первых французских военачальников, занявших страну, а ваши имена, имена людей, первыми вошедших в священный лес, навсегда теперь связаны с именами Зэзэ, Вэго и Вуане.

Зэзэ встает в свою очередь:

— Во времена силы** в деревню пришла колонна стрелков; тот, кто командовал, потребовал к себе знахаря, и я представился ему. Он велел своим людям схватить меня и дать пятьдесят ударов кнута. Я не знал, за что. Очень долго я не мог ходить.

* См. приложение II: «Значение названий населенных пунктов».

** Период, когда весь этот район был подчинен французским военным властям.— *Прим. пер.*

— Эгов! — подтверждают старейшины.

— Пришли вы. Никогда еще белые не говорили со мной так, как вы, никогда они не соглашались войти в мою хижину и есть вместе со мной. Я понимаю теперь, что времена переменялись. Вот я и открыл вам наши тайны. Я больше не боюсь смерти. Вы можете теперь остаться в Тувелеу. Вы у себя дома.

Все старейшины встают и пожимают нам руки, по обычаю тома похрустывая пальцами, а затем расходятся по своим хижинам.

* * *

Сегодня вечером я пытаюсь вспомнить все подробности прошлой ночи.

Один образ, сначала смутный, настойчиво возникает в памяти: индейская деревня на берегу лагуны в верховьях Ориноко. Там тоже с наступлением ночи звук огромных труб из древесной коры наводит ужас на женщин и детей, обязанных запереться дома, пока мужчины кружатся вокруг большой хижины племени и заставляют говорить духов леса.

Еще одно, уже более близкое воспоминание. В прошлом году у налу, на покрытых илом и влаголюбивой тропической растительностью островах низменного побережья Гвинеи, однажды безлунной ночью меня разбудил оглушительный шум, настоящий шабаш. Я хотел выйти из хижины, но проводник, сидевший в темноте у двери, удержал меня:

— Ты не должен видеть этого. Это просто мужчины, которые хотят напугать билакоро.

Среди всех проявлений чувственного мира звуки играют важнейшую роль. Иногда скрип двери ночью, стук ставня, свист ветра производят большее впечатление, чем непосредственный вид реальной опасности. Нет ли в устойчивости подобных обрядов у всех примитивных народов какой-либо магической подошлеки?

Погруженный в размышления, я не слышу, как в хижину входят трое. В темноте я различаю только блестящие глаза Зэзэ, который смотрит на меня в упор. Буане, наклонившись над лампой-молнией, говорит вполголоса:

— Старик очень много думал весь день, и он говорит: «Белые слышали голос Афви, позже они вместе

со мной переступят второй барьер и увидят Великого Духа. Сейчас они должны узнать тайны лесной чащи, и Вуане будет их проводником. Я слишком стар, чтобы сопровождать их, но, если они позовут меня, я приду».

— Завтра,— заключает Вуане,— я поведу вас в Сагнау, страну колдунов, и вы сможете снять людей, превратившихся в камни от одного крика дьявола.

* * *

В мою правую ногу впился клещ. В тот день, когда нам уже нужно было идти, я обнаружил, что моя пятка сильно распухла. Пришлось срочно вернуться в Масепта. Мы договорились: Вуане с моими товарищами отправятся в Сагнау через два-три дня, я же присоединюсь к ним как можно скорее. Сопровождаемый Вирэлем, я снова прошел, хромая, тридцать километров, отделяющих нас от Бофосу; местный шофер доставил меня в Масепта. Военный врач в госпитале вскрыл нарыв, и через несколько дней я был уже в состоянии ходить, но еще не мог надеть сандалии.

Тони встретил меня в Бофосу; оттуда мы пошли прямо в деревню окаменевших людей. Идти босиком трудно, а из-за переходов через грязные болотистые речки часто приходится менять повязку. В каждой деревне ненадолго останавливаемся. Нас по обычаю встречают старейшины. В одной деревне нам показывают подвешенный к потолку хижины для собраний большой бронзовый колокол, украшенный изображением святого Георгия, поражающего дракона. Его нашли женщины, пришедшие к реке стирать белье. Сколько времени пролежал он в воде, как он сюда попал? Никто не знает.

— Это дьявол спрятал его в реке, — сказал нам один из тех немногих жителей, которые знают несколько слов по-французски.

Тропинка вьется вверх по склону холма. В знойном воздухе раздаются ритмичные звуки далеких тамтамов.

Прямо перед нами на холме с сухим треском валяются деревья: под звуки барабанов тома корчуют один из уголков брусья для будущих посевов риса.

* * *

Плохие новости ждут нас в Сагнау: Вуане и мои друзья весь день спорят со старейшинами, которые де-

ляют вид, будто даже не слыхали легенды об окаменевших людях. Как могут они показать дорогу к месту, названия которого никто не знает?

Но ведь это же Баназу,— несколько поспешно возражает Вирэль.

Старейшины удивленно переглядываются. Баназу — гийное наименование, известное только блюстителям культа, и Зэээ с некоторым сожалением открыл его нам. Они продолжают отрицать его существование, и их упорство вынуждает нас пока что уступить.

Все же нас поместили в просторной овальной хижине гаронсле; Вуане объясняет, что она принадлежит очень знатному жителю деревни. Снаружи над дверью висят маленький лук-фетиш и связка гинзэ.

В углу стоит дротик с железным наконечником от гарнуна, похожий на те, которыми пригвоздили к земле груп колдуньи.

В глубине хижины — ствол дерева с зарубками. Он ведет на чердак под конической крышей — тома хранят там запасы риса и тыквенные бутылки с пальмовым маслом.

Поев, мы натягиваем гамаки. Тони прикрепляет свой напротив двери, а Жап — в глубине хижины. Между мной и Вирэлем, на площадке из утрамбованной земли возле стены, рядом с входом, Вуане расстилает свою циновку.

Он убавляет огонь в лампе и закутывается в одеяло.

Сегодня вечером я чувствую себя очень беспокойно. Кровь пульсирует в ране, заснуть я не могу и тщетно пытаюсь найти средство уговорить колдунов. Каменные люди интригуют меня. Уже у входа в Сагнау я неожиданно остановился перед чем-то вроде менгиров* из черного полированного камня. Один из камней, разрезанный пополам сверху вниз словно огромное яйцо, особенно поразил меня.

По словам Вуане, в большом священном лесу близ Сагнау деревья и лианы растут так густо, что продвигаться вперед можно только с помощью куп-купов. Когда-то, давным-давно, мужчины из деревни, теперь уже

* От бретонского «менхир» — «длинный камень». Огромные потесанные вертикально стоящие камни; восходят к культуре раннего бронзового века, имеют, по-видимому, культовое значение.— *Прим. пер.*

исчезнувшей, танцевали и пели под звуки тамтама, не смотря на запрещение духов. Тогда Афви испустил такой крик, что все они окаменели на месте.

Быть может, нам удастся открыть в самом сердце этой бруссы остатки мегалитической культуры, сходной с культурой острова Пасхи? Это еще один довод в пользу того, что нужно уговорить старейшин Сагнау помочь нам.

Легкий шорох над головой выводит меня из размышлений. Я внимательно смотрю на потолок, сделанный из циновок, уложенных на легкую решетку из тонких жердей. Там все неподвижно. Я стараюсь не слушать непрерывного шороха пальмовых листьев.

— Если бы я не подыхал от усталости, — говорит Жан, лежащий слева от меня, — я пошел бы наверх посмотреть, что там происходит.

Это заявление встречено молчанием.

— В конце концов это просто крысы, — добавляет он, как бы успокаивая самого себя.

По его тону можно понять, что он верит в это не больше меня. Я ничего не отвечаю. Мало-помалу шорохи становятся все более настойчивыми; меня охватывает глухая тоска. Кажется, что какое-то невидимое существо, слишком большое для этой хижины, проникло в нее, наполнило всю ее собой и теперь так распирает ее, что она вся скрипит. Уголком глаза я наблюдаю за своими товарищами. Все трое спят или по крайней мере притворяются спящими. Мое беспокойство усиливается. Я хотел бы приписать его приступу лихорадки, вызванной нарывом, но моя голова вполне ясна. Я просто разбит усталостью. Напротив меня спит Вуане.

Шорохи ослабевают. Я с усилием закрываю глаза и стараюсь заснуть.

Вдруг царапающие звуки возобновляются с еще большей настойчивостью. С пронзительным скрипом открывается дверь.

На пороге стоит Вуане в коротком бубу, в коротких штанах и с непокрытой головой. Но ведь он здесь, у моих ног, на своей циновке. Он лежит на боку, повернувшись ко мне спиной. Я вижу его бритый затылок. Между нами на земле стоит лампа, горящая тускло, как ночник. Я не смею пошевелиться и, затаив дыхание, смотрю на Вуане. Он какое-то мгновение колеблется,

наклоняется, проходит под гамаками Тони и Вирэля и медленно укладывается в самого себя.

Вся эта сцена разыгрывается за несколько секунд.

Я теряю представление о времени. Глухой голос Жана выводит меня из оцепенения.

— Ты ничего не слышал?

— Да, скрипела дверь.

Я не хочу больше ничего говорить, не хочу делиться с ним моими галлюцинациями.

Тони, должно быть, тоже проснулся. Через минуту он встает, выходит в трусах... и почти тотчас же возвращается. Мне кажется, что он очень бледен. Я приподнимаюсь и дотрагиваюсь до гамака Вирэля. Он спит глубоким сном.

Шорохи слабеют. Напряжение в хижине спадает, но я остаюсь всю ночь настороже и засыпаю лишь с первыми проблесками дня.

Утром не было сказано ни слова о событиях прошедшей ночи. Мы даже избегали говорить о скрипе, который слышали все. Улучив минуту, когда мы с Вуане остались наедине, я спрашиваю его:

— Ты не выходил сегодня ночью?

— Выходил, — отвечает он спокойно.

И еле заметная ироническая улыбка появляется на его губах.

* * *

На следующее утро, после новых споров старейшины деревни стали несколько более покладистыми. Они согласились дать нам проводника и пять человек охраны. Проводник не знает места точно, но уверяет, что найдет его.

В нескольких километрах от Сагпау мы выходим в поросшую высокой травой саванну. Проводник останавливается и отыскивает свои ориентиры. Он показывает на большой холм, покрытый густым кудрявым лесом.

— Там Баназу.

Двое провожатых прокладывают дорогу сквозь колючие заросли, и мы, то спускаясь, то поднимаясь, углубляемся вслед за ними по узкому туннелю, в самую гущу буйной растительности. Нам кажется, что мы играем в разведчиков. Эта небольшая экспедиция по настоя-

щему девственному лесу наполняет нас радостью, энтузиазмом. Я почти забываю о своих босых ногах, о только что зарубцевавшейся ране.

Через несколько часов ходьбы я чувствую себя уже гораздо менее оптимистически настроенным. Я отстаю от товарищей и с трудом догоняю их. Во впадине между двумя холмами среди деревьев громоздятся огромные камни.

— Это здесь, — говорит проводник.

Тщетно пытаемся мы разглядеть в этом хаосе линии, которые напоминали бы контуры человеческого тела. Мы взбираемся на камни, обходим их кругом, рассматриваем во всех ракурсах. При всем нашем желании мы не можем найти ни одного, который подтверждал бы антропоморфическую легенду, рассказанную Вуане.

— Может быть, тома демонстрируют здесь образцы абстрактного искусства, — предполагает Вирэль.

Вуане не понимает этой шутки. Он принимается яростно бранить людей, которые со скорбными минами жестикулируют, зажав в кулаках куп-купы, и пытаются уверить его в своей добросовестности.

Затем он оборачивается к нам.

— Здесь ничто не похоже на человека, бьющего в тамтам или пляшущего, — говорит он сурово. — Они хотели обмануть нас, но над белыми не смеются; я приказал им проводить нас в Баназу.

Весь день мы блуждаем по лесу в поисках каменных людей. Не раз мы видим камни, которые проводник тщетно пытается выдать за жертвы небесного гнева. Вуане возмущен его явной недобросовестностью. В Сагпау он раздражается проклятиями на всю деревню. Всполошившиеся старейшины поспешно выскакивают из хижины и собираются на площади.

— Этот человек, — говорит Вуане, указывая на проводника, — обманул белых и заставил их целый день попусту ходить по лесу. Он должен заплатить штраф.

Мы находим это требование бесполезным, но не успеваем вмешаться. Протест Вуане столь яростен, что он быстро выигрывает дело. Старейшины совещаются и приговаривают бедного проводника к уплате нам двухсот франков в возмещение убытков и к крупному штрафу в пользу жителей за то, что он, по выражению Вуане, обесчестил их деревню.

Я не могу понять этого приговора. Бедняга лишь выполнял приказ старейшин и прогуливал нас целый день не для своего удовольствия. Убежденные, что здесь явное надувательство, мы расспрашиваем Вуане. Он уклоняется от ответа и советует нам послать гонца в Тувелеу с просьбой к Зээз прибыть в Сагпау.

Если все будет хорошо, он придет завтра утром. Мы уходим в свою хижину и, быстро пообедав, почти немедленно засыпаем, измученные этим днем в лесу. Среди ночи меня будит скрип двери.

Входит Зээз в широком ярко-красном бубу и в новеньком сверкающем тропическом шлеме. Его лицо оступилось от усталости и тревоги. Он садится на циновку рядом с Вуане, который приподнимается, не выражая ни малейшего удивления.

— Поблагодари старика за то, что он так быстро пришел, — прошу я Вуане.

— Это ни к чему. Знахари предпочитают ходить ночью... Они не боятся лесных зверей.

Зээз долго говорит что-то тихим голосом. Вуане качает головой и в свою очередь становится очень озабоченным. Я не решаюсь прервать их. Наконец наш советчик обращается к нам.

Из его объяснений мы узнаем, что жители Тувелеу поклялись хранить тайну: ни один тома, кроме них, не должен знать, что мы видели Афви. Но после нашего ухода один из них проболтался родственникам из соседней деревушки. Теперь об этом знает весь кантон. Тома требуют наказания виновных, и дело грозит принять серьезный оборот. Зээз просит нас не настаивать больше перед старейшинами Сагпау и как можно скорее вернуться в Тувелеу. Через несколько дней в Доэзия должно состояться собрание старейшин и знахарей кантона Геригерика. Вероятно, там будут обсуждать вопрос о нас и наших друзьях; мы должны явиться туда вместе с ними, но Зээз советует нам прежде повидаться с Мамади Гилагоги, бывшим стрелком, который будет руководить обсуждением. Если с ним немного поддипломатничать, он непременно станет на нашу сторону.

— Надо послать ему записку и предупредить о нашем посещении, — говорит Вуане.

Я не вполне понимаю, какая польза может быть от письма, адресованного тома, который не сможет его

прочесть. Но Вуане пасгаивает, и мы догадываемся, что он приписывает каждому листку бумаги, покрытому письменными знаками, необыкновенную силу: ведь при помощи этого средства белые устраивают все свои дела, добиваются всего, чего хотят; в его сознании бумага сама по себе обладает магическими свойствами. Вот почему знахари требовали от нас письменного обязательства.

* * *

Носильщики идут далеко позади. Нам незачем торопиться. По расчетам нашего проводника, мы будем у Мамади меньше чем через час. На берегу заболоченной речки, затерявшейся среди высокой травы, мы останавливаемся, чтобы напиться и передохнуть. Всегда нетерпеливый Вуане продолжает путь. Оставшись одни, мы чувствуем себя свободнее и обмениваемся впечатлениями.

— Ты помнишь ночь в Сагнау?.. — спрашивает Жан.

Воспоминание об этой ночи преследует меня почти целую неделю, но, не знаю почему, мне ни с кем не хотелось говорить об этом. Я предоставляю Жану высказаться первым. Он видел то же самое, что и я. Третий свидетель этой сцены, Тони, выйдя из хижины, встретил Вуане, хотя тот на наших глазах только что улегся в своего двойника.

Нельзя найти никакого разумного объяснения этой коллективной галлюцинации. Вирэль, единственный из всех нас разбирающийся в спиритизме, оказался в то время единственным, кто безмятежно спал. Он находит это сверхъестественное приключение почти банальным.

Жан считает, что тома несомненно подмешали в пашу пищу какие-то усыпительные травы. Тогда непонятно, почему галлюцинация была одинаковой. Тони и я ограничиваемся констатацией фактов. Но сообщая мы устанавливаем, что все три наши колдовские ночи совпадают с важными датами экспедиции.

Остается без ответа последний вопрос: почему мы все трое ждали так долго, прежде чем обменяться впечатлениями этой ночи?

Мамади осматривает свои посевы, и старейшины приглашают нас отдохнуть в его хижине, пока гонец сообщит ему о нашем приходе.

— Мамади — самый богатый человек кантона, — предупредил Вуане, — и начальник из Масента возложил на него ответственность за Геригерика, пока не будет назначен новый вождь.

Железное кресло и шотландский плед в хижине Мамади свидетельствуют о степени благосостояния хозяина. У стены сложена сбруя. У Мамади есць лошадь — редкая роскошь в стране тома. На почетном месте висят военное свидетельство об исправном поведении и личная карточка солдата в позолоченной рамке.

Жители деревни один за другим приходят поздороваться с нами. Когда появляется Мамади, запыхавшийся и вспотевший, в хижине уже нет свободного места. Мамади — высокий и толстый человек в широком бубу, кожаных крагах и теннисных туфлях. Его зашвышенное, лоснящееся лицо дышит довольством, но глаза беспокойно бегают, а руки нервно дрожат.

Для него «белый» — это синоним «скучных осложнений». Он бегло говорит по-французски.

Мы успокаиваем его: мы не занимаемся налогами или другими административными делами, а просто пришли дружески приветствовать его. Мамади облегченно вздыхает, награждает нас широкой улыбкой, отрывисто отдает какие-то приказания и через несколько минут отводит нас в великолепную, совсем новую хижину, где в безупречном порядке уже лежат наши вещи.

Здесь мы остаемся только с ним и Вуане и прямо приступаем к делу. По поведению Мамади ясно, что хитрить с ним излишне. Он слышал разговоры о нас и хочет лишь одного — употребить все свое влияние, чтобы нам помочь. По крайней мере в пределах своей компетенции. Но он не хочет связываться с колдунами: по его словам, он не пользуется среди них авторитетом. Мы настаиваем, хотя не верим в успех. Мамади волнуется, утрачивает свою веселость и с отсутствующим видом покачивает головой.

Чтобы прервать эту тягостную беседу, он предлагает нам осмотреть деревню и встает. Мы нехотя идем следом. К Мамади уже вернулось веселое настроение, он

твердит на все лады, что никогда не встречал таких белых, как мы, и, проходя по деревне, представляет нам некоторых из своих ста пятидесяти жен.

Затем он подводит нас к необыкновенно белой хижине, где живет его любимая жена. Остальные жены теснятся по пять-шесть в своих цилиндрических хижинах.

— Моя лучшая жена! — с гордостью представляет Мамади.

Она настолько же плодovита, насколько он толст. В стране тома полнота — единственный признак благосостояния. Лучшая жена встречает нас вполне неприужденно, протягивает нам руку.

В ее хижине стоит настоящая кровать с металлической сеткой, а на ней грудой навалены яркие иллюстрированные журналы. Повсюду разложены напоказ роскошные пестрые ткани для набедренных повязок. Мы ненадолго присаживаемся на мягкую постель.

Жена Мамади поместилась против нас на табурете. Она не знает ни слова на нашем языке, а Мамади и не думает переводить. Беседа сводится поэтому к обмену улыбками.

Тони рассеянно перелистывает журнал.

— О! Вы можете взять их с собой, — говорит Мамади, делая широкий жест. — Они старые, я уже все смотрел.

Мы встаем и прощаемся. Тони, давно уже лишенный чтива, сует под мышку кипу журналов.

Жена Мамади еще раз улыбается нам. Она лучшая жена важного человека и хорошо знает об этом.

Мамади сияет. В приливе энтузиазма он дарит нам барана и отправляет всех свободных от работы жен ловить рыбу на ужин. Нам хочется искупаться, и мы идем с ними.

Женщины вооружились круглыми конусообразными сетями, похожими на сетки для ловли раков. Мы убеждены, что при помощи таких орудий эти тридцать — тридцать пять женщин сумеют наловить как раз на жаркое.

Узкая и неглубокая речонка вьется, словно змея, между двумя стенами высокой травы. Несколько женщин идут вниз по течению и устраивают запруду, остальные по пояс в воде бредут к ним, волоча сети вдоль берегов

и по дну. Затем они проделывают то же самое немного ниже. Мы барахтаемся в быстрой воде и теряем их из виду.

Сегодня вечером у нас пир. Мы уплетаем подаренного барана и чувствуем себя отяжелевшими.

Мамади пришел с лучшей женой и несколькими старейшинами. Мы приготовили пунш, он любезно твердит «замечательно! замечательно!», хотя его толстощековое лицо кривится в ужасных гримасах. Он, конечно, не может понять, зачем портить такой чудесный напиток, как ром, добавляя к нему лимон. Но наше добоиги пришлось ему по вкусу, и он просит заказать для него несколько бутылок.

Уже темно. Женщины возвращаются с рыбной ловли.

Одна из них ставит перед нами наполненный черными сомами таз и удаляется.

— Вот что наловили для вас женщины, — говорит Мамади.

У нас нет ни малейшего желания ужинать вторично, но не можем же мы обидеть хозяина.

— Нам достаточно четырех черных рыб, — говорю я. — Сохраните остальных.

Никто не двигается с места. Таз по-прежнему стоит на земле, и рыбы, большей частью еще живые, бьются в последних судорогах.

— Лучше всего было бы зажарить их сейчас, — замечает Жан.

Все присутствующие хранят молчание.

— Мы, тома, — говорит Вуане, — не можем убивать и есть черных рыб. Их принесли вам живыми, если хотите, зажарьте их сами.

— Ты знаешь, что мы всегда поступаем, как тома. Вели женщинам отнести этих рыб обратно в реку.

Услышав это, все облегченно вздыхают. Старейшины просят Вуане передать нам их благодарность.

Одна из жен Мамади идет к речке. Мальчик освещает ей дорогу лампой-молнией.

Мы одновременно избежали пытки вторым ужином и приобрели многочисленных друзей.

Я думал прежде, что только Зуманиги, то есть «текто-пе-ест-черной-рыбы», должны уважать этот тотем. Вуане пускается в путаные объяснения, из которых яв-

ствует, что иногда одна семья из другого клана или даже целый район соблюдают тот или иной специальный запрет.

На следующее утро мы прощаемся с Мамади. Он уезжает из деревни на своей белой лошади составлять налоговые списки. Вчера вечером он обещал нам лично защищать наше дело в Доэзия, но не пожелал взять на себя никаких определенных обязательств. Чтобы утешить нас, он неоднократно горячо заверяет нас в своей нерушимой дружбе.

* * *

Доэзия с первого взгляда произвела на нас впечатление одного из лучших селений страны тома. Белые хижины, украшенные большими черными рисунками, группируются вокруг нескольких маленьких площадей и образуют как бы отдельные деревни, поднимающиеся террасами по склону холма, окруженного густым лесом.

Нас принимают довольно холодно. Жители, несомненно, уже знают о святотатстве, совершенном в Тувелеу. Все же один, бывший солдат, уступает нам свою хижину, и начинаются обычные визиты старейшин. В каждой горсти орехов кола мы неизменно находим белый орех — залог дружбы. Тем не менее Вуане неохотно переводит приветствия: между ним и старейшинами сразу же возникла неприязнь. Утомленные долгой дорогой, мы даже не решаемся обсуждать что-либо в этой враждебной атмосфере и подчеркнуто откровенно готовимся ко сну.

Едва лишь посетители уходят, как душераздирающие крики заставляют нас выскочить из гамаков. Вуане прислушивается и успокаивает нас:

— Это просто умирает старуха.

Жалобные вопли усиливаются, заглушая шум ночного леса. Мы теряем всякую надежду уснуть: в соседней темной хижине плакальщицы будут до рассвета сменять одна другую.

Назавтра обстановка остается, по-видимому, такой же напряженной. Чтобы хоть на время вырваться из этой тягостной атмосферы, мы с Вуане выходим за деревню. У входа в священный лес простирается обширная площадка, вся в тени гигантских сейб. Их стволы у основания достигают двенадцати-пятнадцати метров в

окружности. Таких старых и величественных сейб мы еще не видели.

Это место отведено специально для великого собрания тома. Все важные дела кантона Геригерика решаются здесь.

Вынужденное бездействие угнетает нас, и, чтобы заняться чем-нибудь, мы рассматриваем настешную роспись хижин.

Мы уже видели подобные рисунки то тут, то там в других деревнях, но здесь нас поражают их количество и разнообразие. Вместе со своеобразным расположением хижин они придают Доэзия особый колорит.

Рисунки выполнены красками, приготовленными из коровьего навоза. Все они одного коричневатого тона, но не похожи один на другой. Их широкие и изящные линии не изображают никаких конкретных образов, разве что некоторые формы растительного мира, напоминающие тонкие лотосы египетских фресок.

В одном из уголков деревни мы останавливаемся очарованные. На земляной завалинке, огибающей недавно побеленную хижину, стоит молоденькая, тонкая и изящная девушка и уверенными движениями чертит на стене длинные кривые линии. Затем она останавливается, чтобы обмакнуть свою примитивную кисть в калекбасу, которую держит в руке.

— Спроси ее, что она хочет нарисовать,— прошу я Вуане.

Вуане подходит к ней. Девушка оборачивается улыбаясь и отвечает что-то приятным голосом.

— Она не знает,— говорит Вуане.— Она делает то, что у нее в голове.

— А ты, ты сумел бы сделать так же?

— Нет. Тома этого делать не умеют. Только их жены.

Мы наблюдаем за девушкой, пытаюсь уяснить себе композицию ее рисунка.

— Это абстрактное искусство, как сказал бы Вирэль,— заявляет Жап.

— Нет,— возражает Вуане, который снова не понимает смысла этого термина,— это для того, чтобы было красиво и чтобы сделать хижины более прочными. Если бы женщины были умнее, они рисовали бы на стенах пантер.

Сидя на плите одной из могил предков, дети поочередно смотрят в какой-то прямоугольный ящичек. Мы подходим к ним тихонько, чтобы не испугать их, и просим дать нам посмотреть их игрушку. Один из них, улыбаясь, быстро протягивает ее нам. Это стереоскоп, привезенный, несомненно, на память каким-то солдатом. Дети с восхищением рассматривают цветное, объемное, перевернутое вверх ногами изображение марсельской оперы. Не поправляя картинки, Жан погружается в созерцание.

— Они правы,— говорит он,— так гораздо лучше.

Мы заметили миниатюрную хижину неподалеку от нашей. В ней, по словам Вуане, хранятся все талисманы деревни, и особенно те, что предохраняют от молнии. В Доэзия, неизвестно почему, жители боятся огня; здесь даже запрещено разводить огонь для приготовления пищи вне хижин и во всяком случае выносить его за пределы деревни.

Вуане, видимо, в пику жителям Доэзия, решает готовить пищу перед дверью хижины и выносит пару головешек. Несколько старейшин болтают перед дверьми своих хижин и как будто не обращают на нас ни малейшего внимания. При первых же завитках дыма к нам приходит целая делегация. Сильно жестикулируя, старики показывают на небо и осыпают Вуане упреками:

— Ты навлечешь молнию.

От одного края горизонта до другого темно-голубое небо совершенно безоблачно.

Через несколько часов внезапный шквал сотрясает лес и тяжелые черные тучи проносятся над чащей. Почти в то же мгновение на деревню обрушивается торнадо. Мы сидим под навесом хижины. Никто из нас не придает значения угрозам знахарей, но мрачное предчувствие подсказывает, что через несколько секунд ударит молния.

Раздается грохот необычайной силы. Жан, опрокинутый на землю, увлекает за собой Тони. Огромный сноп огня вонзается в красную землю в нескольких метрах от нас.

Облака пыли рассеиваются. Сбегаются тома. Они встревожены и в то же время настроены иронически. Мы потрясены и стараемся, как можем, спасти свой престиж. «Да, колдуны Доэзия,— рассуждаем мы вслух,—

как и обещали, вызвали молнию; однако никто из нас не пострадал, стало быть, мы сильнее». Этот аргумент, видимо, никого не убеждает. Вскоре сильный дождь рассеивает толпу. На какой-то миг мы готовы поверить, что знахари дали нам блестящее доказательство своей магической силы. Но другая гипотеза кажется нам более правдоподобной. Тома живут в постоянном общении с природой, их чувства всегда настороже. Они могли инстинктивно предугадать приближение торнадо. Когда Вуане сегодня утром преступил законы деревни, они не могли упустить случая, чтобы не пригрозить нам неотвратимым возмездием. Это несколько искусственное объяснение пока удовлетворяет нас. Кроме того, становится понятным, почему хижина с талисманами находится именно здесь. Несомненно, молния ударяет в это место не в первый раз...

Потоки дождя смывают грязь с пустой площади. Между раскатами грома снизу к нам доносятся обрывки монотонного пения. Ему вторят глухие звуки тяжелой поступи. Кажется, что вся деревня поднимается к нам.

Из промежутка между двумя хижинами выскакивают испуганные козы. Вслед за ними появляется удивительная процессия. Идя тесной колонной под проливным дождем, мужчины и женщины, большей частью почти голые, защищаются от ливня кто чем может: большими коническими шляпами вроде индокитайских, перевернутыми тазами и мисками, старыми военными шинелями. Даже один выцветший зонтик качается над этим шествием. Люди неустанно повторяют одну и ту же фразу, отбивая ритм пятками, и на их лицах странное смешение веселья и скорби.

Среди них Вуане, затянутый в свой непромокаемый плащ.

— Это начинаются похороны бабушки, — бросает он на ходу.

Позже он переводит смысл причитаний: «Бабушка очень берегла нас... Бабушка очень берегла нас...»

Порыв ветра разогнал последние тучи. О торнадо напоминают лишь широкие, сверкающие на солнце лужи.

Оркестр из двенадцати женщин с калекбасами-погремушками занимает место перед хижиной умершей. Ста-

руки из ее семьи, словно вышедшие из гробниц мумии, с измазанными землей лицами и растрепанными в знак траура волосами одна за другой исполняют погребальные танцы под медленный синкопический ритм погремушек. Вытянув руки, на большом расстоянии одна от другой, они выражают жестами скорбь и топчутся по кругу. Затем несколько женщин входят в хижину и появляются снова, сгибаясь под тяжестью завернутого в циновку трупа. Сопровождаемые грохотом погремушек крики иступленной радости смешиваются с причитаниями.

Женщины укладывают труп рядом с могилой — обыкновенной ямой, вырытой посреди деревни. Затем две или три старухи хватают девочку лет двенадцати, родственницу покойной; ребенок, с копной вьющихся волос на голове, отчаянно кричит и отбивается, как только может. Женщины накидывают на нее саван из белой бумажной ткани, кладут ее на труп, держат так изо всех сил несколько секунд и отпускают. Девочка бежит по деревне, растрепанная, воя от ужаса.

Старухи с трудом опускают тело в яму и складывают на него все, что будет нужно умершей на том свете: набедренные повязки, еду, циновки, затем руками закидывают яму красноземом.

Буане, привыкший к зрелищам такого рода, не может попятить, почему мы его засняли; все мысли его поглощены одним: решающим для всех нас собранием, которое состоится завтра.

6

Сегодня с самого утра в Доэзия со всех концов кантона Геригерика прибывают старейшины и знахари. Впереди каждого носильщик несет его скамеечку. Знахари никогда не передвигаются без этих украшенных резьбой скамеечек — знака их прерогатив, — переходящих от отцов к сыновьям.

Сразу по прибытии в деревню они размещаются как могут по хижинам своих родственников. Еще не было случая, чтобы тома в какой-нибудь деревне не нашел родственника. А законы гостеприимства священны. Буане встречает всех, кто приходит приветствовать нас,

бесконечными заверениями в дружбе: никогда не следует пренебрегать возможным союзником.

Около полудня Мамади Гилагоги, в неизменном берете и крагах, торжественно въезжает шагом на своей белой лошади. Рядом с ним идет его лучшая жена. Сзади следуют четыре или пять других жен... Он оставляет свою лошадь бою. Тома заимствовали это слово из лексикона белых, но придали ему совсем другое значение: у них на боя возложены важные обязанности. Бой Мамади — один из его «худших племянников» — нечто вроде камергера.

Поболтав минутку с нами, Мамади, веселый и торжественный, поднимается на большую площадку и открывает заседание.

Мы остаемся в хижине, чтобы показать, что не собираемся вмешиваться в прения. Собрание созвано прежде всего для выдвижения кандидатов в кантональные вожди; наш вопрос будет обсуждаться лишь как дополнительный. Мы не сможем отстаивать свое дело: когда нас позовут, решение старейшин будет уже принято.

Время тянется крайне медленно. Наше приключение становится испытанием выносливости нервной системы.

На площади у одной из хижин напротив нас расположился какой-то диула. Его товары разложены на циновке, лежащей прямо на земле, или подвешены на крючок под соломенным навесом.

Мы сидим перед нашей дверью и ждем.

Стройная молодая девушка в пестрой набедренной повязке ходит мимо нас взад и вперед. Она — малинке и гораздо привлекательнее большинства женщин тома. Мы невольно следим за ее движениями. Диула уголком глаз наблюдает за нами. Это одна из его жен, которая забавляется ролью соблазнительницы.

Через минуту диула пересекает площадь и подходит к нам. Он знает, что у нас есть чудодейственные лекарства, и просит вылечить его глаза. Мы закапываем ему по несколько капель в каждый глаз, и он удаляется, вполне удовлетворенный.

Лишь к вечеру мы с облегчением видим, что к нам направляется Вуане. Старейшины послали его за нами. По дороге он быстро дает нам советы, как себя вести. Мы должны признать, что знаем секреты тома, и вновь обещать, что не будем их разглашать.

Длинные полосы тумана цепляются за вершины сейб. Темнеет. Окутанные синегато-зелеными, как вода в аквариуме, сумерками восемьдесят знахарей сидят полукругом на площадке и ждут нас. Мамади встает, подходит к нам и просит меня объяснить собранию, чего мы хотим. Официальный переводчик кантона будет точно переводить мои слова.

Я повторяю старейшинам то, что уже объяснял Вуапе и Зэээ: мы хотим знать жизнь тома, разделять ее с ними, чтобы понять их и иметь возможность им помочь. Один из главных знахарей уже провел нас в священный лес; если они считают это святотатством, то мы готовы уплатить требуемый обычаем штраф и пройти через любое искупление, полагающееся по законам предков. Мы никогда не прибегали к силе, да у нас и оружия нет — нет даже куп-купа, хотя без него невозможно передвигаться в лесу. Мы не хотим действовать также хитростью и будем снимать только то, что разрешат нам сами тома. Если они хотят, мы вновь подпишем такое обязательство, какое уже дали Зэээ.

Закончив речь, я усаживаюсь в стороне под деревом, рядом с моими товарищами.

Старейшины один за другим берут слово. Одни настроены благосклонно и время от времени улыбаются нам, другие возмущены и не желают нас замечать. Особенно возмущен один из них, безобразный карлик, который ходит взад и вперед неровными шагами и в негодование размахивает ручкой от зонтика.

К концу дня еще ничего не решено. Как всегда, когда речь идет о важных делах, тома оставляют себе ночь на размышления.

Весь вечер наша хижина набита старейшинами, они спрашивают нас о Париже и о Франции. Им особенно хочется еще раз услышать то, о чем им уже рассказывали их демобилизованные земляки. Сильно жестикулируя, мы стараемся подыскать понятные для них сравнения. Их восхищает метро. Некоторые солдаты-гвинейцы входили туда с утра, а выходили лишь с последним поездом. Мы предлагаем им представить себе поезд из Конакри в Канкан, но только более скорый и притом мчащийся под землей. Описания современных зданий и Эйфелевой башни, которые мы сравниваем с поставленными одна на другую огромными хижинами

или сейбами, исторгают у слушателей проникновенное «эгов!». Мы открываем бутылку вина, и алюминиевая кружка идет по кругу.

Когда они уходят, Вуане сообщает нам свой новый план: он хочет предложить блюстителям культа организовать в Тувелеу праздник покаяния, предназначенный только для мужчин; все будут довольны, и мы сможем, конечно, присутствовать при других тайных обрядах.

* * *

С первыми лучами солнца собрание возобновляется без нас. Идут часы. Наконец возвращается торжествующий Вуане — ему удалось убедить старейшин.

— Идите на площадь, они сами скажут вам об этом.

Высокий, высохший, как пергамент, старик в феске и белом бубу, очевидно, духовный глава собрания, с мрачным видом сообщает нам результаты обсуждения. По решению блюстителей культа Вуане и Зэээ принесут в жертву быка, петуха и барана. Мы можем войти в священный лес и присутствовать при тайных обрядах мужчин, но на свой страх и риск: при виде Великого Духа должны умереть все нетатуированные, равно как и все те, кто ввел их в его владения. В принципе при церемонии покаяния должны были бы присутствовать все знахари, но ввиду этой, реальной с точки зрения тома, опасности туда пойдут только те, кто ничего не боится.

Достаточно бросить взгляд вокруг, чтобы понять: нам не удалось добиться единодушного одобрения. Многие лица остаются хмурыми. Наши открытые противники уступили большинству, но не изменили своего отношения ни к нам, ни тем более к Зэээ и Вуане.

— Они устроят заговор против нас, — озабоченно говорит Вуане. — Дай мне сто франков, чтобы купить красное бубу; когда против тебя заговор, надо надеть красное бубу. Ночью твои враги видят тебя во сне в красном и ничего не могут больше сделать*.

Вуане не объясняет происхождения этого поверья, но он вполне заслужил, чтобы его гардероб пополнился.

У Мамади очень довольный вид. Ему удалось удов-

* См. приложение III: «Объяснение слов».

летворить нашу просьбу, не вмешиваясь в обсуждение и не применяя своей власти.

Перед отъездом к себе в деревню он заходит проститься. Его сопровождает официальный проводник. Это довольно робкий молодой человек в элегантном белом костюме и ботинках на трехслойной каучуковой подошве. Он выражается изысканно, и обороты его речи напоминают стиль Ково.

— Я с удовольствием выпил бы немного вина, — весело говорит Мамади.

В углу нашей хижины всегда стоит наготове бутылка. Разговор становится очень сердечным и оживленным. Мамади рассказывает нам о своем участии в войне с рифами *, о захвате Касабланки. Наступает ночь, но он все еще здесь и решает отложить отъезд до завтра.

Мы уже описали нашим гостям все, что их особенно интересует в нашей культуре, — подачу через краны горячей и холодной воды, средства транспорта, особенно безмоторные, то есть с реактивными двигателями, и, разумеется, метро, лифты, рестораны...

Нам в свою очередь хочется заставить их разговаривать о большом лесе, о его животных, и тома с воодушевлением рассказывают об охоте на пантер и антилоп.

Буане слушает со снисходительным видом. Он ненавидит переводчика: тот оспаривает у него руку одной из дочерей Мамади.

— А слоны, — подсказываю я Мамади.

Я заметил, что большие сигнальные трубы, заменяющие в деревнях городские барабаны, сделаны из полых бивней слона.

— Я никогда не видел слонов, — признается Мамади. — Здесь никто ни разу их не видел. Они водятся только на том берегу Бейла.

К огромному удивлению тома, я рассказываю им, что белые научились дрессировать этих толстокожих, и объясняю, что такое цирк. Дрессировщик, кладущий голову в львиную пасть, вызывает у них полное восхищение.

— Но ведь белые ничего не боятся, — замечает Мамади. — Я даже слышал, что они устраивают гонки на грузовиках.

* Война французских колонизаторов против освободительного движения марокканских племен (1925—1926). — *Прим. пер.*

— И на велосипедах,— заявляет Вуане, которому всегда хочется, чтобы последнее слово оставалось за ним.— Когда я жил в миссии у белых отцов, я выиграл большую гонку.

* * *

Назавтра после полудня мы отправляемся назад в Тувелеу.

Вуане щеголяет в новом бубу. Это рубашка фирмы Лакост цвета бычьей крови, которую он заметил вчера на лотке диулы.

Небо свинцово-серое, и торнадо целый день следуют один за другим. С каждой неделей они будут все чаще и чаще. Приближается сезон дождей.

Ночью, под потоками воды, мы идем босиком в Тувелеу. Воды в речках прибыло вдвое. Мы скользим по мокрой глине тропинок, спотыкаемся об огромные ветки, сорванные ветром. Кустарник хлещет нас по лицу. Путь освещают только молнии, почти непрерывно бороздящие небо. Время от времени я различаю впереди Вуане, его мокрую черную шляпу, надвинутую до ушей.

— Внимание,— говорит он, оборачиваясь при переходе через ручей,— внимание, это жжется!

Промокшие до костей, измученные, мы приходим в деревню.

Вуане будто выкрашен суриком: его рубашка совершенно вылиняла.

Он видел, что мы изо дня в день делаем какие-то заметки, и неожиданно объявляет:

— Белые, которые ходят в чаще, как звери,— этого я еще никогда не видел. Вы слишком много мучились. Нужно, чтобы я написал о ваших мучениях.

— Но ты не умеешь писать,— возражает Вирэль.

— Ты напишешь за меня. Я скажу тебе, что нужно написать.

* * *

С утра над лесом тянутся большие черные тучи. Можно ли будет снимать? А ведь сегодня должна состояться большая церемония покаяния. За последнюю неделю Зээ и Вуане становятся все беспокойнее. Они обошли всю страну тома, чтобы звено за звеном разрушить разрастающийся заговор, нити которого теперь

плотно опутывают нас, и посоветоваться со знаменитыми гадалателями. Зоги * и гадалец делят у тома область магии между собой. Зоги, хранитель и блюститель тайн племени, знает все обряды жертвоприношений, умеет бороться со злыми духами, передает волю Афви и, если он еще и колдун, может кого-нибудь сглазить; но предсказывать будущее и определять характер и время жертвоприношений — это дело гадалца. Между знахарями и гадалцами, функции которых постоянно переплетаются, часто возникает соперничество.

Но сейчас дело кажется Зээ настолько важным, что он, не колеблясь, советуется даже со своими врагами, возможно, из тактических соображений.

Зээ в последний раз расспрашивает гадалца нашей деревни, своего лучшего друга, старого Вэго. Сидя вокруг него в полутьме хижины, мы с тревогой ждем приговора судьбы. Вэго, присев на корточки на циновке, вынимает из маленького мешочка горсть разноцветной гальки, бобов, твердых и блестящих орехов. Он бросает их перед собой, быстро собирает несколько штук и выкладывает какой-то таинственный геометрический рисунок. Он снова запускает руку в мешок, и мало-помалу на земле получается настоящая страница каких-то писем. Обхватив голову руками, Вэго размышляет; наши взгляды прикованы к нему. Наконец он поднимает бесстрастное лицо и говорит так медленно, что губы его едва двигаются. Вуане забывает переводить.

— Погоди, — говорит он, — потом.

Оракул лаконичен. Церемония должна состояться сегодня, даже если остальные знахари не придут; вечером мы перейдем через второй барьер леса, чтобы проникнуть в святая святых, куда доступ разрешен лишь посвященным высшей категории, и принести там в жертву собаку перед большой маской — воплощением Афви.

Плата за консультацию: зарезать на могиле предков красного петуха.

Сидя перед своей хижинкой в крайне подавленном состоянии, Зээ до последней минуты ждет прибытия крупнейших знахарей и колдунов. Солнце клонится к закату. Бесполезно дальше обманывать себя. Те, кто хо-

* Главный знахарь, ведун, повелитель духов леса. См. с. 98. — *Прим. пер.*

тел прийти, уже здесь. Все они — личные друзья Зэээ; к ним присоединилось несколько любопытных из соседней деревни.

Один из них, в старом мундире цвета хаки, подходит к нам:

— Я солдат Ноэль Акои. Я вернулся с фронта, из Индокитая. Но я уехал отсюда нетатуированным, и тома не допускают меня ни на один праздник; если я пойду с вами, они ничего не скажут.

Мы не видим, почему бы нам не удовлетворить его просьбу. Жители Тувелеу, очевидно, не считают Ноэля Акои своим, но и не проявляют к нему никакой враждебности. По словам блюстителей культа, только шесть тома (а их приблизительно пятнадцать тысяч *) не татуированы. Положение Ноэля Акои не из легких. Окончив курс в школе миссии, он продолжал свои занятия в Конакри, а затем поступил в армию. Был ранен, отправлен на родину. Вот уже два года как демобилизован. Он был обращен в католичество, отказался подчиняться законам фетишизма и живет в родной стране на положении иностранца.

— Я видел, — рассказывает он нам, — как в Индокитае пашут на буйволах, и хотел сделать то же самое у нас, чтобы обрабатывать большой участок. Но вся страна поднялась против меня, и отец сказал мне: «Если ты так жесток к животным, возвращайся к белым, здесь тебе нечего делать». И мне пришлось отступить.

Темный свод облаков прорывается, и луч солнца освещает деревню. В центре площади, где собрались все старейшины и все мужчины деревни, Зэээ усаживается на свой резной стул. Два мальчика кладут к его ногам жертвенный нож и ритуальные предметы: связки гинзэ, орехи кола, черную «канарейку» и длинную прямую саблю — эмблему древней касты воинов. Седобородый слепец, старик из Тувелеу, встает и возносит хвалу предкам. Затем, раскинув руки, он вызывает духов леса. Монотонно звучат его заклинания. Толпа, подняв ладони к небу, в один голос скандирует после каждой фразы: «Эгов!». Затем приносят красного петуха и приводят великолепного бычка и черно-белого барана с витыми рогами. Солнце снова прячется.

* Народ тома, или лома, насчитывал в то время около трехсот тысяч человек. — *Прим. пер.*

Я уже много раз видел, как убивают животных в стране тома, где жертвоприношения — обычное дело, но на этот раз меня охватывает какое-то тягостное чувство. Никогда еще подобная церемония не была столь откровенно жестокой. Одним долгим, точно рассчитанным ударом жрец перерезает животным горло. Бык со связанными ногами, истекая кровью, пытается подняться; голова его еще соединена с загривком позвоночника. Баран встает, спотыкаясь, но оседает наземь и корчится в предсмертных судорогах. Обезглавленный петух прыгает по могильным плитам, кувыркается и падает между двумя камнями. Мужчины растеряны и едва решаются взглянуть друг на друга. Все предсказания очень противоречивы. Молчаливая толпа медленно расходится, а небо над ней серое, печальное, как в день «всех святых» *.

Косой луч солнца прорывается сквозь облака. В игре мрачных теней и яркого света ясно видна деревня. Дверь хижины-«снадобья», этого храма тома, открывается. Оттуда с трезубцами в руках выходят Зэээ и Вэго, нацепившие на себя все свои талисманы. За ними какой-то человек несет на плече большую деревянную статую женщины в шлеме с гребнем, одетую в сероватое бубу. На руках у нее медные браслеты, шею украшает ожерелье из мелких стеклышек.

Чувствуется приближение торнадо, но Вуане не выражает беспокойства: когда выходит Воллолибеи, дождя не может быть.

Как объясняет Вуане, имя статуи — Воллолибеи — означает: «Так он красив, что ты не сможешь отвести от него глаз до захода солнца». Разумеется, это несколько вольный перевод. Воллолибеи в Тувелеу — женская статуя; мужская находится в соседней деревне. Иногда устраивается большой праздник, чтобы их соединить, и они танцуют вместе под аккомпанемент голоса Афви. Сегодня Воллолибеи из Тувелеу осталась одна, потому что старейшины из соседней деревни не отозвались на приглашение Зэээ, но воля духов должна исполниться, несмотря на все дурные предзнаменования, и процессия начинается.

* Католическая церковь отмечает этот день 1 ноября.—
Прим. пер.

Безразличный ко всему, подняв лицо к грозному небу, Зэээ в трансе поет каким-то незнакомым нам голосом. За ним один из знахарей несет на плече статую. Сзади следуют мужчины. Они снова начинают петь хором. Ураган рвется к деревне со скоростью мертвой зыби. Уже весь лес дрожит. Сорванные с макушек листья кружатся вихрем в знойном воздухе. Зэээ противостоит всем злым силам, он отталкивает их своим трезубцем. Голос его приобретает небывалую звучность. Воодушевленные этой борьбой с разбушевавшейся стихией, мужчины завывая вторят ему. Вуане сотрясается в приступе истерического хохота.

— Никогда не бывает дождя при выходе Воллолибеи, — твердит он. — Зэээ сильнее всех; он прогонит бурю.

Развязка кажется неизбежной. Шквальный дождь уже затопил ближние холмы, молнии все чаще и чаще полосуют черное небо. Голоса людей тонут в непрерывных раскатах грома. Воллолибеи ставят на землю. Еще более могущественная, чем Зэээ, она одна будет бороться с торнадо.

Слишком поздно. На деревню обрушиваются первые струи частого, скрывающего все из виду дождя. Зэээ кажется не растерянным, а разъяренным. Вуане на плечах уносит статую в хижину-«снадобье», и следом за ним мы впервые входим туда.

С перекладин потолка, покрытых, как лаком, слоем копоти, словно траурные полотнища, свешиваются длинные паутины, отягощенные пылью. В глубине ниши, заваленной талисманами, стоит старый сундук с глиняными сосудами Афви; по обе стороны от него возвышаются плетеные корзины, их стенки покрыты собачьими черепами. Зэээ, Вэго и Вуане, сидя на корточках вокруг Воллолибеи, бросают орехи кола: они падают благоприятно. Следовательно, торнадо, который становится просто бешеным, не может считаться признаком гнева духов леса. Зэээ приподымает бубу Воллолибеи, обнажает ее половой орган, и Вуане выдувает на него разжеванные орехи. Это жертвоприношение должно окончательно смягчить гнев статуи. Наши друзья немного успокаиваются. Зэээ смотрит на нас в упор.

— Духи на нашей стороне, — передает он нам через Вуане. — Это злые колдуны напустили на меня дьяво-

лов леса, но я не боюсь. Ночью я поведу вас в такое место, куда входят только посвященные. Вы увидите Великого Духа, а я принесу ему в жертву свою собаку.

* * *

В этот вечер, после грозы, лес кажется более густым, чем обычно: он словно душит деревню. К хижине приближаются чьи-то шаги... Входит Вуане и с большими предосторожностями ставит возле лампы-молнии старую бутылку из-под рома.

— Вставайте, — сухо говорит он, — я должен вымыть вам лица.

Мы уже знаем об этом обряде. Никто не может встретиться лицом к лицу с Великим Духом, не умывшись магической водой. Вуане наливает несколько капель себе на ладонь и по очереди натирает нас. Свежий, сладковатый запах этой жидкости слегка напоминает аромат влажного леса.

— А теперь идите.

Магниеые лампы, камеры, батареи давно лежат у нас наготове, и мы отправляемся за нашим проводником в темноту ночи.

В глубине поляны, на которой мы уже слышали голос Афви, виднеется узкая дорожка. Вуане поднимает лампу, срезает две зеленые, очень прямые ветки и бросает их крест-накрест на тропинку. Это магический барьер, переступить который не осмелится ни один тома; по ту сторону креста, в заросшей кустарником лесной норе нас ждут другие знахари. При свете лампы-молнии я вижу, что около них на земле лежит черная маска полукаймана, полубарана, почти в метр вышиной, липкая от крови жертв и шершавая от распыленных по ней кусочков орехов кола. Зэээ, сидя на корточках, нежно гладит свою собаку, успокаивая ее.

Фиштэ нервно шарит в футляре камеры.

— Забыли кассеты, — говорит он тихо.

Церемония вот-вот начнется. Фиштэ, Тони и я должны заниматься съемками и не можем пойти за кассетами. Остается один Вирэль. Он берет лампу-молнию и уходит по дороге назад. Деревня совсем близко, он вернется самое большее через пять минут. До тех пор мы будем снимать на первую кассету.

Зэээ выглядит нервным, встревоженным. Он сожа-

леет, что провел пас через второй барьер, по уже не может отступить. Продолжая ласкать собаку, он бросает орехи кола и почти неслышно произносит первые заклинания. Внезапно ужасный крик пронзает ночь. Это Вирэль. Все мужчины вскакивают вне себя от ярости: ни один звук человеческого голоса не должен нарушать тишину священного леса. Вуане, считающий нас до некоторой степени своими учениками, пытается указать Вирэлю путь, подражая крикам животных. Тщетно. Вирэль, попав, без сомнения, в скверное положение, не отличает этих криков от других шумов леса и продолжает звать. Зэээ и Вуане идут ему навстречу. Остальные злобно смотрят на нас.

Через несколько минут Зэээ возвращается на поляну в сопровождении Вуане и Вирэля, потрясенного и с пустыми руками. Сейчас не время для объяснений. Наши друзья немедленно возобновляют церемонию, чтобы скорее с ней покончить. Зэээ снова произносит заклинания и пробует лезвие ножа на травинке. Чьи-то руки хватают собаку, зажимают ей морду, чтобы заглушить визг, и торжественное жертвоприношение совершается. У всех блюстителей культа суровые лица.

Животное даже не бьется. Кровь заливает всю маску. Блюстители культа бережно кладут собаку на землю и покрывают ее голову большим листом.

Вэго раздевается догола и, наклонившись, проскальзывает под прикрепленные к тяжелой черной маске шкуры пантер и обезьян, закрывающие его почти до колен. Затем он выпрямляется, держа маску на уровне висков. На наших глазах воплощение Великого Духа оживает и начинает медленно кружиться перед Воллолибеи, которую поддерживает за руку Вуане. Кровь капля за каплей падает с маски на звериные шкуры. Церемония заканчивается в полном молчании. Мы расходимся, чтобы вернуться в деревню несколькими группами по разным тропинкам.

Мы уже долго лежим в гамаках, не произнося ни слова. Невольная оплошность Вирэля может стоить нам доверия колдунов и знахарей. Он прекрасно понимает это и решается прервать тягостное молчание.

— Завтра я пойду к Зэээ и объясню ему, что случилось со мной в лесу.

Когда мы просыпаемся на следующий день, Вирэля

уже нет. Он с самого рассвета в хижине Зэээ и разговаривает с ним.

Мы садимся пить чай, когда Вирэль возвращается. За ним с довольным видом идет Зэээ. Мы не хотим задавать Вирэлю вопросы сейчас, в присутствии знахарей, но как только остаемся одни, спрашиваем его о случившемся.

— Я просто рассказал Зэээ мой сегодняшний сон, — отвечает он. Вирэлю приснилось, будто он заблудился в священном лесу среди стволов и лиан и чувствовал, что задыхается, как вдруг перед ним появилась собака и дала ему понять, что он должен следовать за ней. Вскоре стало светать, запел петух, и Вирэль уже па заре вновь очутился на поляне возле принесенной в жертву собаки. Зэээ ответил ему, что это, конечно, Аффи разговаривал с Вирэлем во сне, что он умышленно заставил его заблудиться вчера ночью, чтобы явить ему свое могущество и задержать заклятие собаки, которое в принципе должно совершаться только на заре.

— Потом он благословил меня, — закончил Вирэль, — и сказал: «Если бы у тебя была черная кожа, ты был бы таким же знахарем, как я». И я дал ему денег, чтобы он от моего имени принес в жертву красного петуха.

* * *

Объяснения Вирэля подняли его престиж, а вместе с тем и наш; Зэээ забыл свое минутное раздражение. Каждый день он подолгу сидит в нашей хижине, рассказывая нам об обычаях тома. Ему нетрудно поделиться всеми интересующими нас сведениями, но он не всегда понимает смысл наших вопросов.

Заклятие собаки в священном лесу произвело на нас большое впечатление, а большая черная маска с пастью каймана и бараньими рогами врезалась нам в память.

— Как называется эта маска? — спрашиваю я Зэээ.

— Это Окобюзози, племянник Аффи.

Постепенно мне удается вытянуть из него почти все, что мы хотим знать. Окобюзози получил свое имя по предку Зэээ, основателю деревни, — тому самому, чей след отпечатался на большом черном камне. Это тайное воплощение Великого Духа леса. Женщинам и непосвященным под страхом смерти запрещается видеть его; по-

является он только ночью. Иногда, в дни особенно важных церемоний, он покидает свои владения при дневном свете и обходит деревню. Женщины должны в это время убегать далеко в глубь чащи.

— Это самый важный из всех фетишей?

— Нет. Афви, который невидим, сильнее всех. Он — единство всех тома.

Мне теперь понятен гнев других блюстителей культа. Зээ открыл нам не свою личную тайну, как это сделал Вуане, показав Ангбаи, а великую тайну всего племени. Остальные фетиши менее важны (некоторые из них даже попали к тома от соседних племен), потому что магическая сила, которую они сообщают своим обладателям, может быть куплена жертвоприношением или дарами, или даже продаваться как простой товар. Воллолибеи, например, происходят из Сьерра-Леоне. Из всех персонажей священного леса, с которыми мы знакомы, только трое появились у самих тома: Ангбаи — «человек, покрытый шкурами», ланибои — «танцор на ходулях», и уэнилегаги — «человек-птица». Первые двое должны, под угрозой штрафа, говорить на языке тома; уэнилегаги — нем. Бородатая маска, страж священного леса, Бакороги заимствована у герзэ — соседнего народа, чьи обычаи очень близки обычаям тома, — и должна говорить только на языке герзэ. Завелеги, тоже «людиптицы», у которых даже лицо спрятано под перьями, купили свой секрет у малинке.

— И,— прибавляет Вуане,— это очень сильное снадобье.

* *

Я не вполне улавливаю, в чем смысл постоянного смещения понятий «маска» и «снадобье». Я не знаю, какой смысл вкладывает Вуане в это последнее слово, но терпеливо добиваюсь объяснения. Когда Вуане приносил в жертву «царицу» термитов, он возложил на Ангбаи талисманы и уменьшенную копию большой маски. Эти предметы и придают фетишу его ценность. Без них он не имеет никакой силы. Талисман же, напротив, даже один, сам по себе, сохраняет всю свою действительность. Зээ соглашается объяснить мне, из чего составляются эти «снадобья». В общем это очень напоминает самые нелепые рецепты белых колдунов, но с

известной примесью экзотики: к обрезкам ногтей и волос добавляют иногда «царицу» термитов или кусочки человеческой кожи, взятые с трупа или собранные после обряда посвящения. Состав снадобий сильно различается в зависимости от назначения. Одно из самых редких и самых действенных снадобий называется, по словам наших информаторов, «дышащий гри-гри». Его приготовление требует большого количества жертв и одного трудновыполнимого условия: оно должно быть завернуто в красный фланелевый пояс, украденный у солдата-пехотинца.

— Если ты обладаешь этим снадобьем,— заканчивает Вуане,— тебя боятся все враги. Когда ты смотришь на него, ты видишь, как оно движется. Чтобы перенести снадобье с места на место, надо прижать его к себе и бежать не переводя дыхания. Если больше нет сил, надо положить снадобье на землю, передохнуть, а потом бежать снова.

Затем он рассказывает нам историю, достоверность которой для него неоспорима:

— Во времена силы начальник приказал знахарям прибыть в Масента и сдать все снадобья. Боясь репрессий, они повиновались, но по дороге, недалеко от города, остановились, чтобы произвести последнюю магическую операцию. Самый могущественный из них вызвал духов леса: по его зову дьяволы лесной чащи вырвались из леса и подняли такой ветер, что были сорваны все крыши и разрушены многие хижины в Масента. Начальник послал к знахарям солдата с приказом разойтись по своим деревням: он не захотел хранить у себя столь опасные снадобья.

— И,— заключает Вуане,— все это описано в книгах канцелярии, в Масента.

Ночью мне не удалось рассмотреть «снадобье» Окобюзози, и Зээз предлагает нам его показать. После жертвоприношения он оставил его в священном лесу.

— Теперь,— говорит он,— вы имеете право войти туда. Но женщины не должны вас видеть.

Вуане ведет нас окольной дорогой, и скоро мы вновь встречаемся с Зээз, присевшим на корточки перед маской на небольшой поляне. Окобюзози покоится на ложе из банановых листьев, среди разостланных шкур. Днем маска кажется мне не такой страшной, как в ночь жерт-

воприношения, когда она была обрызгана свежей кровью, блестящей при резком свете магния. Зэээ указывает нам на черный горшочек, стоящий между рогами маски.

— Вот снадобье, дающее силу Окобюзюги.

Затем он раздевается, надевает маску и передает нам через Вуане, что мы можем его сфотографировать. Такой вызов обычаям — самое убедительное доказательство доверия и дружественного отношения Зэээ к нам.

Возвратившись в деревню, Вуане останавливается перед большой хижинной.

— Здесь находится снадобье женщин. Посмотрите на него, но не трогайте и не задавайте вопросов: вы увидите его прямо против двери.

Внутри хижины три толстые старухи. Две прядут хлопок, из них одна, растрепанная, с подведенными каолином глазами, должно быть, носит траур по какому-то родственнику. Третья, присев на корточки перед котелком, варит рис. Три камня посреди пола образуют очаг.

Они встают нам навстречу и, кажется, очень довольны нашим посещением. С помощью Вуане мы обмениваемся обычными формулами вежливости. Женщины приглашают нас сесть и преподносят горсть орехов кола. Мы оглядываем всю хижину. Вдоль стен большой комнаты, побеленной каолином, тянется широкая лежанка, разделенная альковами, каждый из которых предназначен для одной женщины и ее детей. От копоти и пыли потолок так же череп, как потолок в хижине-«снадобье». В одной из ниш напротив двери я вижу что-то вроде маленькой, словно игрушечной хижины. Рядом с ней возвышается увенчанный глиняным горшочком столбик термитника, покинутого его обитателями. Выше, вдоль стены, сложены одна над другой жертвы, завернутые в циновочки. «Снадобье» женщин находится, конечно, внутри маленькой хижины.

Старуха, сидящая у очага, начинает чистить какие-то белесые овощи. Это грибы тропических лесов; у них очень длинные ножки.

— Сегодня вечером, — объявляет Вуане, — вы будете есть грибы. Я попрошу их у старухи, а вы сделаете ей подарок.

Мы переглядываемся, слегка обеспокоенные, но желание внести разнообразие в наш стол берет верх.

Вскоре Вуане делает нам знак, что пора уходить.

Старухи провожают нас до середины площади и осыпают благословениями, повторяя все время «балика».

«Балика» на языке малинке означает «спасибо». Это единственный иностранный язык, который знают тома. Так как мы сами иностранцы, то женщины говорят на нем, полагая, что он нам понятнее.

— Сегодня белые впервые вошли в хижину жепцин,— говорит нам Вуане,— и они находят вас очень вежливыми.

Приготовленный Вуане цыпленок с грибами — просто объедение. Утром ни малейшего признака отравления. Все обошлось благополучно.

Мы продолжаем расспрашивать Зэээ о происхождении масок, но на этот раз смысл вопросов ускользает от него.

— Когда появилась земля,— говорю я ему,— лесные духи уже, конечно, существовали.

Зэээ растерянно смотрит на меня; я, видимо, кажусь ему дураком.

— Да нет же,— отвечает он, пожимая плечами,— это все сделали мы, зоги.

Он объясняет мне смысл этого слова, которого я не знал. «Зоги» буквально значит «человек», но только в определенном смысле: «главный хранитель культа, повелитель духов леса, совершенный человек».

— При рождении земли,— добавляет он,— существовали только вода, змея и два снадобья: Белимасаи и Зази.

Эти два слова означают, впрочем, одно и то же — громовый камень*, но первое — для мужчин, а второе — для женщин.

Поскольку речь зашла о начале всех пачал, я пытаюсь еще раз узнать легенды тома о сотворении мира и о первом человеке, но, как всегда, сталкиваюсь не с нежеланием рассказать, а с полнейшим незнанием. Са-

*Громовый камень», или «громовая стрела», — накопечники каменных стрел или иные каменные орудия, находимые в верхних слоях почвы при ее обработке. Почти во всем мире — в том числе и в Африке — суеверные люди считают «громовые стрелы» окаменевшими ударами грома или окаменевшими молниями и употребляют их в качестве оберегов от грозы.— *Прим. пер.*

мые далекие воспоминания наших блюстителей культа восходят лишь к поколению, жившему перед приходом белых. Воспитанный в традициях западной цивилизации, я не могу себе представить, чтобы люди никогда не задавались вопросом о своем происхождении. Может быть, потрясение, вызванное вторжением французских войск в эту страну, было так велико, что устная традиция, передававшая предания из поколения в поколение, прервалась и ее заменили рассказы о военных действиях, которые мы слышали буквально в каждой деревне.

Сейчас ночь, блюстители культа ушли. Сидя на ящике возле лампы-молнии, я перечитываю свои заметки и пытаюсь проанализировать все, что рассказали нам Зээ и Вуане.

Бубу-«снадобье», предмет вожелений Вуане, принадлежит Зээ, и только он один может пользоваться его магическими свойствами. Различные маски и их талисманы являются собственностью той или иной категории блюстителей культа. Воллолибеи-женщина из Ту-велеу покровительствует деревне, но она неполноценна без своего мужского двойника из соседней деревушки. Даже сам Окобюзози не простирает свое могущество за пределы кантона. Сила воздействия этих «снадобий», если пользоваться термином Вуане, основана, кроме приписываемых им магических свойств, на различных трюках, призванных нагонять страх (подражание реву хищных зверей, переодевания) и создавать атмосферу, благоприятную для проявления сверхъестественных сил. Но Афви, невидимый и всемогущий, объединяет всех тома. Их магия есть по существу феномен коллективного порядка. «Дух троих людей сильнее, чем одного», — сказал мне Вуане.

Если в такой замкнутой общине, какой является африканская деревня, группа мужчин собирается в священном лесу и принимает решение о наказании или о смерти одного из своих, то у последнего, как это нетрудно себе представить, мало шансов избежать предназначенной ему участи. Даже не прибегая к силе, одним простым внушением знахари могут заставить назначенную жертву выполнить их волю. Если же обреченный оказывает неповиновение, ему помогают умереть. Все знахари умеют пользоваться ядами, и Вуане во время наших прогулок по лесу показывал нам лианы,

из плодов и коры которых извлекаются эти яды. Эти знания составляют часть арсенала знахарей и колдунов.

Я, кажется, понимаю беспокойство старого Зэээ, хотя он и великий зоги, по поводу замышляемого его противниками заговора. Прежде чем прийти к равнодушию, которое он проявляет сейчас к верованиям предков или даже к отрешению от них, он их разделял. Он сам связан тайной, соблюдать которую обязывает других. Его положение главы блюстителей культа позволяет ему распоряжаться по своей воле коллективной магической силой тома, но он не может ни изменить этому миру, часть которого он составляет, ни уйти из него без риска получить ответный удар. Союз с нами ставит его в ложное положение: разглашение им тайны священного леса отталкивает от него большинство тома и заставляет их группироваться вокруг его противников. Зэээ не может недооценивать силы, к помощи которых он так долго прибегал, и он страшится их.

Но разгадать магию тома не столь уж просто. Нам не удалось выяснить загадку нашей первой ночи здесь, в Тувелеу, молнии в Доэзия и раздвоения Вуане в Сагпау. В то же время, когда Зэээ говорит нам: «Это все сделали сами люди», он, конечно, выражает не личный взгляд на духов леса, а то, что думают все знахари; и когда он отгоняет торнадо своим трезубцем, повторяя магические формулы, переданные ему его предшественниками, то верит в их действенность. Если его заклинания не дают желаемого результата, он, чтобы спасти положение, прибегает к своей сообразительности.

Я барахтаюсь в этих противоречиях, понимая, что в глазах тома они не выглядят таковыми и совершенно их не смущают. Любая реакция, которую я приписываю Зэээ, любое объяснение, которое я даю его поступкам, имеют значение лишь для меня, белого. Сам он ставит перед собой гораздо меньше вопросов и во всяком случае формулирует их совсем иначе, чем я.

В эту самую минуту он, наверное, дрожит в своей хижине от страха, от непреодолимого страха перед возмездием созданных людьми духов, власть которых он, однако, и не думает отрицать. Женщины и дети боятся Бакороги, хотя знают, что под устрашающей маской скрывается какой-то мужчина; посвященные, завидев Окобюзоги, обращаются в бегство; сам Вуане боится

Зээ, когда тот одет в бубу-«снадобье», и мечтает приобрести такое же. Его отношение к этим вещам не соответствует представлениям европейцев о логике. Нам эта игра мыслей может казаться ребяческой, но с ней следует считаться, если мы хотим понять тома. Мы пытаемся разрешить противоречия — тома просто живут с ними.

* * *

В последние дни Вуане все чаще думает и говорит о заговоре. Он уже не может войти утром в нашу хижину без того, чтобы не сказать: «Против нас заговор» или: «Заговор потерпел неудачу», — в зависимости от результатов разведки в соседних деревнях. Мы уже заключаем пари о том, с каким заявлением придет он на следующий день.

Сегодня, однако, мы все проиграли.

— У меня есть идея, — объявляет Вуане, входя вместе с Зээ. — Нужно сходить к Даразу, великому шарлатану.

Для него это слово, произносимое с благоговением, означает одну из высших степеней магической власти.

Гадатель Даразу Коивоги из деревни Анорэзия, по своему могуществу почти равный Зээ, руководит интригами, которые во имя закона предков плетут против нас. По зрелом размышлении Зээ и Вуане решили, что было бы тактически правильным встретиться с ним лицом к лицу.

Мы вышли из Тувелеу очень рано и уже прошли несколько деревенок.

— Стойте, — вдруг говорит нам повелительным тоном Вуане. — У Даразу есть дышащий гри-гри. Я должен вымыть вам лица магической водой, иначе вы не сможете ничего сделать.

Мы выполняем этот обряд. Немного погодя мы приходим в Анорэзия. Деревня наполовину пуста. Высокая трава покрыла сплошь каменистую почву вокруг полуразрушенных хижин с провалившимися крышами.

Как всегда, в середине дня жители работают на своих полях, и все кажется вымершим. Наконец нам удается найти какого-то старика, и он показывает, где живет гадатель.

Даразу — жирный великан с хитрыми глазками.

Своим луноподобным лицом, тремя косами на бритом черепе (по старинной моде тома) он напоминает скорее азиата, чем африканца. Он отказывается разговаривать с нами без старшины деревни и шлет за ним в поле гонца. В ожидании великий шарлатан ведет нас в пустую хижину, садится напротив. Две его жены приносят нам калebasы со свежей водой.

Буане страшно вращает глазами и делает нам знак ничего не принимать. Но мы, все четверо, пьем, чтобы доказать наше доверие к Даразу. Затем мы долго неподвижно стоим перед гадателем, который даже не открывает рта.

Наконец приходит старшина деревни, сопровождаемый всеми старейшинами. Они окружают нас.

Буане передает мою просьбу:

— Я хочу говорить только с Даразу или при старшине, если он на этом настаивает.

Старейшины растеряны. Споры у тома решаются большей частью силой, а мы — враги, но они убеждаются, что у нас нет оружия и что они ничем не рискуют.

После долгих колебаний Даразу решается и ведет нас на маленькую лужайку за пределами деревни. Я привожу ему по порядку все аргументы, которыми уже удалось убедить других знахарей. Чтобы не смотреть на меня, Даразу сидит рядом со мной, полуприкрыв глаза, наклонив голову, и веточкой что-то чертит на песке. Я сразу понимаю, что Даразу никогда не станет нашим союзником. В его глазах Эзэ совершил непоправимую ошибку, заслуживающую примерной кары. Кроме того, он весьма заинтересован в том, чтобы занять место Эзэ.

— Я не прошу тебя помочь нам, — говорю я наконец, — но просто ничего не делай против нас.

Даразу отвечает не сразу. На его губах появляется саркастическая улыбка. Сидящий напротив Жан с трудом сдерживает раздражение.

Наконец Даразу поднимает голову и излагает свою точку зрения. Он уверяет, что питает к нам самые добрые чувства, и утверждает, что обязательно пришел бы на церемонию в Тувелеу, если бы старшина его деревни разрешил. К несчастью, никто его не предупредил. Мы знаем, что он врет, так как видели его в Доэзия. Он продолжает, и мы узнаем, что он якобы совершенно не про-

тив того, чтобы мы знали тайны леса, но он не хочет сам открывать их нам.

— Я слишком боюсь смерти.

Он явно хитрит. Мы ничего не сможем от него добиться, настаивать бесполезно. Сидящий рядом с ним старшина деревни, с тусклым взглядом, отвислой губой и подобострастным выражением лица, подтверждает слова Даразу бесцветными «эгов».

Смысл всей этой истории ускользает от него, это ясно, и он ограничивается тем, что механически поддакивает Даразу.

— Я ничего не буду делать против вас, — повторяет в последний раз великий шарлатан.

Ему хочется одного: чтобы мы ушли. Свидание закончилось неудачей. После обычных формул вежливости мы расстаемся. На обратном пути я догоняю Вуане, который с мрачным видом идет впереди нас по тропе, и делюсь с ним своим разочарованием.

— Люди из Анорэзия очень хитры, — наставительно говорит Вуане. — Они называли старшиной самого большого идиота. Поэтому, когда кантональный вождь дает приказ, который им неприятен, они ничего не делают, а потом говорят, что старшина не умеет управлять. Но когда старшину хотят заменить, они не соглашаются.

7

По четвергам один из нас ездит в Масента за почтой, пользуясь грузовиком местного торговца, отправляющегося на рынок за припасами. Сегодня моя очередь, но на этот раз Жан сопровождает меня. Судя по последним письмам из Парижа, полученным дней пятнадцать назад, у него должен вот-вот родиться сын. Речь, конечно, может идти только о сыне. И едва грузовик сбрасывает нас на рыночной площади, Жан, увлекая меня за собой, огромными шагами спешит в почтовую контору.

Разборка вчерашней почты еще не кончилась, и Жан в нетерпении приносит почтовые власти Франции и Африки и обвиняет в разгильдяйстве служащих местной конторы, хотя они буквально из кожи лезут вон, чтобы его удовлетворить. Наконец, перерыв по нескольку раз

мешки с почтой и даже бандероли с газетами, они, широко улыбаясь, протягивают Жану телеграмму недельной давности. Жан бледнеет, лихорадочно вскрывает депешу, тут же, взбешенный, кладет ее в карман и, к великому разочарованию почтовиков, выходит, не говоря ни слова. Я благодарю служащих от его имени и догоняю Жана. Он смотрит прямо перед собой.

— Девочка,— говорит он.— И, как будто этого мало, они назвали ее *Виржинией!*

Я чувствую, что в этом «они» Жан объединяет все человечество. Это оно виновато в том, что у него родилась девочка и что ее назвали романтическим именем, которое кажется ему смешным!

Я ему рассказываю, что сам пережил подобное испытание во время экспедиции по Ориноко и Амазонке, и стараюсь убедить его, что люди ко всему привыкают.

Несколько наших друзей-европейцев, живущих в Масента, думали утешить Жана хорошей выпивкой, но добиваются лишь того, что мы опаздываем на обратный грузовик. Вечером они затягивают нас в кино на вольном воздухе.

На краю деревни, между двумя кусками брезента, прикрепленного к кольшкам, маленький 16-миллиметровый аппарат отбрасывает весьма туманное изображение на кое-как натянутую простыню. Рокот динамо иногда заглушает голоса артистов и дребезжащие звуки музыки. Простые скамейки, переполненные зрителями, пошатываются на неровном земляном полу.

Публика состоит в большинстве из африканцев, которые, смотря документальный фильм о работах Пастера, со страстным интересом следят за борьбой между бациллами и микробами, подбадривая противников громкими выкриками. Фильм о кетче * не вызвал бы большего энтузиазма. После первой части программы последовал без перерыва старинный водевиль, перипетии которого остались непонятными даже для нас.

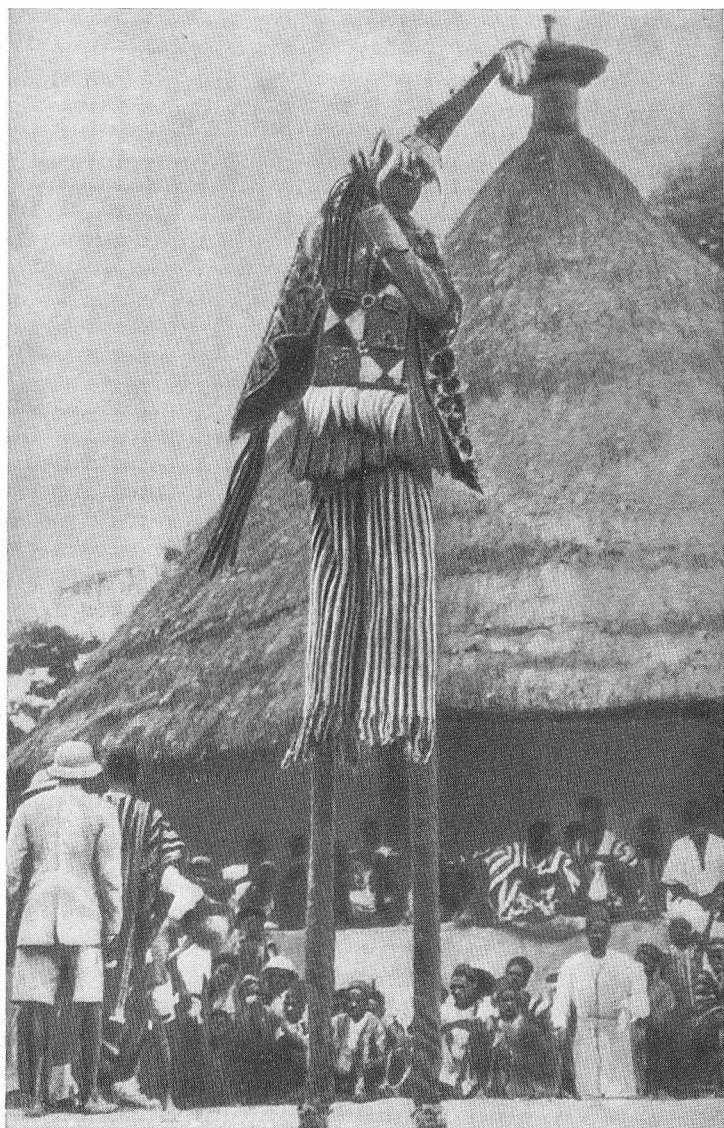
Мы ушли до окончания сеанса, чтобы выпить пива у Форомо, «трактирщика № 1» Масента.

Форомо, высокий, широкоплечий, с веселым лицом, ведет нас к свободной кабинке.

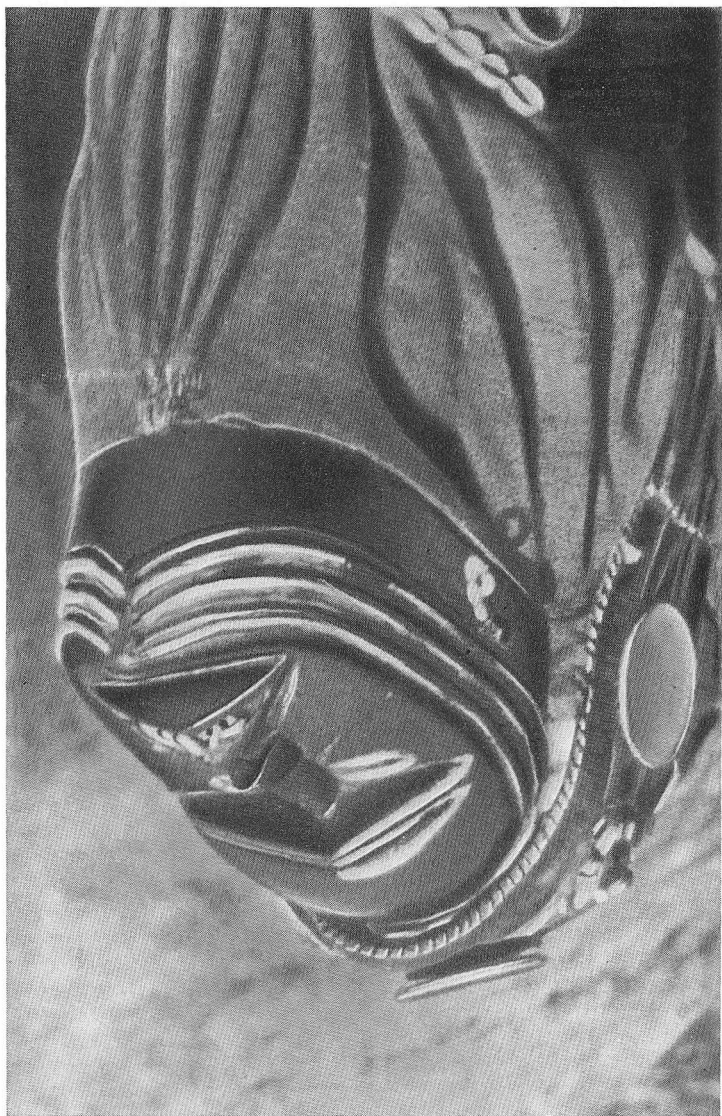
* Борьба без правил, одно из порождений буржуазного «спорта».— *Прим. пер.*

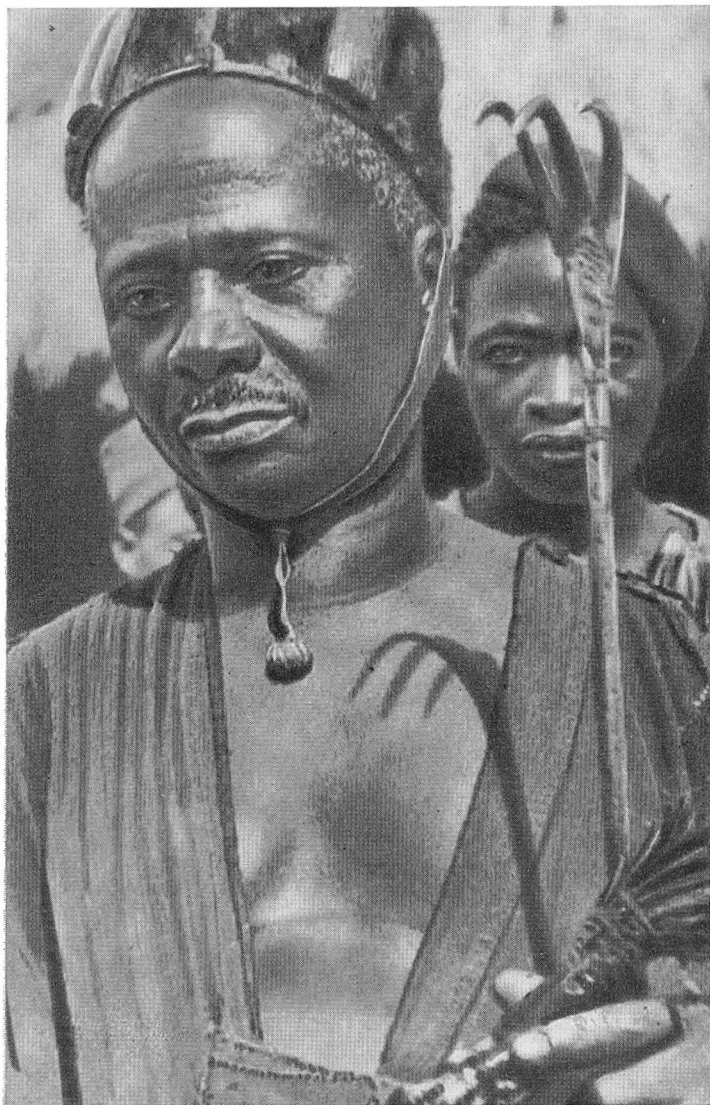

Уенилигаги — человек-птица

Ланибои — танцор на ходулях

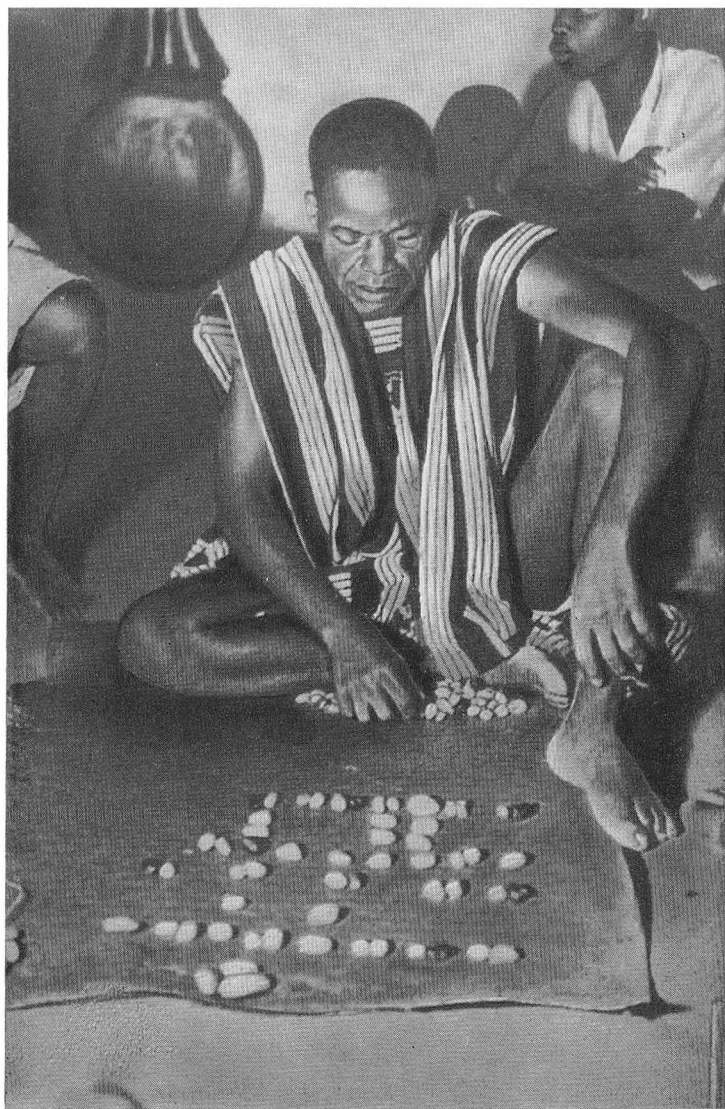

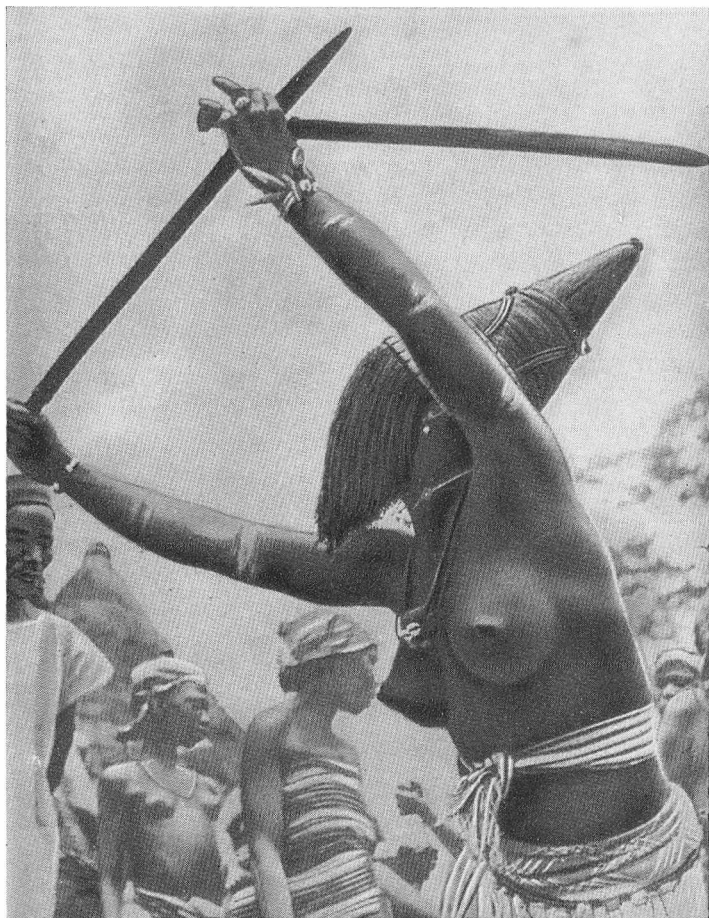
Зэээ Совохоги — зогги

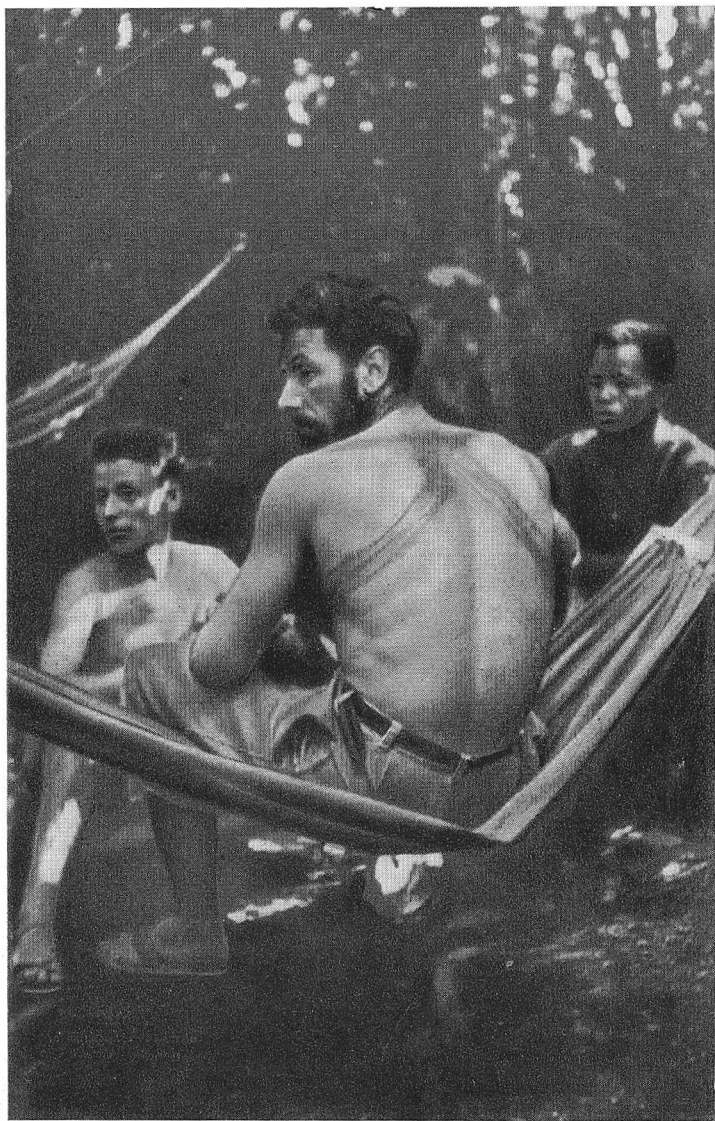
Буане Коивоги

Гадатель Вэго извеццает Зэээ о заговоре

Праздник выхода девушек из леса. Военный танец

Жизнь в священном лесу

— Укресливайтесь, господа, укресливайтесь,— говорит он, указывая на грубые скамейки. Затем он представляет нам своих именитых клиентов, в частности Коли Зуманиги, вождя кантона Баэзия.

— Да,— подтверждает Зуманиги, поглаживая короткие усы,— вот уже семнадцать лет, как я командую кантоном.

— И ты ни разу не был отравлен? — Я задаю этот вопрос тоном человека, который в курсе дела. Кантопальный вождь может нажать много завистников!

Зуманиги шурит блестящие глазки.

— Нет, я для этого слишком хитер.

Он присаживается к нашему столику. Коли знает о всех наших трудностях и предлагает свою помощь. Он даже приглашает нас на большой праздник девушек, который должен состояться в его деревне через несколько недель.

Коли уходит. Мы возвращаемся к нашим друзьям и проводим у них остаток ночи в ожидании, пока найдут грузовик, который доставил бы нас в Бофосу.

* * *

Тони и Вирэль ожидают нас на основной базе, куда уже снесли заснятую пленку и озвученные магнитофонные ленты. За два месяца нам удалось, сверх всяких ожиданий, заснять тайные обряды тома и записать дикую музыку Афви. Но главное еще впереди. Удастся ли нам присутствовать на церемонии инициации в Согору? Приближается период ливней, а дата этого торжественного праздника еще не назначена.

Скрытая оппозиция большинства знахарей и колдунов сводит почти на нет наши шансы. И тем не менее Вуане ничуть не сомневается, что мы будем допущены к «большой татуировке». Зээ Соховоги, главный распорядитель инициаций, уже семь раз руководил церемонией, и при его поддержке все возможно.

Чтобы обескуражить наших противников, Вуане решил просить поддержки у духов леса и принести сегодня утром в жертву своему духу-покровителю белого петуха. Мы сопровождаем Вуане. Он направляется к болотистому берегу реки, в которой женщины стирают белье. Оттуда мы идем по едва заметной тропинке, уводящей нас довольно далеко вниз по течению, к высокому

водопаду в густой тени деревьев. В самом густом кустарнике между двумя большими камнями открывается узкий просвет, в глубине которого поблескивает черное озерцо. Вуане преклоняет колени перед этой щелью и, отбивая земные поклоны, начинает молиться духам. Затем он перерезает горло белому петуху, и тот, трепыхаясь, расправляет крылья и бросается в воду.

— Жертва удалась,— говорит Вуане вставая,— заговор провалится.

На обратном пути Вуане останавливается у маленького полуостровка. Там среди деревьев и кустов устроена узкая земляная платформа. В центре ее на большом плоском черном камне, под протянутой между двумя ветвями лентой из хлопчатобумажной ткани, расставлены в «канарейках» рис и пряности. Это жертвоприношение змее*.

— Если змея принимает твои подарки,— говорит Вуане,— если она ест принесенные тобой яйца, она всегда тебе покровительствует. Змея никогда не обманывает.

И я вспоминаю: тома считают, что вода и змея существовали до человека и, следовательно, даже раньше Афви.

* * *

Лес накладывает на нас свой отпечаток.

Мы осунулись и обросли бородами. Целые созвездия крестиков липкого пластыря покрывают наши руки и ноги, разъедаемые плесенью кроу-кроу, которая неизбежно появляется в сезон дождей.

Несколько дней, проведенных в Бофосу, стали для нас чем-то вроде каникул. В харчевне Борэ можно найти красное вино, хлеб из Масента и даже консервы; хижина, обставленная мебелью из ящичков, предоставляет относительный комфорт, в болотистой реке мы купаемся — все это отдых от трудной жизни в чаще.

* * *

После этой короткой передышки мы с удовольствием возвращаемся в свою хижину в Тувелеу. За время нашего отсутствия Зэээ, обнаруживающий гораздо боль-

* См. приложения IV и V: «Жертвоприношение змее» и «Чтобы получить покровительство змея».

ше беспокойства, чем Вуане, не раз обходит окрестные деревни, чтобы помешать деятельности сторонников Даразу.

Меня удивляет их ожесточение.

— Они думают, что вы хотите лишить тома их положения,— говорит мне Вуане.

Иногда мы сопровождаем Зээ. Он считает, что клевете наших противников лучше всего противопоставить дружелюбие.

Мы уже хорошо знаем тропы Геригерика, и у нас теперь много друзей в деревнях. По-видимому, тома слишком заняты, чтобы интересоваться нашей деятельностью. Каждый год после жатвы они забрасывают старые участки, и старейшины распределяют в лесу новые. Мужчины должны их раскорчевать, затем сжечь срубленные деревья. В это время днем в деревнях остаются только старики и дети — все трудоспособное население готовит землю к посеву. Этот тяжелый труд должен быть закончен до больших дождей. Но по вечерам, когда жители возвращаются домой, они приходят сердечно приветствовать нас, и гостеприимство их неизменно. Нам кажется, что ничто не подтверждает тревог Зээ.

Путешествия по лесу убеждают нас в том, какое большое значение в жизни тома имеют жертвоприношения.

В каждой деревне мы видим ритуальные предметы, которых до сих пор не замечали.

На могилах предков лежат кресты из бревен, просверленные посередине и нанизанные на длинный стержень, словно наложенные один на другой турникеты.

На площадях стоят колышки, около них кучкой положены кольца. В хижинах к стенам прикреплены пучки лиан-вьюнков. Под навесами крыш висят гирлянды гибких лиан. Все эти талисманы защищают селение или семью от огня, от смерти, от болезней.

А вдали от деревень, в самой глубине лесной чащи, то там, то сям от главной тропы отходят узенькие тропинки, ведущие к местам, где каждый мужчина приносит свои жертвы воде и змее.

Снова долгие дни ожидания в опустевшем Тувелеу, пока Зээ и Вуане справляются у знаменитых колдунов, как им быть дальше. Вынужденная бездеятельность ста-

новится невыносимой, и мы устраиваем нечто вроде амбулатории, в которой лечим порезы, венерические болезни, раны от разорвавшихся ружей местного производства, нарывы.

Сначала жители Тувелеу не очень-то доверяют нашему врачеванию, но нам удается вылечить несколько человек. Антибиотики — пенициллин или ауреомицин — оказывают молниеносное действие на не привыкшие к ним организмы, и с каждым днем все больше пациентов, главным образом женщин, приходит на «консультацию» к Жану Фиштэ, ловкость которого в обращении со шприцем выдвинула его на должность главного врача экспедиции.

Однажды вечером мы превращаемся в «неотложную помощь». К нам приносят мужчину, скрюченного и покрытого шрамами. Лицо и плечи — в открытых рваных ранах. Даже беглый осмотр показывает, что скрючен он от рождения. Но, кроме того, сегодня наш пациент упал с вершины пальмы.

Продезинфицировав раны и засыпав их сульфамидами, мы стягиваем их, как можем, лентами липкого пластыря (у нас нет хирургических крепок). Раненый приходит в себя, а после стакана рома оказывается в состоянии говорить.

— Это уж третий раз он падает с пальмы, — полняет Вуане.

Мы советуем раненому не повторять этих упражнений, которые ему, видимо, не удаются. Его левый глаз, не закрытый повязкой, выражает глубокую грусть.

— Он не может, это его занятие, — говорит Вуане. — Он сборщик плодов капустной пальмы.

* * *

Старейшины и знахари привыкли собираться в нашей хижине.

Даже в отсутствие Вуане мы можем вести с ними долгие беседы: почтенный старец Вуане Бэавоги служит нам переводчиком. Высокий рост, худощавость и благородство жестов, белые борода и волосы делают его немного похожим на фульбе. Еще в детстве, сразу после татуировки, он покинул деревню и нанялся на работу к белым. Со временем он стал доверенным лицом какого-то чиновника, сопровождал его во всех переездах по

стране и теперь говорит почти на всех языках Гвинеи. После отставки Вуане Бэавоги вернулся в Тувелеу. Здесь все его уважают, удивляются его знаниям, хотя он и отказывается принимать участие в фетишистских праздниках.

Этому деревенскому скептику повезло больше, чем стрелку Ноэлю Акои: он живет без особых забот, воспитывая на свой манер внучат, целый рой которых всегда следует за ним, и присматривая за своим участком. Его изумляет паша аппаратура, особенно магнитофон, и он без конца расспрашивает нас о них, но не понимает ни нашего интереса к священному лесу, ни враждебного отношения знахарей к нам.

— Белые с их самолетами видят сверху все, что происходит, и знают уже все эти басни... Они не скрывают от нас своих секретов, мы должны открыть им наши.

К сожалению, не все тома разделяют эту точку зрения. Однажды вечером Зэээ возвращается из очередного путешествия совершенно расстроенным. Даразу удалось убедить уже почти все население, что совершенно грубое святотатство. Он уверяет, что мы засняли тайные обряды с единственной целью — открыть их женщинам и соседним племенам, что мы не сдержим ни одного из наших обещаний. Он хочет отстранить Зэээ от участия в большой татуировке в Согуру и помешать нам присутствовать при этом обряде.

Искупительные жертвы и ритуальные приношения не умерили ярости наших противников, и я еще раз вспомнил предупреждение Проспера Зуманиги в Массента по поводу празднеств в Согуру.

...Чтобы видеть их, надо быть татуированным.

Мы не раз думали о том, чтобы пройти обряд инициации, и сегодня вечером решили сообща прямо поставить этот вопрос перед нашими друзьями-знахарями. Мы все хотим быть татуированными. Это испытание сблизит нас с тома и положит конец двусмысленному положению, которое становится все более тягостным.

Как только Зэээ и Вуане вошли в хижину, я решил:

— Ты говорил мне, что каждый мужчина, видевший

Афви, должен быть татуирован. Мы тоже хотим быть такими.

Буане остолбенел. Потом он взорвался:

— Это невозможно! Старик никогда не согласится!

Он даже не осмелился перевести мои слова.

Зэээ положил руку ему на плечо, желая знать в чем дело. С первых же слов Буане Зэээ изменился в лице. Оба надолго застыли в молчании и ушли, не произнеся ни слова. Мы долго ждали их ответа, но они не возвратились.

Восемь дней подряд, утром и вечером, где бы мы ни встретились с Зэээ или Буане, мы заводили речь о татуировке.

Восемь дней подряд они вели нескончаемые разговоры со старейшинами деревни.

Их аргументы не лишены веса.

Никогда еще ни один белый не подвергался татуировке. Инициация связана с серьезным риском: некоторые тома не выживают. Что скажут другие белые в Массента или в городах, если произойдет несчастный случай? Кроме того, этот жест подчинения обычаям может либо примирить с нами наших противников, либо удвоить их ярость — они сочтут его высшим надругательством. Это палка о двух концах.

Мы вновь обещаем молчать и уважать данные нами обязательства. Мы идем на риск добровольно. Что бы ни случилось, знахарям не придется за это отвечать.

Но они упорно продолжают уклоняться от ответа.

* * *

— Я хорошо наточил свой нож, — говорит Буане со странной улыбкой, — вам придется пострадать. Кожа белых не такая грубая, как у черных, а это и для черного нелегко.

Сегодня утром, войдя в хижину, он внезапно объявил:

— Вы будете татуированы этой ночью.

Блюстители культа приняли решение. На рассвете мы будем «пожраны великим духом».

Теперь уже Буане весь день изводит нас. С каким-то садистским удовольствием он описывает различные фазы этой пытки.

Вечером мы идем за Буане и Зэээ в глубь священ-

пого леса к самому водопаду — его рокот заглушит наши крики. Я спрашиваю, сам ли Ээээ будет татуировать пас.

— Нет,— отвечает Вуане,— старик теперь уже не делает этого, я работаю за него. Как окружной начальник в Масента, большой начальник белых,— тот ведь тоже не пишет сам, это делают за него другие.

Вэго будет присутствовать, чтобы держать нас и не давать шевелиться.

Мы стараемся шутить, представляя себе будущее испытание, но наш смех звучит фальшиво.

Мы долго готовим съемочную аппаратуру. Никто из нас не решается остаться наедине со своими страхами, и мы ложимся как можно позже.

Я ненадолго засыпаю, но вдруг просыпаюсь от страшного кошмара. Вуане, сойдя с ума, режет меня широкими взмахами ножа, а я не могу даже сопротивляться, так как Вэго со всей силой пригвоздил меня к земле; мои товарищи, окаменев от ужаса, ничем не могут мне помочь. Со сдавленным желудком, со стесненным дыханием я напрасно повторяю себе, что это лишь дурной сон, что татуировка — это не ритуальное убийство, что нет никакой реальной опасности. Больше я не в силах закрыть глаза.

Впрочем, я с непонятным удовольствием убеждаюсь, что ни один из моих товарищей не спит. Они вертятся с боку на бок, временами глубоко вздыхая. Я поворачиваюсь к Жану, лежащему в соседнем гамаке:

— Ты спишь?

Он приподнимается на локте:

— Нет, не больше твоего.

И в тишине ночи мы обсуждаем, как лучше всего провести киносъемку этой процедуры. Вскоре сюжет исчерпан, и каждый из нас возвращается к своей неизбывной тоске...

Я спрашиваю себя, который может быть час, когда раздастся скрип: где-то дверь повернулась на своих деревянных петлях. Чьи-то шаги поскрипывают по гравию площади, приближаются к нашей хижине. Мы все четверо слышим их и встаем, едва лишь входит Вуане со свернутой циновкой под мышкой.

Не говоря ни слова, мы начинаем одеваться.

— Нет,— говорит Вуане, отбрасывая мою рубашку.— Без этого.

Мы только в шортах. Холод ночи охватывает голое тело. В темноте Вуане быстро ведет нас в сторону от деревни. У входа в священный лес он останавливается и зажигает лампу-молнию.

— Это здорово смахивает на смертную казнь,— говорит вполголоса Вирэль.

Мокрые ветви хлещут нас. Путь кажется бесконечным. На каждом шагу мы спотыкаемся о корни, путаемся в лианах и раздираем кожу о колючки, но Вуане не сбавляет шага.

— Три часа,— вдруг говорит Вирэль.

И тут мы сразу же понимаем, что Вуане, как и мы, торопится покончить с этим делом и пришел раньше назначенного времени: татуировка должна состояться на рассвете.

Рев водопада все громче. Наконец мы протискиваемся в узкий проход между деревьями; Зээ и Вэго уже ждут нас там тоже с лампой-молнией.

Вуане куда-то уходит; Зээ и Вэго тихо разговаривают между собой. Мы не знаем, как держаться. Вирэль лихорадочно готовит аптечку, мы с Жаном — камеру и магний. Тони присел в ожидании. Через несколько минут Вуане приносит из чаши обломок ветки, усеянный крючковатыми шипами.

— Зажгите полный свет,— говорит он и кладет руку на плечо Вирэля, заставляя его сесть. Одновременно Вэго берет Вирэля за руки и заворачивает их вверх за голову; в его движениях обнаруживается нежность, о которой трудно догадаться по его лицу, напоминающему грубое изваяние. Вирэль вздрагивает от боли: шип вонзился около правого соска. Шип срывается. Вуане бесстрастно делает новый, более глубокий укол, приподнимает кожу и отрезает ее взмахом ножа. Выступает капля крови. В полусантиметре от первого надреза Вуане повторяет ту же операцию.

Он работает уже десять минут и, однако, только что закончил нечто вроде большой дуги с вершиной в середине спины. Вирэль не издал ни звука, но его бледное, сведенное судорогой лицо, сжатые зубы, впившиеся в плечо Вэго ногти свидетельствуют о его страданиях. Не

раз мне казалось, что он вот-вот упадет в обморок. Но его воля оказалась сильнее.

Гаснет уже третий факел. Вуане делает последний рубец под правым соском и выпрямляется. С начала татуировки прошло четверть часа. Вэго отпускает руки Вирэля, тот поднимается и в изнеможении ложится на циновку, разостланной Вуане в тени.

Теперь очередь Тони, и я эгоистично думаю, что мое ожидание еще продлится...

На этот раз Вуане действует решительнее. Он наносит линию рубцов с большей уверенностью. Его волнение объяснимо: он первый тома, татуирующий белого. Капли крови цепочкой сбегают по спине Тони. Он покорно прижимается к бедру Вэго, который держит его за запястья. Немного беспокоясь, я спрашиваю его:

— Как?

— Идет,— отвечает он почти беззвучно,— но мне кажется, что меня режут бритвой на куски...

Наконец мой черед. Я тотчас же понимаю, что хотел сказать Тони. У меня такое впечатление, будто я слышу, как трещит мясо при каждом надрезе. Я силюсь сосредоточить свое внимание на чем-нибудь другом: на большой ночной бабочке, усевшейся около лампы, на Зэээ, который сидит напротив меня, тоже в тени, с важным выражением лица, с магическим трезубцем в руке и, неизвестно почему, в черной фетровой шляпе Вуане. Мне хочется спросить Жана, как идет съемка. Я поворачиваю голову. Он наклонился к камере. Все плывет в глазах. В ушах шум. К горлу подступает волна тошноты. Я даже не знаю, в каком месте рубцует меня сейчас Вуане.

— Где он?

— Он только что кончил большую дугу.

Жан тоже проходит татуировку без особых происшествий; но крайней мере я в полубессознательном состоянии не обратил на него особого внимания.

Мы все растянулись на циновках. Неясный свет разливается над деревьями. Зэээ выходит из тени и простирает над нами свой трезубец. Вуане переводит его слова:

— Вы были пожраны Великим Духом леса. На ваших телах навсегда останутся следы его зубов. Теперь вы мужчины, тома, как и мы.

Вирэль через силу встает, и бутылка рома, извлеченная из аптечки, переходит из рук в руки. Каждый делает долгий глоток.

— А мы? — строго спрашивает Вуане.

Я протягиваю ему бутылку.

Его рука немного дрожит. Он подносит горлышко к губам. Мы снова ложимся на циновки и, подложив руки под затылок, смотрим, как рассвет пробивается сквозь листву. Я начинаю различать звон водопада и лесные звуки.

Жан вынимает пачку сигарет.

Мы следим глазами за кольцами дыма, теряющимися в сыром сумраке. В первый раз за эту ночь я ощущаю вкус табака.

Я испытываю что-то вроде смутной радости. Целый год мечтал я об этом испытании, которое должно открыть нам недоступную область.

Легкая дрожь пробегает по коже.

Жан встает.

— Можно, наверное, вернуться, — говорит он.

Мы встаем, одеревенелые, со стреляющей болью в спине. Всем хочется снова оказаться в тепле хижины. Осторожными движениями собираем мы свои вещи.

— Нет, вы оставайтесь здесь, — говорит Вуане. — Если какая-нибудь женщина увидит вас такими, она умрет. Я принесу вам гамаки и одеяла.

И хранители фетишистского культа оставляют нас одних в священном лесу. Занимается заря.

8

— А если пойдет дождь? — спрашивает Тони. — Нам нечем укрыться.

Мы проснулись в своих гамаках довольно поздно с болью в окоченевших от рубцевания и ночной сырости мышцах.

Вуане смотрит на нас отеческим взором.

— Дождя не будет, — говорит он уверенно. — Зэээ положил Окобюзози, большую маску Афви, рядом с вами. Пока она здесь, не упадет ни капли дождя.

Мы не хотим ему возражать, хотя наш опыт говорит о другом. Вымазанные зеленкой, мы сидим на корточках

вокруг только что принесенных Вуане горшков с рисом. Впервые мы едим, как настоящие тома. Наш консультант решил, что в столовых приборах нет надобности, и мы едим руками. После завтрака Вуане внимательно осматривает наши рубцы. Этим знахарям известно, что наши лекарства помогли многим тома, и они разрешили нам употреблять их взамен местных, чтобы сократить срок нашего пребывания в лесу. Вуане беспощадно надавливает на раны, чтобы проверить, нет ли нагноения. Этот осмотр не очень приятен, но нам так не терпится покинуть лес, что мы стараемся сделать вид, будто не чувствуем ни малейшей боли.

— Все идет очень хорошо, ваши лекарства очень сильные; оставьте их мне, когда уедете. Через несколько дней все подсохнет и вы сможете выйти.

Вуане относится теперь к нам намного более фамильярно. В глазах тома между татуированным и татуированным совершенно естественно возникает некая связь. Он теперь для нас не просто проводник, а брат, и без всяких недомолвок рассказывает, как он сам проходил инициацию.

— Когда Зэээ делал мне это, я много кричал. Вот почему вас увели далеко от деревни.

— Да,— отвечаю я,— но ты был маленьким билакоро.

Вуане, очевидно, ждал этого ответа и ограничивается улыбкой.

Затем он сообщает нам, что Зэээ был татуирован Ваго, и это дает нам более точное представление о возрасте каждого из них.

Я удивлен тем, что во время церемонии знахари не надели ни одного из своих магических украшений; ни одна большая маска не возглавляла церемонии.

— Вам уже известны все тайны,— объясняет Вуане,— вы уже слышали Афви, больше скрывать было нечего. За чертой священного леса мы среди мужчин, маски же выходят только, чтобы наводить страх на женщин и билакоро.

Впрочем, из слов Вуане следует, что мы прошли особую инициацию, аналогичную той, которой подвергаются юноши, покинувшие родину детьми без татуировки и возвратившиеся уже взрослыми. По возвращении их метят клеймом Великого Духа в священной роще возле

их деревни просто для того, чтобы они могли занять свое место в общине.

— А в Согуру тоже так? — спрашиваю я Вуане.

Теперь мы татуированы и имеем право знать церемониал этого празднества коллективной инициации. Мы надеемся если не заснять его, то по крайней мере присутствовать на нем.

— Нет,— говорил Вуане.— В Согуру это очень большой праздник. Это не делается в любое время. К этому готовятся задолго.

Оказывается, обрядовая инициация детей совершается лишь раз в пять-семь лет. В ней участвует несколько деревень. Прежде всего они сообща намечают на своей территории большой участок густого леса; все тропинки, ведущие через этот участок, перегораживаются и отводятся в сторону. У входа в лес сооружаются огромные ворота из мнуги*, похожие на ворота в Ниогбозу. Покрытые резьбой и раскрашенные охрой, синькой и каолином, они странным образом напоминают по форме и манере исполнения статуи предков на другом конце света — на Новых Гебридах. После того как ворота поставлены, доступ в лес открыт лишь для посвященных.

Итак, существуют два вида священного леса: один, расположенный близ каждой деревни, в котором отправляют местные фетишистские обряды, и другой, гораздо больших размеров, предназначенный для татуировки и воспитания детей. Его можно было бы назвать лагерем инициации.

Сами празднества требуют многих месяцев подготовки. По всей земле тома бегут гелемлаи, они извещают жителей, что торжество близко и что скоро они начнут уводить детей. Одновременно они собирают пожертвования на проведение праздника, на который зачастую собирается более трех тысяч человек. Каждая деревня должна доставить рис, скот, пальмовое масло и определенную сумму денег. Устрашающий вид белых вестников с их развевающимися ожерельями создает атмосферу тревоги, которая будет теперь окружать детей вплоть до самого посвящения.

Накануне великого дня вестники предупреждают все деревни, знахари укладывают в корзины маски и талис-

* Корни древовидных папоротников.

маны, мужчины надевают парад из банановых листьев, скрывающий их целиком, и в сумерках все покидают деревню. Ночью при колеблющемся свете ламп-молний эти странные процессии тянутся по тропинкам из самых отдаленных уголков земли тома к месту татуировки.

Праздник начинается плясками. Тамтам категорически запрещен, и слышен только множественный голос Афви. Его тайные воплощения — большие черные маски из каждой деревни — принимают участие в ходе всего торжества, так же как и соединившиеся на сей раз Воллолибеи, мужчина и женщина. Знахари вынимают талисманы и поочередно демонстрируют свою магическую силу.

— Вот тогда, — говорит Вуане, — становится известным, кто сильнее всех, и это очень опасно, так как все отравы носятся в воздухе.

На рассвете на площадь, специально расчищенную у входа в священный лес, выводят шестьдесят быков. Всем им одновременно перерезают горло. Эта ужасная бойня происходит на глазах посвящаемых и женщин.

Затем у жертв отрезаются лучшие куски мяса, которые варятся с местными красными бобами и подаются колдунам на большом деревянном блюде. Колдуны льют на мясо свои самые сильные яды, составленные в большинстве случаев на основе желчи каймана. Первоприсутствующий — в Согуру им должен быть Зээ Соховоги — тыкает свой трезубец наудачу в какой-нибудь кусок и ест, приглашая остальных следовать его примеру.

— Много колдунов умирает, — со смехом констатирует Вуане. — Они не знают всех противоядий.

Это испытание подтверждает магическую силу зог и его неоспоримое превосходство*.

Гелемлаи уже давно передали детей «людям-птицам». Прежде чем отвести билакоро к великим духам леса, уэнилегаги награждают их ударами дубинок. Особенно достается их собственным сыновьям: должность уэнилегаги передается по наследству, и «человек-птица», выбрав из сыновей того, кто его заменит, на глазах у всех колет мальчику руку своим трезубцем, прежде чем ввести его в священный лес.

В лесу непосвященными завладевают знахари. Раз-

* См. приложение VI: «Испытание ядом».

бив детей на несколько групп, они тут же без всяких околичностей начинают их татуировать.

— Бывает больше двухсот ребят,— поясняет Буане,— так что приходится резать много спин.

Не все дети одинаково переносят пытку. Некоторые так кричат и отбиваются, что знахари удовлетворяются нанесением двух-трех царапин с каждой стороны; другие, напротив, требуют все новых рубцов, чтобы доказать свою храбрость. Как правило, в день торжества делают не больше трех рядов насечек, а за время стажировки в лесу каждый год прибавляют по одному ряду*.

После татуировки дети ложатся на циновки, и зоги, простирая свой вилкообразный жезл, произносит сакральные слова: «Отныне вы тома».

Затем вестники объявляют женщинам, что их дети пожраны Великим Духом. Матери встретятся с ними, живыми и здоровыми, когда они будут переварены и извергнуты.

Обряд татуировки не безопасен: один и тот же нож, одни и те же шипы применяются без всякой дезинфекции ко многим детям. Знахари смазывают рубцы лекарством собственного изготовления — из коровьего навоза, и простые порезы часто превращаются в гнойные раны. Обычно сопротивляемость организма тома побеждает инфекцию. На заживление рубцов требуется около месяца, и все это время дети не должны ни купаться, ни заниматься чем-либо утомительным.

Клеймо, или печать Афви, выглядит как линия вертикальных припухлых рубцов, начинающаяся от сосков и поднимающаяся широкой дугой между лопатками к затылку.

Бывает, что новопосвященные умирают в результате татуировки, но это исключительные случаи, и Зэээ пользуется большим престижем, потому что за семь инициаций, которыми он руководил, не умер ни один ребенок.

Этот внешне варварский обычай можно объяснить образом жизни тома. Первые два года ребенок не покидает спины матери. Он невольный участник всей деревенской жизни — и танцев, и полевых работ. Но стоит ему начать ходить, как он предоставлен самому себе. Он ест и спит, играет с товарищами или гуляет в лесу,

* Рисунок татуировки варьирует по районам.

когда ему хочется, не страдая от запретов, которым подчиняются маленькие белые. Любопытно отметить, что несчастные случаи в этот период крайне редки.

В глазах племени ребенок как бы беспол и не является еще членом общины. В период полового созревания он должен умереть как ребенок, чтобы возродиться мужчиной, сознающим свои права и обязанности перед другими. Следует признать, что практика инициации, если совлечь с нее мистическую оболочку, соответствует происходящему в действительности превращению. Она заставляет мальчика превозмочь детские страхи и требует от него большой выносливости. Но этого испытания было бы недостаточно, если бы оно не сопровождалось длительным пребыванием в лесу. Ребенок знает уже великие тайны племени, но он еще не способен выполнять свою роль мужчины и выносить тяжелую жизнь в бруссе. Он должен научиться всему, что полезно знать тома.

Прежде всего мальчики строят в испытательном лагере небольшую деревню — позже они сумеют построить хижину для своей семьи. Они корчуют и возделывают участки, сеют и выращивают рис, собирают плоды пальмы для выжимки масла; вскоре они умеют отличать все съедобные плоды в лесу, выслеживать дичь и охотиться с собаками. Они сами ткут полоски хлопчатобумажной ткани для своих бубу и в свободное время изготавливают рабану*. Весь излишек произведенного ими поступает к родителям.

Кроме этого чисто практического воспитания, мальчики получают здесь и моральную подготовку. Хранители фетишистского культа открывают им великие традиции племени: имена лесных духов и героев, способы изготовления лекарств и ядов, искусство истолкования воли духов по орехам кола и чтения знамений во время жертвоприношений, запреты и ритуал фетишистских церемоний.

В этой системе обучения важное место занимает искусство взаимного общения при помощи звука. Мы уже знаем, что тома могут передать барабаном или свистком любые вести. Год назад нам довелось убедиться в этом довольно любопытным образом: мы записали танец «людей-птиц» в сопровождении маленького деревянного

* Вид ткани из волокон текстильной рафии.— *Прим. пер.*

барабана и воспроизвели запись перед жителями Ниогбозу. Во многих местах они без всякой видимой причины раздражались смехом. Подозревая истину, мы повторили опыт. Смех возобновлялся в тех же местах. Вечером я попросил нашего переводчика Проспера Зуманиги объяснить причину этих взрывов веселья.

— Барабаны молили чепуху. У тома они говорят, как рожок кавалеристов, по звукам которого сразу становится известно, пришла ли пора обедать или командир требует адъютанта.

Дети учатся еще одному важному искусству: заставлять говорить Афви. Исполнение священной музыки подчинено очень строгим правилам. Ни малейшей вольности со стороны исполнителей не допускается. Чтобы достичь полного единообразия, дети упражняются все время своего пребывания в бруссе. Что касается музыки, то создается впечатление, что музыка у тома, священная или светская, составляет монополию нескольких привилегированных лиц. Действительно, существуют небольшие оркестры, вроде того, какой однажды сопровождал нас при переходе, которые странствуют по стране подобно трубадурам, чтобы присутствовать на каждом большом празднестве и сопровождать важных персон в их передвижениях.

Внутри испытательного лагеря уэнилегаги, которые обязаны следить за строгим соблюдением законов племени, подавляют всякое нарушение порядка еще строже, чем в деревне. По выходе из леса подросток должен автоматически, как бы инстинктивно следовать традициям. Он привязан тайной к своему народу и должен всеми своими действиями способствовать сохранению обычаев предков и благополучию общины. Зато он может требовать ее помощи и перелagать на нее часть своих забот.

Время от времени подросток в лагере подвергается новым физическим испытаниям: он должен, например, оставшись один в лесу, сам обеспечить себе пропитание. Жизнь в испытательном лагере иногда настолько сурова, что некоторые дети не выдерживают.

Испытательный срок длится до семи лет. По его окончании подростки возвращаются в свои семьи. Празднество, устраиваемое по этому поводу, — одно из самых больших у тома. Выход новопосвященных при-

влекает еще больше зрителей, чем татуировка, поскольку он сопровождается пышными представлениями.

Церемония начинается подобием крещения. Оно совершается за оградой лагеря в присутствии одних только посвященных. Юноша совершает очистительное купание в рукаве реки, ложась в поток головой в сторону истока. Блуститель культа, произнося свои заклинания, сообщает посвящаемому тайное имя, которое дано ему во время инициации; это имя может быть обозначено звуками барабана или свистка. Затем подростка подводят к магической стене, которую он должен на глазах собравшихся старейшин преодолеть одним прыжком. За стеной, среди усеявшей почву листвы, разбросаны семь листьев различных пород, из которых ни один не должен быть задет при прыжке. Разумеется, посвящаемый может рассчитывать только на удачу, но в этом и состоит игра: тома не любят неудачников.

На рассвете того дня, когда посвященные выходят из леса, по деревне пробегает вестник и разбивает горшок перед хижинной той семьи, чей мальчик умер во время испытаний. При этом он произносит: «Твой сын, как этот горшок». Родителям не разрешается выражать свою скорбь до окончания празднества, они должны принимать участие во всех увеселениях. Для отца это уже не новость: он может посещать испытательный лагерь в любое время, но, связанный общей тайной, не имеет права предупредить свою жену.

Во время испытательного срока старший сын Зээ упал с пальмы и разбился насмерть, но главный хранитель фетишистского культа ни разу не выказал ни малейшего огорчения.

У входа в лес устроено возвышение вроде театральной сцены. На ней колдуны дают разительные доказательства своей магической власти. Самые опасные растения и звери леса один за другим повинуются их велениям. Раньше нам никак не удавалось получить от Буане объяснений по этому поводу. «Деревья движутся, — твердил он, — а животные приходят на зов колдунов». Но теперь на наших спинах клеймо Афви, и Буане может говорить.

На самом деле только несколько тонких стволов сгибаются под звуки голоса зоги: па каждом мальчик, привязанный к вершине и замаскированный рафией,

раскачивает ствол во все стороны. Лесные звери дают о себе знать лишь криком, а самые страшные хищники, пантеры, — это всего лишь посвященные, одетые в их шкуры. Хорошо натренировавшись, они прекрасно имитируют повадки этих животных — так по крайней мере кажется издали.

После выступления колдунов один из старейшин приближается к входу в священный лес и через огромные папоротники обращается к Афви. Он требует отпустить юношей в деревню. Начинается длинный диалог. Афви требует в обмен на детей приношения. Тогда все жители деревни приближаются к входу в священный лес. Вырастает огромная груда даров, и подростки наконец выходят из заточения.

Затем начинаются танцы, в которых участвуют все персонажи священного леса. Праздник заканчивается пиром а ля Гаргантюа, во время которого съедают мясо всех жертвенных животных.

Аналогичная символика имеется во всякой инициации. Любой, желающий стать членом какой-то группы, должен подвергнуться серии психологических и физических испытаний, которые погружают его в подобное смерти состояние, а затем ведут его к сознанию, делают из него нового человека.

Весьма знаменательным в этом отношении представляется различие в обрядах при входе в лес и при выходе из него. Вначале Афви открывается ребенку во всей своей подавляющей мощи. Великий Дух — это порождение единства тома, и в ходе первой церемонии объединенные психические силы всех колдунов и знахарей этой страны придают ему необычайную реальность. Напротив, по окончании испытательного срока юноша, вместо того чтобы быть объектом магических действий, сам принимает в них участие. Привлекая новопосвященного к соучастию в демонстрации могущества Афви, зогги выражают свое доверие к неофиту.

По словам Вуане, соседи тома — киси купили у них по дорогой цене секреты татуировки. Ведь у всех примитивных народов существуют с небольшими отличиями по форме аналогичные обряды, цель которых — обеспечить устойчивость и преемственность традиции и ее следствия — преобладания общины над индивидом. Жизненная необходимость объединяет людей в

борьбе за существование во враждебном человеку лесу. Коллектив должен отбрасывать неспособных или неполноценных членов. Значительная детская смертность уже является естественным отбором: суровый испытательный срок в лесу обеспечивает второй отсев. Спартиаты и афиняне поступали так же, только, может быть, более последовательно, не оставляя никаких шансов на жизнь индивиду, признававшемуся бесполезным.

Как ни странно, обрезание, считающееся у тома обязательным, не играет основной роли в инициации. Оно просто отвечает гигиенической необходимости и не сопровождается никаким специальным обрядом.

— Если вы хотите подвергнуться обрезанию,— сообщает нам Вуане,— это будет стоить барана за всех четверых; вы нам и так уже должны быка за то, что мы резали вам спины. А то вам придется стать гелемлаи.

Мы не рассматривали этот вопрос в его коммерческом аспекте. И тут мы узнаем, что гелемлаи — вестники священного леса — это, как правило, дети или бедных людей, которые не могут оплатить связанные с татуировкой издержки, или таких, у которых, как говорит Вуане, «слишком черствое сердце». Родители посылают их к блюстителям культа за два года до установленного срока общей инициации; они проходят ритуальные испытания и, выбритые наголо, раскрашенные каолином, в ошейниках из рафии, обходят страну, чтобы подготовить инициацию своих товарищей.

— Когда гелемлаи придут в Тувелеу, празднество в Согуру будет уже совсем близко,— говорит Вуане.

Успеют ли зарубцеваться наши порезы? Теперь нас волнует только это.

Мы все еще заточены в лесу и большую часть времени спим или беседуем, лежа в гамаках.

Свет с трудом просачивается сквозь листву огромных деревьев, вокруг нас зеленый полумрак. Иногда серые или коричневые обезьяны прыгают с лианы на лиану и издали наблюдают за нами. Невдалеке ворчит невидимый водопад, но мы даже не можем выкупаться.

Вуане приносит нам еду и уходит, как правило, только ночью. Часто его сопровождает старый Вэго. Теперь они гораздо разговорчивее, чем до нашего по-

священия, и без обиняков отвечают па вопросы. Так, мы узнаем, кто может быть знахарем или колдуном.

Для этого требуется предназначение. Знахарем, ведунуом не становятся — им рождаются. При появлении ребенка на свет женщины по известным им одним приметам, которых не знает даже Вуане, определяют, сможет ли новорожденный впоследствии исполнять такие функции. С первых же дней предпринимаются определенные предосторожности, а как только мальчик начинает ходить, его забирают у родителей, уводят из родной деревни и вверяют зоги, который приступает к его воспитанию задолго до татуировки.

Пройдя те же испытания, что и все тома, будущий знахарь под руководством своего наставника продолжает изучать магические обряды. Затем он должен доказать свои способности. По словам Вуане, дополнительным испытаниям подвергаются главным образом интуиция и находчивость, а не физическая сила. И наш проводник рассказывает, как он добился своего звания.

Знахари его деревни, собравшись в священном лесу, положили на каменную плиту посреди полянки девять рисовых хлебцев. Вуане должен был, выйдя на поляну, не раздумывая отыскать предназначенный ему один-единственный хлебец и съесть его: остальные были отравлены.

Знахарь, выдержавший испытание, становится хранителем традиций и всех тайн племени. Вуане часто говорил нам о колдунах, но мы понимаем теперь, что в его устах это пренебрежительный термин, который он применяет ко всем хранителям фетишистского культа — противникам Зэээ.

У каждого знахаря есть помощники. Любопытный факт: гадатель Вэго, несмотря на звание и почтенный возраст, всего лишь подручный Зэээ.

— А я, еще совсем молодой,— говорит нам Вуане,— могу командовать почти всеми стариками в Тувлеу, потому что я сменяю Зэээ после его смерти.

Роль помощника определена довольно точно. Он заменяет зоги во всех действиях, которые запрещены последнему в силу его положения. Так, помощник может взять на себя уничтожение врагов своего шефа.

— При желании,— уверенно отвечает Вуане на

наш вопрос, — можно за несколько недель сделать человека сумасшедшим.

Я вспоминаю о наших бессонных почаях, о необъяснимых звуках и голосах, о раздвоении Вуане. Какое воздействие может оказать подобная атмосфера тревоги на человека, с детства погруженного в мистическую среду леса?

* *

Открываю один глаз. Вуане, склонившись надо мной, трясет гамак:

— Ну, патрон, вставай.

День только занялся. Вуане никак не расстанется с этой привычкой будить нас спозаранку.

С ним пришел Вэго. Он устался на Тони, который выпрямляется с трудом.

— Старик обмоет вас в реке, — говорит Вуане. — Потом вы можете выйти.

Конечно он принял это решение вчера вместе с Зэзе после осмотра наших рубцов, но нам ничего не сказал. Уже неделю мы живем пленниками в зеленом колодце и рады вновь обрести свободу.

Мы стоим по пояс в сильной струе потока. Еще не жарко. Взгромоздившись на утес перед нами, Вэго выкрикивает заклинания, теряющиеся в грохоте водопада, и, взяв в руки связку листьев, кропит нас водой. Вуане, скрестив руки, бесстрастно наблюдает за нами с берега.

После этого ритуального крещения мы, дрожа, выходим из воды и кое-как обсушиваемся, делая осторожные движения. Вдувшиеся рубцы еще стягивают кожу на ребрах.

Затем, связав гамаки, мы трогаемся назад, в деревню. В хижине царит непривычный порядок. Это в наше отсутствие хозяйничал Вуане. Он, очевидно, очень тяготится бездействием, если решился проделать такую работу. Мы горячо его благодарим.

Едва мы успеваем расположиться, как приходит какой-то дрожащий старик. Он вынимает из кармана бубу совершенно измятый бланк и протягивает его нам. Он когда-то был пехотинцем и знает несколько слов по-французски, но не умеет читать; в наше отсутствие никто не мог ему объяснить, что означает эта вызы-

вающая беспокойство бумага. Короткого объяснения достаточно, чтобы разогнать страх — старика просто вызывают в Масента, чтобы вручить ему в военном бисро пенсионное свидетельство.

Когда он удаляется, мы видим, что пришел Зэээ. Он сидит с хмурым видом под навесом хижины. Плохие новости: татуировка в Согуру, которая должна была состояться через несколько дней, отложена. Вытянуть из наших информаторов точные сведения на сей счет невозможно — у них весьма смутные представления о календаре. Подражая соседям — исламизированным малинке, у которых неделя начинается в субботу, — они установили начало своей недели в пятницу. По словам Вуане, некоторые глубокие старики еще помнят, что год тома состоял из десяти месяцев разной продолжительности. Фактически течение времени отмечается в сознании тома только круговоротом времен года и полевых работ.

В результате последовательных уточнений мы наконец выясняем, что обречены еще на месяц ожидания.

Со времени нашего прибытия в страну тома срок праздника беспрестанно переносится. Может быть, знахари — противники Зэээ хотят взять нас измором?

Сероватые тучи покрывают небо, еще такое голубое утром. На деревню обрушивается потоп.

За все шесть дней нашего пребывания в чаще не упало ни капли воды. На этот раз Вуане оказался прав: Окобюзози охранял нас, пока у нас не было крыши над головой.

Через несколько часов появляется старый Вуане Бэавоги. Он вернулся из района Согуру и подтверждает информацию Зэээ. Татуировка назначена на ближайшее новолуние, то есть приблизительно через месяц. Наши пессимистические предположения оказались правильными: знахари из Согуру решили ждать до последнего предела в надежде, что мы уедем раньше.

— Я не стал слушать их рассказы, — добавляет старый Вуане, — я все это знаю. Они не могут намного изменить срок татуировки — ее нужно делать до больших дождей, или же духи предков рассердятся, и все умрут.

Отсрочка праздника еще раз опрокидывает наши планы. Сезон дождей уже в самом разгаре, от сырости

отснятая пленка может испортиться. Нужно как можно быстрее отвезти ее в Париж. Вирэль сам вызывается выполнить это поручение, хотя по его лицу видно, что ему не хочется уезжать. Завтра мы проводим его до Бофосу.

Вечером блюстители культа приходят разделить с нами трапезу. Кантональный вождь Коли Зуманиги, с которым мы встречались в Масента у Форомо, подтверждает через Вуане приглашение на большой праздник женщин в его деревне. Может быть, нам удастся заснять там тайные обряды. Это делает жертву Вирэля еще более тяжелой. Видя его расстроенное лицо, каждый из наших друзей-знахарей решает сделать ему подарок. Пусть даже во Франции знают, что тома считают его своим братом! Вэго дарит Вирэлю бубу из широких полос, Вуане — копию маски Ангбаи, а Зэээ — трезубец колдуна.

9

Отчаянно скрежеща коробкой скоростей, грузовик, увозящий Вирэля в Масента, вскоре исчезает в облаке пыли.

Мы снова в маленькой хижине напротив харчевни Барэ. Нас охватывает гнетущее чувство, будто мы у исходной точки путешествия и все надо начинать заново.

Мы с беспокойством думаем о наших семьях в Париже. Что они подумают, когда увидят, что Вирэль вернулся один? Им будет, конечно, нелегко согласиться с этой новой отсрочкой на неопределенное время.

Враждебная коалиция не сложила оружия. Зэээ и Вуане все время намекают на это в разговорах, но они верят в свою власть и, после того как татуировали нас, не сомневаются в конечном успехе.

— Заговор будет сокрушен, — твердит Вуане. — Вы уже не билакоро, вы — тома.

Решив это раз и навсегда, он начинает готовить нашу поездку в кантон Баэзия. Коли может оказаться могучим союзником, и Вуане не хочет откладывать визита по его приглашению ни на минуту. Он уже нашел африканца-шофера, согласившегося доставить нас по

дороге на Кисидугу к перекрестку, от которого идет тропа на Буэилазу — резиденцию кантонального вождя. Таким образом, носильщики не понадобятся — пешком придется пройти лишь несколько километров, а Коли пришлет своих людей за нашими вещами.

* * *

Мы приходим в Буэилазу ранним утром. Небо безоблачно. Площадь заполнена шумной, пестрой толпой, и в деревне царит такое же оживление, как в Бофосу в базарный день.

Эзэ и Вуане проводят нас среди толчеи к большой хижине Коли Зуманиги, крыша которой из гофрированного железа сверкает на солнце.

Вождь кантона Баэзия — важное лицо. Его семья, число членов которой невозможно сосчитать — одних жен у него более двухсот, — занимает почти всю деревню.

Могила предков Коли отделана цементом. У него есть фонограф, новый велосипед и полуразобранный автомобиль, хранящийся под широким навесом хижины.

Коли любезно встречает нас на пороге. На нем мягкая фетровая шляпа, цветастая калифорнийская рубашка и шорты.

— Ишэ... Ишэйо... Имама... Мамайо.

Затем он приглашает нас войти.

Огромный стол, окруженный массивными креслами местного производства, занимает половину приемного зала с голыми побеленными стенами. Не останавливаясь, Коли проводит нас в соседнюю комнату, где стоят две кровати.

— Вы дома, — произносит он.

Мы сидим в большой комнате вокруг тяжелого стола, к краю которого намертво привинчена мясорубка, и беседуем, потягивая добоиги из разнокалиберной посуды.

— Коли знает, что вы татуированы и посвящены в тайны тома, — говорит мне Вуане.

Коли, широко улыбаясь, кивает головой. Мягкими танцующими шагами входит хрупкая, маленькая жен-

щина с худым лицом. Это Вору, одна из лучших жен Коли. Она подходит к Зэээ, и они переплетаются пальцами, так что хрустят фаланги. Вору — дочь старого зоги, и в Буэилазу его называют не Зэээ, а Ворукайя — отец Вору.

Коли объясняет, что он поручил Вору прислуживать нам. Она приветливо улыбается и той же легкой походкой исчезает.

Внезапно я замечаю высокую женщину со светлой кожей, закутанную в широкое полотнище синего сатиона. Она стоит в углу и не шевелясь смотрит на нас ничего не выражающим взглядом. Несомненно, она вышла из комнаты напротив нашей, где на кровати с балдахинном спит сам вождь.

Коли как будто совсем не замечает ее присутствия. Я взглядом спрашиваю Вуане.

— Это жертвенная жена, — говорит он.

— Жертвенная жена?

У каждого из крупных вождей есть жена с более светлой, чем у остальных, кожей. Ее нельзя бить. Ее нельзя сердить.

— Почему?

— Так принято: если же ее ударят, надо принести жертву. Она никогда не работает!

И действительно, все время, пока мы были у Коли, жертвенная жена бродила по дому, ничего не делая, или стояла, словно статуя, прислонившись к стойке двери, или молча сидела целыми днями в кресле.

Празднество, на которое пригласил нас Коли Зуманиги, посвящено выходу девушек из леса. Вуане долго рассказывает мне об обрядах женщин. У них есть свои талисманы и свой священный лес, расположенный по соседству со священным лесом мужчин. В этом лесу деревенские матроны под руководством пожилых женщин — блюстительниц культа подвергают девушек эксцизии*.

После операции девушки проходят двухлетний испытательный срок в бруссе, обучаясь всему, что должна знать женщина тома, чтобы исполнять свою

* Операция, соответствующая обрезанию юношей.— *Прим. пер.*

роль в общине. В назначенный матронами день они возвращаются в деревню, где в их честь устраивают большой праздник.

Ни одна церемония у тома не начинается без ритуального обмена подарками. Коли Зуманиги, надев тропический шлем, сидит, окруженный старейшинами, в тени своей хижины и с достоинством принимает подношения.

От собравшейся на площади толпы одна за другой отделяются женщины и кладут к ногам Коли огромные связки гинзэ, тазы с рисом или перцем, калebasы с пальмовым маслом, рулоны ткани. Постепенно у ног Коли вырастает груда даров. Каждую женщину сопровождает старейшина, он до изнеможения долго объясняет значение и стоимость подношения.

Коли терпеливо выслушивает, коротко благодарит и приступает к распределению даров среди присутствующих. Подарки, которые он предназначает девушкам, проходящим испытательный срок, немедленно относят в священный лес. Вуане и Зэзе не устают смотреть, слушать, оценивать.

Два дня подряд мы терпим эти скучные приготовления.

* * *

Солнце клонится к закату. В расположенном совсем рядом лесу раздается песня, молитвенная и дикая в одно и то же время. Такой мы еще ни разу не слышали. Между двумя хижинами появляется многолюдная процессия женщин, под звуки калebas-погремушек она приближается к деревне. Наклонясь вперед, со свисающей грудью и опущенными вдоль тела руками, женщины, волоча ноги, обходят вокруг площади. Иногда хор останавливается, ладони разом поднимаются к небу и раздается долгий, пронзительный, раздирающий барабанные перепонки вопль. Над движущейся колонной покачиваются несомые на вытянутых руках две длинные фигуры, завернутые в белую ткань.

— Первая, — говорит Вуане, — это зази, снадобье всех женщин. Вторая — колдуныя, словно труп, завернутая в простыню.

Процессию замыкают матроны, совершавшие экзизию. В своих лучших набедренных повязках, в высоких конусообразных головных уборах из полос материи самых ярких цветов, они слегка пританцовывают, размахивая щинцами и ножами — атрибутами их дела. С веселым садизмом они воспроизводят мимикой перед глазеющей толпой операцию.

Рядом с кортежем весело суетится и как будто ведет игру худенькая женщина в м'била. На ней головной убор с перекрещивающимися гирляндами бараньих лопаток и со свешивающимися гроздьями клювов тукапа. Она бешено размахивает большим вареным бананом.

Мы хотим начать съемку, и я направляюсь к площади. Вуане догоняет меня: ни один мужчина не должен приближаться к процессии. Поскольку я настаиваю, он указывает мне на огромную старуху, сидящую под навесом одной из хижин между двумя матронами особенно свирепого вида.

— Ты должен спросить у нее.

Это главная ведунья в округе, и праздник в ее власти. Она может его остановить одним жестом. Весит старуха, должно быть, около двухсот кило. Я видел, как она переходила площадь. Выпрямиться она не в силах и может передвигаться, только толкая перед собой нечто вроде деревянного катка.

— А в лесу ей нужно двадцать носильщиков, — с восхищением поясняет Вуане.

По поверьям тома, когда ведунья находится в пути, никогда не бывает дождя, только небо покрывается тучами, чтобы защитить ее от изнурительной жары.

Я минуту колеблюсь, а затем в сопровождении Вуане направляюсь к старухе. Она поворачивает опухшее лицо и обдает меня гневным взглядом. Надеюсь ее смягчить, я передаю через Вуане подарок. На этот раз наш переводчик, по его словам, охотно уклонился бы от роли посредника. Старуха ничего не желает слушать, бросает деньги мне в лицо и поворачивается к нам спиной. Вуане глядит на меня с беспокойством, но у меня в запасе есть другой аргумент.

— Я знаю, что тебе не нужны деньги. Ты распоряжаешься всеми женщинами в округе, а во время этого праздника даже мужчинами. Я прошу тебя дружески

принять бутылку рома, которую мы привезли для самих себя.

Мгновенная метаморфоза. Поняла ли она, чего мы лишаем себя, делая этот драгоценный подарок? Лицо ее озаряется, она берет меня за руки и передает через Вуане, что мы ее друзья.

— Ты можешь снимать, но не слишком близко.

На площади женщины ведут хоровод. Наконец, испутив последний вопль, они поворачивают обратно в лес.

— Еще не кончено,— говорит Вуане, видя, что я складываю аппарат.— Теперь будет еще великолепно!

Вуане полюбилось это прилагательное, которым мы обогатили его словарь, и он, как и большинство белых, употребляет его кстати и некстати. На этот раз оно, пожалуй, уместно. К сожалению, солнце вот-вот опустится за лес и через несколько минут снимать будет уже нельзя.

— Да, да, великолепно! Ты увидишь,— нетерпеливо повторяет Вуане, никогда не желающий считаться с возможностями техники.

Глухие удары, словно поступь гигантского зверя, потрясают деревню. Над коническими крышами вырастают две белые мачты, метров десяти высоты, увешанные развевающимися цветными лентами. Из промежутка между хижинами выходит новый кортеж. Две группы женщин по очереди поднимают и опускают тяжелые шести. Только удары мачт о землю задают ритм пению. В середине толпы движутся высокие черные остроконечные колпаки. Это девушки, прошедшие операцию, «очаровательные» *, как называет их Вуане.

В наступившем мраке быстро тонут все детали. Площадь — уже сплошная темная движущаяся масса людей, без конца кружащихся в одном и том же колдовском ритме. В последних отблесках дня вырисовываются только две большие мачты да колпаки прошедших посвящение девушек.

Нам удалось заснять большую часть церемонии. Остается только записать песни женщин.

Мы установили генератор за кругом лиан, на другом конце стометрового кабеля, чтобы его треск не по-

* В подлиннике игра слов: «excisées» («прошедшие экцизию») и «exquises» («очаровательные»).— *Прим. пер.*

пал в микрофон. Жан и Тони уходят с лампой-молнией запустить мотор. Я остаюсь у магнитофона. Несколько любопытных окружают меня. Проходит десять минут, но контрольная лампа над головой не загорается. Видимо, в движке какая-то неполадка, и я, оставив Вуане присматривать за аппаратурой, отправляюсь к товарищам.

Сидя на толстом стволе выкорчеванного дерева, Тони и Жан с усталым видом переводят дух. С того времени, как они расстались со мной, они безуспешно дергали пусковой шнур. Пробую и я — успех не большой. Жан властно отстраняет меня.

— Постой,— говорит он.— Бесполезно себя утомлять. Попробую еще три раза. Если не запустится, нужно все разобрать.

Он еще три раза безуспешно дергает шнур. Мы набрасываемся на механизм. Вычищенные части бережно разложены на брезенте. Мы пытаемся установить причины аварии. Затем разгорается дискуссия о том, в каком порядке следует вновь собрать все детали. Точка зрения Жана берет верх. Вот завинчен последний болт, и мотор принимает обычный вид. Напрасный труд — работать он не желает.

Мы сидим, обескураженные. Молча подходят три наших друга, расстроенные, пожалуй, еще больше нас.

— Коли и все люди ждут машину,— говорит Вуане с оттенком упрека в голосе.

Он дает понять, что наш престиж падает с каждой минутой. Жан снова принимается за дело, но нервничает и рвет шнур. Тони сменяет его и повреждает руку. Я в свою очередь после нескольких бесплодных попыток шлепаюсь наземь.

— Пусти,— говорит Вуане,— я заставлю его идти.

Но и у него ничего не выходит, и его задор быстро пропадает.

Ээээ, сидевший до этого на корточках в тени, встает и молча накручивает шнур на руку. Мы пытаемся ему объяснить, что в его возрасте это дело ему не под силу, но он отстраняет нас рукой. Вскоре он запутывается в своем бубу, сдвигает цоколь мотора и в конце концов вторично рвет шнур. Поглядев с минуту презрительно на механизм, он подает знак Вэго и Вуане и уходит с ними в лес.

Оставшись одни, мы без особой надежды продолжаем теревить мотор. Там, в деревне, песни смолкли, и мы решаем прекратить возню с генератором, хотя бы на этот вечер. Мы уже складываем инструменты, когда вновь появляются знахари.

— Теперь он пойдет,— уверенно говорит Буане.— Только что принесена жертва.

Мы встаем. Из мотора невозможно вытянуть ни малейшей вспышки.

— Сожму-ка еще раз контакты свечи,— говорит Жан.— Правда, я это только что делал, но ведь никогда не знаешь...

На эту операцию достаточно двух минут; при первом же рывке за шнур мотор кашляет, при втором со странным звуком начинает вращаться. Жан торжествующе выпрямляется. На лицах у Зээ и Буане довольная улыбка. Каждый имеет все основания приписать успех себе.

Шумная толпа заполнила хижину Коли, и мы с трудом пробиваем себе путь к магнитофону. Подключенные к движку электрические лампы горят все ярче.

Все хотят слушать, но никто не решается петь; несмотря на усердные разъяснения Буане, жители Баэзия никак не возьмут в толк, чего мы от них ждем. Коли первым соглашается произнести речь перед микрофоном. Затем он отдает распоряжение расчистить перед подвешенным над дверью громкоговорителем широкий полукруг и усаживается в центре. Воспроизведение его голоса вызывает крики восторга, и женщины тут же начинают петь. Мы записываем более четверти часа. К началу прослушивания этой записи Коли, который с авторитетным видом поддерживает порядок, усаживает в первый ряд ведуний и знахарок и матрон-воспитательниц. Жан поворачивает рукоятку усиления звука до предела, и музыка сразу гремит гораздо громче, чем в действительности. Старухи в ужасе пытаются спастись бегством, но, задержанные толпой, понемногу успокаиваются и под конец даже смеются над своим страхом и благодарят нас. Коли выглядит очень довольным.

— Завтра,— говорит он,— я потребую, чтобы доставили тамтам Орапосу, и вы сможете записать лучшую музыку тома.

Еще темно, когда Вуане, спавший на циновке в приемном зале, входит в комнату.

— Сегодня женщины принесут свои тайны в деревню. Ни один мужчина не должен выходить наружу. Вы теперь, как мы. Когда женщины начнут, вы закроете двери и не будете пытаться смотреть наружу.

Мы очень рады, что нас приравняли к тома, и охотно даем обещание.

При первых проблесках света из леса доносится протяжная песня. Она быстро приближается, и вдруг нас окружает неистовый вопль: «Сао!.. Сао!..» («Смерть!.. Смерть!..»).

— Все женщины голые, — поясняет Вуане, — и несут свой фетиш вокруг деревни.

Больше он ничего не знает; что это за фетиш, не может сказать ни один мужчина.

Мы входим в зал. Коли с друзьями собрались вокруг стола. Видимо, эти погребальные вопли производят на них тягостное впечатление. Они меланхолично пьют добоиги, переливая его из бутылки в кофейник, из кофейника в кружки. Коли наполняет наши стаканы. Едкая жидкость оставляет привкус керосина, и мы пьем ее нехотя, демонстративно уставясь в стену: через щели разошедшихся досок двери нетрудно увидеть площадь, но мы — тома и уважаем обряды.

Почти два часа женщины вокруг хижины продолжают вопить о смерти.

Вдруг хор смолкает, и через несколько минут нам разрешается выйти. Через деревню пробегают средневековые призраки: прошедшие эксцизию девушки, в колпаках, закутанные в длинные белые ткани, возвращаются в женский священный лес, чтобы подготовиться к празднику. Мужчины имеют право участвовать в танцах, и мы можем снимать без всяких ограничений.

Мы лихорадочно устанавливаем камеру в таком месте, чтобы ничего не упустить в церемонии, и ждем попусту целый час. Вуане куда-то исчез. Наконец, устав от ожидания, мы убираем аппаратуру, но как раз в тот момент, когда мы укладываемся в гамаки, раздаются ружейные выстрелы. Снова слышны ритмичные звуки тыквенного оркестра. На пороге хижины появляется Вуане.

— Быстро, патрон, начинается.

— Теперь ты останешься с нами,— говорю я ему.— Нам все время будет нужен переводчик.

Мы устремляемся навстречу девушкам, выходящим гуськом из леса. С их колпаков свешивается густая бахрома из черных нитей, закрывающая лицо и заставляющая девушек наклонять голову при ходьбе. Они одеты только в синие или белые м'била, окаймленные, как и колпаки, длинной хлопчатобумажной бахромой. Тела их покрыты большими ритуальными рисунками, очень схожими с рисунками на хижинах. Браслеты из зубов пантеры, колокольчики и талисманы дополняют убор. На шее некоторых, словно кулон, висит что-то вроде креста со слегка закругленной вертикальной перекладиной.

— Что это такое? — спрашиваю я Вуане.

— А ты не видишь... — смеется он.— Это самолет тома.

Я думаю сначала, что он шутит.

— Да нет,— говорит Вуане,— самолет — это снабдь.

Девушки идут раскачиваясь. Вот они выходят на площадь, где их ожидает около двадцати старух, пританцовывающих под ритмичные звуки больших калембас, обтянутых нитяными сетками, украшенными позвонками обезьян. Учащенный, оглушительный треск этих гигантских инструментов напоминает скорее всего прерывистое пыхтение паровоза и почти заглушает пение. Со всех сторон гремят выстрелы. Песни тонут в общем шуме. Подвергшиеся эксцизии простираются на земле в один ряд, головой к оркестру, и медленно поднимаются. Изыщные жесты их рук сопровождаются постукиванием зубов пантеры на браслетах. Затем девушки встают, разделяются, и каждая, окруженная группой зрителей, исполняет свой танец. Кажется, будто они следуют только собственному вдохновению; быстрые движения внезапно сменяются молитвенными позами, напоминающими танцы народов Дальнего Востока.

На глянцевої спине одной из девушек немного ниже талии я замечаю несколько глубоких рубцов.

— Это только для красоты,— объясняет Вуане.— Настоящая татуировка женщин — это эксцизия.

— Но эта татуировка для красоты, должно быть, мучительнее мужской.

— Охотно,— отвечает он,— по они об этом не знают и, главное, не надо им говорить.

Мужчины по очереди танцуют перед девушками и складывают к их ногам подарки, которые тут же забирают матроны. Иногда какой-нибудь охотник кладет на плечо девушке ружье, заряженное холостым патроном, и стреляет в воздух: этот заряд пороха подарен ей.

Когда щедрость мужчин начинает иссякать, виновницы праздника внезапно окружают юношу: он должен сделать подарок или убежать в чащу. В развлечения девушек входит «набрасывание кольца». Мне оно кажется очень забавным, пока я сам не становлюсь его жертвой. Мужчина, голова которого зажата предательски наброшенной петлей из лиан, увешанной бахромой из рафии, должен, чтобы освободиться, протанцевать, не забывая преподнести ритуальный подарок.

Оркестр калebas иногда смолкает, чтобы дать девушкам время перевести дыхание. Но садиться на землю им нельзя. Две женщины садятся, прислонившись к хижине, и вытягивают ноги, на которые ложится девушка. Другие женщины укрывают ее и обмахивают.

— Это другие жены ее мужа,— говорит мне Буане.

Так я узнаю, что большинство девушек еще до входа в лес предназначены тому или иному мужчине и что их родители уже получили выкуп.

Из прохода между двумя хижинами спокойно выезжает на своем новом велосипеде Коли и садится рядом с нами. Он сегодня совсем не показывался. В честь его прибытия танцы возобновляются, девушки падают ниц перед ним.

— Среди них шесть для меня,— доверительно сообщает он мне.

— Шесть из двадцати трех, а у тебя и так больше двухсот жен.

— А их никогда не бывает слишком много. Чем больше у тебя жеп, тем ты могущественней, тем меньше заговоров против тебя.

И он указывает нам на бородатого человека в шортах, тропическом шлеме и ботинках на гвоздях. Мы уже заметили его как неутомимого танцора, раздарившего целое состояние.

— Видишь? Это мой брат. Ему хотелось бы занять мое место. Уже шесть лет он устраивает заговоры против меня, но теперь все в порядке... У тома всегда происходят какие-нибудь истории, но когда ты хитер, это неважно... Йес, сэр!

— Ты говоришь по-английски?

— Я шесть лет прожил в Либерии.

Буане был прав: мы, вероятно, найдем в Коли ценного союзника.

В кажущемся беспорядке празднества постепенно вырисовывается тема танца. Девушки, в одиночку или группами, изображают мимикой главные занятия племени. Одна, вооружившись деревянными саблями, красной и зеленой, быстрыми ударами рассекает воздух, подражая жестам воинов. Вторая, с пальмовой метлой, убирает хижину. Другие, согнувшись, поднимают целину или с тазами в руках занимаются стряпней. В следующих танцевальных номерах я узнаю пародийное изображение примечательных событий, например визита кантонального вождя. Девушка в большом вышитом бубу и в красной феске поверх колпака обходит хижины, а за ней следуют все остальные, изображая жен. Все они по очереди выступают в роли фаворитки, держащей руку на плече мужа.

Две девушки, лица которых по-прежнему скрыты черной бахромой, появляются на площади ряжеными: одна — в безупречно белом костюме, другая — в платьице европейского покроя. Буане подходит и толкает меня локтем.

— Смотри, — говорит он, — это виги.

Я вопросительно гляжу на него.

— Виги — это белые. Это слово означает «тяжелые, как камни»... Такие, которые не сдвинешь.

По походке и позам танцующих я без труда узнаю в этой пародии коменданта округа и его жену. Та, что изображает мужчину, даже держит карандаш и записную книжку, в которой она без устали царапает — письмо в глазах тома самое удивительное из занятий белых. Им подают стол и стулья; мужчина продолжает писать и собирать налоги, их приносят остальные танцовщицы, которых сопровождают две девушки, вооруженные подобием бичей, — они изображают окружных стражников.

— Они хорошо подражают белым,— говорю я Вуане.

— Да, это настоящие виги. А знаешь, как они зовут нас?

— Ну?

— Виги-виги.

— А почему?

— Вы делаете все, что хотите. Вас никак нельзя сдвинуть. Вы видели все тайны.

Во время относительного затишья мы усаживаемся в тени. Вуане выглядит очень возбужденным от этого дня танцев.

— Я не понимаю...— начинает он.

Мы смотрим на него.

— Как вы можете так долго оставаться без женщины. Тома не мог бы...

— Что ты нам предлагаешь? — говорит Тони.

— Нужно крутануть очаровательную.

Смысл этого неологизма ясен, но мы не считаем нужным объяснять Вуане, что помимо всяких личных соображений нами руководит нежелание задеть обостренную чувствительность тома.

— Мы даже не сможем с ней поговорить...

— Я не могу сделать это за вас,— отвечает Вуане.— У тома нет посредников. Если ты хочешь женщину, ты должен выпутываться сам. Это нетрудно: ты говоришь: «иба га ве» — «ты красива», и женщина сразу все понимает.

Вуане продолжает вдалбливать нам галантный лексикон тома.

— Но надо записать все это,— говорит он вдруг строгим тоном,— ты забудешь.

И на полях этнографических заметок мы записываем под его диктовку целую серию наивных и откровенных вопросов и ответов.

* * *

Я немного отупел от ритмичного шума оркестра каллебас и ухожу ненадолго за хижины Коли, в маленький двор, огороженный каменной стеной, чтобы подумать о смысле этого праздника.

То, что у женщин есть тайные церемонии, которые можно сравнить с обрядами, посвященными Афви, явилось для меня открытием. Значит, женщины тоже организованы в тайный союз с такой же иерархией, как в мужском. Но если в Афви, видимо, воплощены все живые силы тома и всего леса, женщины вызывают к смерти. В их магии нет никаких устрашающих масок; ни ограда, ни символические врата не отделяют их священный лес от окружающей бруссы. Даже во время публичных церемоний талисманы женщины скрыты под накидками, в то время как, например, Воллолибен может видеть любой, когда процессия идет по деревне. Для девушек обряд посвящения состоит в экзизии, татуировка же отвечает только их эстетическим запросам. Напротив, обрезание у мужчин мотивируется лишь гигиенической необходимостью, и только татуировка превращает подростка в совершеннолетнего. Магия мужчин непрестанно проявляется внешне, магия женщин совершается скрытно, в тени. Все, что на виду, не имеет для них почти никакой ценности.

Таким образом, у тома существуют два мира, дополняющих друг друга. Этот дуализм обнаруживается в большинстве обрядов тома. Талисман начала земли — «громовой камень» — называется Зазн или Белимасан, в зависимости от того, кто — женщина или мужчина — прибегает к нему. Хранителю леса Бакорозине (буквально: тело-мужчина) соответствует Бакорозан (тело-женщина). Во время празднеств инициации Воллолибен-женщина из Тувелеу соединяется с мужским партнером из соседней деревни.

Еще у шаров на Ориноко я наблюдал, что среди инструментов, на которых исполняют священную музыку, имеются два вида флейт и больших барабанов, слегка различных между собой; индейцы называли их мужскими или женскими.

Эта первоначальная дифференциация полов, по-видимому присущая всем примитивным обществам, естественно служит отправной точкой для их систем классификации и смыкается, не будучи сформулированной, с китайской космогонией, даосизмом, основанным на признании двух начал, мужского и женского, без соединения которых не могла бы существовать всеобщая гармония.

Исходя из этой структуры общества тома можно уточнить роль, которую играет в нем женщина. На первый взгляд кажется, что полигамия и патриархальный строй обеспечивают верховенство мужчины. Это он передает имя своего клана, *ниен*, детям. Ревнивый к своим прерогативам, он стремится всемерно утверждать свою власть, но я смог констатировать, что по сути дела она весьма ограничена. Положение женщины отнюдь не столь плачевно, как может показаться при беглом наблюдении. Уже простой анализ разделения труда свидетельствует об этом. Тома-мужчина должен расчищать участок в лесу, обрабатывать землю, строить хижину, ткать хлопок, заготавливать дрова, женщина же — сеять, ухаживать за посевами, готовить пищу, прясть, доставлять воду. Если вспомнить, что у каждого мужчины не меньше четырех жен, следует признать, что некоторое равновесие сил здесь соблюдается.

Женщины тома не сидят взаперти, как у мусульман. Они свободно ходят из одной деревни в другую, принимают участие в праздниках. Чтобы развестись с мужем, женщине достаточно убедить родителей или нового избранника возместить отвергнутому супругу выкуп.

И если мужчины запугивают женщин своей чертовщиной, те защищаются при помощи более тонкой магии и противопоставляют этой чертовщине тоже весьма грозные талисманы. По словам Вуане, у тома в Либерии распоряжаются женщины, по крайней мере в области религии. В этом нет ничего исключительного или удивительного. Почти повсюду женщины долгое время слыли обладательницами самых великих магических сил. В народных преданиях Европы феи и колдуньи встречаются гораздо чаще колдунов и чародеев. И во всех деревнях страны тома мы наблюдали непререкаемый авторитет старых женщин. Во время праздника, разворачивающегося сейчас перед нами, авторитет пеобъятной ведуньи мог бы, пожалуй, поспорить с авторитетом самого кантонального вождя*.

Какое-то движение в тени выводит меня из размышлений. Рядом присел Вуане. Мне не терпится задать один вопрос, но я немного колеблюсь, опасаясь оскорбить его убеждения.

* См. приложение VII: «Почему мужчины не должны доверять женщинам».

— Ты не думаешь, что старухи знают секреты мужчин, что они знают, как вы заставляете говорить Афви?

В полутьме я различаю улыбку на его лице.

— Ну, конечно, все, кто посвящен, знают... Только они никогда не видели.

Я не ожидал такого открытого признания, но тут же вспоминаю другое замечание Вуане:

«Если бы у тома был самолет, такая сильная тайна, они скрыли бы его в глубине бруссы, чтобы никто его не видел, и приносили бы на нем в жертву быка и орехи кола».

В который раз я снова наталкиваюсь на эту склонность к мистификации ради мистификации, к культуре тайны ради тайны.

* * *

Я встаю разбитый, в голове тяжесть. Рядом со мной лениво потягивается Жан. Мы почти не сомкнули глаз. Беспрестанное погромыхивание погремущек не прекращалось всю ночь.

Дверь открывается. В комнату, согнувшись, с распухшим лицом и безжизненным взглядом входит Зээ. Он дрожит от холода или от озноба. За ним с сокрушенным видом следует Вуане.

— Они ему подсунули гри-гри,— говорит он, указывая на старика.

Зээ осторожно приподымает свое старое залатанное бубу и показывает огромный нарыв в паху. Он думает, что враги его отравили.

— Это пустяки,— говорю я, немного волнуясь.— Его можно вылечить.

— Нет,— упорствует Вуане.— Это плохой гри-гри, с ним ничего не поделаешь.

Не обращая внимания на это заявление, Жан дает Зээ две таблетки ауреомицина и советует ему лечь поспать. Он его разбудит, когда надо будет принять следующую дозу.

На площади с первыми лучами солнца установилась тишина. Только три-четыре старухи, сидя на корточках перед хижинкой, продолжают трясти своими калебасами. Уставшие танцовщицы спят.

Между хижинами прогуливаются мужчины, закутанные, как в тоги, в одеяла прямо на голое тело. Бол-

тая, они ковыряют в зубах палочками из белой волокиистой древесины.

Синеватый дым медленно поднимается в сыром воздухе над пропитанными дождем соломенными крышами.

Несколько женщин раскладывают костры для варки пицци.

Вернувшись в комнату, мы собираемся выпить по стакану красного вина. Бесшумно открывается дверь. Жертвенная жена проскальзывает в комнату. С застывшим лицом она подходит к столу, протягивает руку, берет стакан. Я наливаю. Она пьет, бормочет бесцветным голосом «мамайо...» и выходит.

Это был первый и последний раз за время нашего пребывания у Коли, когда мы слышали ее голос.

После полудня в деревне появляется тамтам Орапосу. Толпа спешит навстречу пяти мужчинам, которые под ритмичные звуки висящих под мышками барабанов движутся к хижине Коли. Их окружают женщины, энергичными жестами выражающие свой протест. Оркестр калebas смолкает, и старухи начинают ожесточенно препираться. Все эти дни отведены под женский праздник. Что нужно здесь непрошеным гостям?

Мы стоим на пороге хижины рядом с Коли, кивающим головой в знак удовольствия, и слушаем тамтам. Его ритм напоминает нам лучших ударников джаза.

Буане сияет. Нигде тамтамы не говорят лучше, чем у тома.

Но ярость женщин не утихает.

Великодушный Коли делает музыкантам знак остановиться и объявляет, что они будут играть вечером; пока же они могут устраиваться в одной из хижин, отведенных для гостей.

* * *

На верхушке длинного шеста, установленного перед хижинкой, мы примостили лампу. Вокруг нее вьется рой ночных насекомых. Коли сидит в своем складном кресле впереди теснящейся большим полукругом толпы зрителей.

Жан в хижине включает магнитофон.

Пять музыкантов танцуют на месте или кружатся в хороводе на площади под ритм своих барабанов. Мужчины один за другим отделяются от толпы, исполняют свой танец и тут же вручают музыкантам бумажные деньги, связки гинээ или бутылки вина.

Буане, который с важным видом держит микрофон, дает оркестру указания и советы. Но и он не может удержаться от желания танцевать и, передав микрофон Тони, важным, чопорным шагом делает несколько кругов. Под резким светом лампы в шумной толпе ярко блестят белые зубы.

В убежище, устроенном под навесом хижины, Зэээ вынужден страдать в своем гамаке.

— Нужно танцевать,— говорит Буане, вновь занимая свой пост.— Люди хотят видеть, как вы пляшете.

Каждый из нас исполняет коротенький номер и делает подарок музыкантам.

Вблизи, за стеной, снова раздаются звуки калebas. Женщинам надоело это соперничество. Через минуту разгорается борьба между неистовым бряцанием погремушек и стуком барабанов. Но все-таки это женский праздник. Тамтамы сдаются: кружок зрителей рассасывается, в ночи снова звучит только хор старух.

Праздник длится уже четверо суток. Мы знаем наизусть жесты охоты, корчевки кустов, приготовления пищи, войны... По деревне невозможно пройти без риска попасть в засаду к девушкам, охотящимся за подарками.

Нас беспокоит состояние Зэээ — он по-прежнему горит в лихорадке. Танцы не доставляют нам никакого удовольствия. Мы бесцельно слоняемся по деревне. Коли, сидя на могиле предков, курит сигарету и болтает с одним из своих бесчисленных детей.

— Вы умеете чинить моторы,— говорит он.— Может быть, сможете привести в порядок и мой?

Жану и Тони не надо говорить дважды — они оба залезают под капот автомобиля.

— Если мы тебе понадобится, мы будем готовы в две минуты,— заявляет Жан.— После трех месяцев ожидания с камерой наготове можно, конечно, немного развлечься.

За ужином появляется Зэээ. Он показывает, что нарыв вскрылся — добрый знак выздоровления.

— Мерси,— впервые говорит он по-французски.

Вечером мы снова записываем прибывший накануне тамтам, по в разгар работы движок останавливается. На этот раз ничего сделать нельзя: свеча окончательно вышла из строя. Нужно поискать другую в Масента. Тони, неутомимый ходок, тут же предлагает свои услуги.

Толпа старейшин, женщин и детей сгрудилась в хижине вокруг нашей аппаратуры.

Коли приказывает принести на большой стол патефон и пластинки и усаживается в кресле.

Один из его боев крутит ручку. В благоговейной тишине раздается поскрипывание иголки. Патефон очаровывает гостей не меньше нашего магнитофона. Мы прослушиваем один за другим старинные вальсы, Люсьену Буайе, южноамериканские песни, Баха, Лаверна и очень старые записи Иветты Гильбер.

Мы только что легли, когда в комнату с сияющей улыбкой вошел Вуане.

— В Ковобакоро, совсем близко отсюда, только что умер знахарь. Надо сходить туда. В деревне уже нет ни одной женщины. Будут извлечены все мужские тайны, чтобы почтить память покойника, и вы сможете снять.

Неожиданный случай. Наутро мы спрашиваем разрешения у Коли, так как эта церемония будет происходить в его кантоне. Он не только не возражает, но даже предоставляет в наше распоряжение двадцать носильщиков и обещает присоединиться к нам в Ковобакоро, чтобы все устроить.

После ужина мы возвращаемся в свою комнату. Оркестр калebas расположился прямо за стеной хижины, и мы вынуждены орать во все горло.

— Это становится ужасным! — заявляет Жан, растягиваясь па большой кровати.

Мы коротко обсуждаем завтрашнюю церемонию.

— Ты можешь быть уверен, что не все пойдет как по маслу! — кричит Тони из другого угла комнаты.

В этом мы не сомневаемся. Трудности еще не кончились. Это было бы слишком хорошо.

В небольшой комнатушке под навесом, которая от-

делена от нас тонкой перегородкой с небольшим окошком, Зээ и Вэго лежат в наших гамаках; как всегда, горит их лампа-молния.

Дверь из большой комнаты открывается.

Мы слышим, что в хижину вошел Вуане. Он не один. Мы различаем в тени крупный силуэт. Пользуясь общим праздничным настроением, Вуане выбрал себе среди двухсот жен кантонального вождя подругу на ночь.

Он подходит к двери и, сделав нам приветственный знак рукой, скромно закрывает ее.

Жан, уставший за последние дни, быстро засыпает.

Звуки погремушек постепенно стихают, старухи одна за другой расходятся по домам.

— Невероятно,— говорит Тони,— уже почти можно разговаривать.

Я прикручиваю лампу-молнию, ставлю ее к стене у ножки кровати и ложусь рядом с Жаном.

Дребезжание калебас смолкло. Над деревней простирается осязаемая, полная шорохов тишина.

Я закрываю глаза.

Вдруг за самой стеной хижины раздаются звуки флейты. Мелодия трех нот. Ночная флейта Масента! Через минуту она уже в большой комнате, где спит Вуане. Затем ее переливы слышатся на крыше, прямо над нашей головой... Я сажусь на кровати. Жан продолжает спать.

При первых звуках Зээ и Вэго тушат лампу. Я слышу, как они шепчутся.

— На этот раз они взялись как следует,— говорит Тони, усаживаясь рядом со мной.

К мелодии флейты присоединяется легкое позванивание колокольчика, и музыка начинает кружить вокруг хижины, проникая сквозь стены. Я тушу лампу.

— Что будем делать? — спрашивает Тони.

— Немного подождем.

— Неплохо бы накрыть хоть одного.

Дверь, выходящая на площадь, открыта. Мы на цыпочках подходим к ней.

Полная луна заливает деревню бледным светом. Ясно вырисовываются круглые хижины. Ничто не шевелится.

Музыка продолжает звучать. Она идет отовсюду и ниоткуда.

— Чудовищно, — шепчет Тони.

Вдруг на железную крышу обрушивается град камешков. Затем второй, гремящий, как барабанная дробь. Камешки шуршат по выемкам крыши и скатываются на гравий перед нами.

Пораженные, мы возвращаемся и снова садимся на кровати.

Два или три новых залпа камней тарахтят по крыше. Зээ и Вэго продолжают тихо шептаться. Флейта слышна сразу со всех сторон. За стеной раздается бешеный топот. Мы прыжком бросаемся к двери. Деревня неподвижна. Сияет луна.

— Это уж слишком, — говорит Тони.

Перед нами еще раз звенит земля. Я таращу глаза. Стадо перепуганных коз пронесется вплотную к хижине, и, однако, я ничего не вижу. Все неподвижно. Вдали раздается голос Афви.

Мы стоим остолбенев.

— Они сильны, а!

Жан по-прежнему спит.

Около трех часов утра полная луна заходит за деревья. Звуки флейты становятся реже, голос Афви стихает.

Деревню снова окутывает тяжелая тишина. В соседней комнате протяжно вздыхает Вуане.

Зээ и Вэго зажигают лампу, громко обмениваются несколькими словами.

Утром мы расспрашиваем всех троих. Они ничего не видели и не слышали.

Теперь мы знаем, что наше посвящение ничего не изменило.

10

Музыканты Орапосу сопровождают нас с Жаном. Тони, хотя и несколько разбитый после нашего ночного приключения, пасмурным утром уехал на велосипеде Коли в Масента. Он присоединится к нам вечером прямо в Ковобакоро. Носильщики с аппаратурой отправятся вслед за нами.

Коли еще нужно уладить кое-какие дела, но он догонит нас на лошади.

Все как будто уладилось.

Буане особенно разговорчив. Быстрое выздоровление Эээ усилило его доверие к нам, и он обещает устроить так, чтобы мы могли присутствовать при всех погребальных обрядах. Всю дорогу он описывает нам различные церемонии, которые нам предстоит заснять. Женщинам пришлось убежать далеко в лес, потому что большую тайную маску вынесут днем. Сопровождаемая священной музыкой Афви, она обойдет все улицы деревни. Потом от трупа будут отделены все части, которые имеют магическую ценность и послужат для изготовления амулетов: кожа лба, печень, левая рука. Кожа лба символизирует ум; печень, главный орган тела,— физическую силу; левая рука, в которой держат трезубец,— оккультную силу. Затем труп завернут в циновку, внутренняя сторона которой усажена шипами.

— Покойник при жизни заставил страдать многих людей,— поясняет Буане,— нужно ему отомстить.

Если у покойного богатые родственники, они могут сохранить отрезанные части тела у себя, и тогда его сила останется в семье. В противном случае производится дележ между присутствующими знахарями.

Афви сопровождает труп до самой могилы; когда яма засыпана, совершается обычное жертвоприношение, при котором присутствует вся деревня.

Темные облака бегут по хмурому небу. Через какие-нибудь полчаса мы прибудем в Ковобакоро.

Музыканты, идущие впереди, останавливаются на перекрестке, а затем, окружив нас, с удвоенным жаром бьют в тамтамы.

— Дальше они не пойдут,— говорит Буане.— Им нельзя входить туда, где смерть.

Он исполняет последний, короткий танец. Мы делаем музыкантам прощальный подарок и продолжаем наш путь.

Когда мы входим в деревню, она кажется парализованной. Ни звука. Ни один нест не стучит в ступке. Ни одной женщины перед хижиной.

Мужчины, сидя группами на корточках, тихо разговаривают и едва оборачиваются, чтобы поздороваться с нами. Немного смущенные, мы садимся перед одной из хижин. Буане озабоченно озирается. Через минуту приходит старшина деревни. Хилый, с бегающим взглядом,

он крутит в руках свою феску и склоняет голову в притворной покорности. Он извиняется за опоздание, уверяет, что очень польщен нашим посещением, и указывает на пустую хижину, в которой мы с Жаном едва помещаемся. На этом его гостеприимство кончается. Он не сделал нам обычных подарков.

— Настоящий злодей из мелодрамы! — говорит Жан.

Неважно, через несколько часов Коли восстановит порядок.

В это время дня, когда все тома трудятся на полях, мужчины Ковобакоро остались в деревне, ничем не занятые. Но кроме этого ничто не напоминает о том, что здесь недавно умер видный человек. Мы еще не видели хижины покойного, не слышали обрядовых плачей. Время от времени — через час по чайной ложке — прибывают наши вещи, но у нас еще нет самых важных частей аппаратуры, в частности электрогенератора. Лоснящийся от пота носильщик кладет к нашим ногам ящик с чистой пленкой. По его словам, Коли вот-вот закончит приготовления к пути. Несколько часов проходит в ожидании. Каждый из прибывающих носильщиков приносит одну и ту же весть: Коли седлает лошадь и сейчас явится.

Мы прогуливаемся по деревне, не встречая ни малейших знаков симпатии. Понемногу из леса возвращаются женщины и принимаются вновь веять или руть рис перед хижинами.

— Смотри, — говорит Жан. — Белая!

Нас обоих одновременно поразила худая и стройная женщина, которая размашистыми, гибкими движениями толкла рис.

У нее настолько светлая кожа, что она сразу же показалась мне более обнаженной, чем другие.

Впрочем, многие местные жители удивительно похожи на европейцев как цветом кожи, так и чертами лица. Вот, например, у сидящего перед ближайшей хижиной мужчины голова совсем как у унтер-офицера сверхсрочной службы.

Я говорю об этом Вуане. Он улыбается.

— Знаешь, здесь была страна Ково, великого вождя, который хотел воевать против белых; однако они поставили пушку вон там, на горе.

И Вуане показывает мне на высокий зеленый мыс, возвышающийся над лесом.

— Они выстрелили. Воины не знали такого, и все бежали. Ково тоже... Все-таки он похоронен здесь.

Он ведет нас за деревню. На холме, у подножия большого сухого дерева, возвышается могила предка.

— Вот здесь,— говорит он.— Ково следовало послушаться старого Крeана, который вскоре же заключил мир с белыми. У Ково никогда не было не только сабли или ружья, но даже палки. Но когда он говорил, все трепетали. Он был высок, как ланибой, ночью он летал над хижинами. Он был последним, кто был столь велик.

— А каковы были в те времена все люди?

— Они были ростом с хижину.

— Ты говоришь о тома?

— Нет,— отвечает Вуане.— Все люди были такими. Тома не было.

— А откуда они пришли?

— Они пришли отовсюду. Предки старого Зэзэ пришли из саванны... Теперь они чистые тома.

Обычно могилы расположены в самой деревне. Я удивлен, видя, что могила Ково находится за ее пределами.

— Ково Бакоро был много более великим,— поясняет Вуане.— У него была даже другая деревня, близко отсюда, но люди ее покинули.

Мы поднимаемся. На вершине холма одиноко возвышается почти целая круглая хижина. Вокруг простираются круглые площадки утрамбованной земли, которые окаймлены остатками стен. Растительность еще не возродилась, лишь кое-где пробивается редкая трава. Внизу видна темно-зеленая масса леса, бегущая, словно волны, по холмам до самого горизонта. Вуане простирает руку:

— Там — Согуру.

На обратном пути Вуане показывает нам каменистую, покрытую мхом дорогу, ведущую в глубь чащи. Сеть лиан преграждает ее во всех направлениях. Видимо, по ней не часто ходят, за ней не следят. Я устремляюсь по ней, привлеченный таинственным видом местности.

— Твое дело,— говорит Вуане,— но там поклоняются предкам, и я не имею права сопровождать тебя.

Это неожиданное заявление обычно столь уверенного в себе Буане интригует меня. Обрывистая, скользкая тропа спускается меж высоких массивов черного камня. Со скал и лиан почти до самой земли свешивается мох. На большой каменной плите у края дорожки груды приношений. Я продолжаю спускаться и внезапно оказываюсь у крайних хижин деревни. Вот почему Буане не захотел быть моим проводником: он боялся восстановить против себя жителей.

После этого случая мы больше чем когда-либо чувствуем, как нам нужна поддержка Коли. Но спускается ночь, а его все нет.

Старый Зээ, ожидавший нас в хижине, сообщает плохие новости. Старейшины поручили ему передать, что покойный не был крупным знахарем и что его погребение не будет сопровождаться специальным обрядом.

— Они врут, — добавляет Буане, — а Зээ не хочет их принуждать. Надо ждать Коли. Если он скамандует, вы сможете увидеть все.

В деревню уже вернулись женщины, и из соседней с нами хижины разносятся погребальные причитания.

Оба знахаря и мы с Жаном молча сидим в темной хижине. Тони еще не вернулся. Зээ переваривает свою обиду. Впервые знахаря и колдуны, ранее покорные его власти, выказали неповиновение.

* * *

На следующее утро прибывает наконец генератор, и мы начинаем монтаж. Большинство мужчин не проявляет никакого интереса к этим приготовлениям. Мы явно в карантине. Только несколько самых любопытных подростков присутствуют при испытании. Носильщики, доставившие движок, уверяют, что Коли обязательно прибудет к нам сегодня.

Жан протягивал провод в хижину, как вдруг все жители деревни бросились врассыпную и скрылись в хижинах. На опустевшую площадь, раздувая кровавые ноздри, галопом выскочил бык. По словам Буане, животное порвало нуты во время жертвоприношения в Бузилазу и убежало после того, как было ранено выстрелом из ружья. Бык скребет землю, потом делает прыжок и вновь исчезает в чаще.

Ничто, видимо, не предвещает похоронной церемонии. Люди болтают, не выходя из хижин, по деревне несетя перестук пестов. У нас все готово к съемке, но, чувствуя холодное отношение жителей, мы сидим в гамаках.

Около полудня старейшины решают посетить нас. Наконец-то атмосфера немного разрядилась. По словам старейшин, умерший был не знахарем, а всего лишь главным охотником, и мы сможем, если захотим, занять все церемонии в его честь. Нам ясно, что это маневр, предпринятый, чтобы частично нас удовлетворить.

— Это неправда, — гневно шепчет мне Вуане. — Тебе не нужно вытаскивать машины.

Я разделяю его мнение, но не хочу ввязываться в какой-либо спор, могущий настроить хранителей фетишистского культа против нас. Я предпочитаю подождать прибытия Коли, хотя уже и не верю в то, что он все разрешит. Мы идем вслед за старейшинами к хижине покойника.

На площади собрались все охотники в своем лесном наряде: в шапочках из обезьяньей кожи, в вылинявших потрепанных бубу, увешанных охотничьими талисманами и мешочками с порохом. В руках — охотничьи ружья. У ног их дремлют штук тридцать желтоватых собак. Я и не представлял себе, что в одной деревушке можно собрать такую свору.

Один за другим охотники входят с собаками в хижину. Труп, завернутый в циновку, лежит прямо на земле. Охотник притрагивается к циновке и заставляет улечься всех своих собак. Когда каждый исполнил этот обряд, все рассаживаются на могилах предков и начинают делить охотничьи участки.

Присев на корточки перед хижинной, я, чтобы скоротать время, играю с собакой, настроенной явно дружелюбно. Один из старейшин, с усмешкой наблюдавший за мной, повертывается к остальным, произносит несколько слов, и все заливаются хохотом. Вуане с уязвленным видом переводит:

— Старик сказал, что ты выбрал самую плохую собаку, которая никак не могла научиться охотиться.

Я забыл, что клан Коивоги был кланом не только воинов и вождей, но еще и охотников. Вуане, пользующемуся во всей округе репутацией хорошего охотника,

трудно стерпеть, что его «патрон» не умеет с первого взгляда отличить хорошую собаку от плохой.

— Если бы у тебя было ружье,— сокрушается он,— я мог бы пойти с ними и вечером принес бы тебе черную лань. Они, конечно, идут на охоту. Мертвый передал им всю свою силу, а собаки найдут след.

Охотники расходятся и быстро исчезают в чаще.

К нашему великому изумлению, четверо мужчин снова входят в хижину и выносят оттуда труп. Мы сопровождаем их к яме, которой раньше не заметили. Без всяких церемоний они укладывают труп на дно могилы и засыпают землей. Мы не знаем, что и думать. Зээ и Вуане молча присутствуют при этой неожиданной развязке. Крайне разочарованные, мы возвращаемся к себе. Коли может теперь приезжать...

— Они не имеют права поступать так,— протестует Вуане.— Дух покойника будет мстить и не даст им спать.

Вместе с Зээ он идет к старейшинам, но мы не ждем от этого разговора ничего хорошего. Нужно укладываться.

Спускается ночь. Оба наших спутника с удрученным видом входят в хижину и довольно долго тихо говорят между собой. Затем Вуане поворачивается к нам.

— Старик,— говорит он,— знает очень хорошо, что произойдет. Коли теперь не приедет...

И он открывает нам всю подноготную этой истории. Коли просто попросил жителей деревни разрешить нам съемки, но не отдал никакого распоряжения. Они не согласились. Зээ рассказал им, что мы уже знаем все тайны и им нечего опасаться.

— Может быть, ты не боишься смерти,— ответили ему,— и волен показывать белым все, что хочешь, а мы не хотим умирать.

Колп Зуманги, узнав о решении жителей Ковобакоро, не стал настаивать и, сославшись на срочное дело, предоставил урегулирование инцидента естественному развитию событий.

— Они похоронили этого человека так,— добавляет Вуане.— Когда вы уедете, они вынут его, чтобы сделать обряд.

Мы не предвидели такого фокуса. И так, несмотря на авторитет Зэээ, несмотря на его собственный пример, знахари предпочитают навлечь на себя гнев духа смерти, нежели открыть нам тайны, которые мы и без того знаем. Я оборачиваюсь к лежащему в тени Зэээ.

— Ты ничего не сумел добиться здесь,— говорю я ему.— В маленькой деревушке тебя отказались слушать даже по такому делу, как съёмка похорон. Как же ты сумеешь в Согуру приказывать трем тысячам тома?

Старый зоги встает. Он говорит громко, и Вуане, переводя, вновь обретает свою обычную уверенность.

— Все слова, что ты сказал, правильны. Здесь приказывает Коли. И я не хотел распоряжаться. В Согуру я пойду первым, и ничто меня не остановит. Я главный при татуировке, я самый сильный. Чтобы иметь успех, мы пойдем греться — Вуане и я; гелемлаи еще не прошли, у нас есть время.

Он встает и молча выходит.

Мы еще не знаем обряда, на который он только что намекнул, но нам известно, что тома считают огонь самой могучей силой. Они поддерживают его в хижине всю ночь напролет. Вуане как-то сказал нам: «Когда человек ест недостаточно мяса и если у него нет больше сил, нужно, чтобы он долго просидел у огня. Это заменяет мясо». В самых сложных обстоятельствах, когда знахарю нужно, например, одержать верх над своим противником, он удаляется в священный лес, делает вместе со своими помощниками нечто вроде плетеной корзины из сырого дерева, подвешивает ее приблизительно в метре над землей, разводит под ней костер, забирается в корзину со своими талисманами и остается там, чтобы вызвать духов. Этот обряд должен повторяться семь дней подряд. Все это время следует соблюдать абсолютное половое воздержание.

Вуане теперь явно не терпится вернуться в Тувелеу. По его словам, бесполезно ждать Тони.

— Люди в этой деревне упрямы,— говорит он.— Они будут все время ждать и ничего не сделают на наших глазах.

Нехотя мы соглашаемся последовать его совету и назначаем отправление на следующее утро. Ночью мы еще раз приводим в порядок аппаратуру. Жану все опротивело. Мы не перемолвились ни словом.

О носильщиках нечего заботиться — жители Ковобакоро так торопятся увидеть наш отъезд, что все здоровые мужчины предлагают нам свои услуги. Аппаратуру отправляют раньше нас. Впервые переход совершается в таком порядке. Чтобы избежать любой оплошности, невольной или умышленной, Жан, Вуане и я беспрестанно перемещаемся от головы к хвосту колонны.

Налетающие один за другим торнадо превратили сухие тропы в лоснящееся жирное месиво из глины. Крутые подъемы и спуски еще больше затрудняют переход.

Вместе с дождями появились красные муравьи, редко встречающиеся во время сухого сезона. Они пересекают тропы, словно потоки шириной до трех-четырех метров, и носильщики вынуждены быстро перепрыгивать через эти копошащиеся ручейки толщиной в четыре-пять сантиметров, чтобы избежать укусов «солдат».

Просто удивительно, с какой ловкостью проделывают тома эти трудные переходы с двухпудовыми ящичками на голове. Четыре человека, несущие особенно неудобный генератор, проявляют не меньшую сноровку, чем остальные.

Наш путь преграждает река шириной около десяти метров; через нее перекинуты связанные между собой ветви на шатких вилообразных подпорах, воткнутых в ил. Носильщики, держась очень прямо, без колебаний проходят со своим грузом; даже генератор без всяких осложнений переправляют на головах двух самых сильных мужчин. На том берегу тома останавливаются и наблюдают за нами. Раскинув руки, словно канатные плясуны, шатаясь и скользя сведенными судорогой пальцами по мокрой древесине, мы, видимо, выглядим очень смешно.

Два коротких, но сильных ливня захватили нас в самой чаще, между деревьями, которые, впрочем, часто попадают по пути. Всюду горячий прием — не то что в Ковобакоро. Приходится останавливаться, чтобы поздороваться со старейшинами.

До Тувелеу один переход. Мы спешим, чтобы попасть туда до того, как разразится следующий ливень. Вдруг позади раздается крик. Останавливаемся. Подро-

сток приносит нам цыпленка — подарок какого-то старика.

— Это дядя того, которого ты вылечил,— говорит Вуане.— Того, который всегда падает с пальмы. Старик очень огорчен, что ты его не дождался. Он вернулся со своего участка, чтобы увидеть тебя. Он посылает тебе цыпленка и хочет, чтобы ты пришел еще раз.

В Тувелеу мы чувствуем себя дома. Жители встречают нас проявлениями дружбы, которые особенно трогательны после вчерашних впечатлений. Мы водворяемся в нашей хижине. День проходит в хлопотах, в приведении аппаратуры в порядок. Мы с нетерпением ждем Тони: уже темно, а его все нет.

К нашему удивлению, Тони приходит пешком в одиннадцать часов вечера, весь в грязи и царапинах. Он оставил велосипед в Бофосу. Вуане и Зэээ не верят своим глазам: они никогда не думали, чтобы белый мог передвигаться ночью, без лампы, один в бруссе. Они встают, завернутые по обычаю тома в одеяла, приносят Тони в знак восхищения орехи кола и пальмовое вино и приказывают нагреть воды, чтобы он мог умыться.

Новость быстро распространяется по деревне. Старейшины, старухи, дети приходят к нам, чтобы узреть это чудо — белого, который ходит ночью, словно знахарь. Еще не успев прийти в себя, Тони шепчет:

— Дело плохо. Но об этом потолкуем потом.

Затем, уже громко, он рассказывает о своем путешествии:

— Я стремился во что бы то ни стало вернуться сегодня вечером. Кажется, праздник в Согуру состоится на этих днях. Я хотел вас предупредить. Я рассчитывал вернуться засветло, но из-за заболоченных речек, грязи, дождя запоздал. В небольшой саванне между Серису и Тувелеу мне стало не по себе: все казалось, что за мной следует какой-то зверь. Я чиркал спички и непрерывно курил, потому что, кажется, хищники боятся огня.

— В этой саванне много пантер,— замечает Вуане.

— Да, и к тому же я то и дело терял тропу. В лесу, в темноте, это еще ничего, но в саванне... Наконец я разулся и стал лучше чувствовать дорогу. Войдя снова в чащу, в пятнадцати минутах ходьбы отсюда, я

услышал совсем рядом громкий вздох. Я отпрянул... Чиркнул спичкой. Это был бык. Я понял, что я пришел.

— Но,— сказал Вуане,— это же бешеный бык из Ковобакоро.

Тони, взволнованный задним числом, энергично ругается.

— Сейчас,— говорит Вуане,— все животные заперты из-за риса.

Молодые ростки должны скоро появиться из-под земли, и уже несколько дней вокруг деревни в чаще сооружена солидная ограда, привязанная от дерева к дереву лианами.

Как только мы остались одни в хижине, Тони поделился дурными вестями.

Всем уже известно, что мы татуированы и видели тайны тома. Начальник округа очень обеспокоен. Он говорит, что знахари готовы на все, чтобы наказать нас: отравить или даже поднять против нас население. Во избежание неприятностей он намерен отменить разрешение на съемки и отобрать уже снятые кадры. Нам нельзя больше терять ни минуты.

После короткой дискуссии мы решаем как можно скорее отправиться в Согуру, чтобы на месте подготовить почву и выяснить точную дату праздника.

* * *

На следующий день, еще на рассвете, перед нашей хижинкой выстроилась цепочка больных. Все хотят попасть на прием до того, как отправятся на поля. Мужчины широкими точными взмахами точат свои куп-купы о вертикальные могильные камни. Жители Тувелеу теперь настолько доверяют нам, что без колебаний приводят своих детей, которые очень послушно переносят самое болезненное лечение и даже уколы.

К концу приема входят Зэээ и Вуане.

— Ты должен пойти в хижину жен старого Зэээ,— говорит Вуане Жану, нашему главному медику,— одна из его жен этой ночью принесла маленького, но он умер. Нужно оказать ей помощь.

Оба невозмутимы. Эта смерть не является в их глазах дурным предзнаменованием или возмездием — ребенок не должен был жить, вот и все.

Без всякой паузы Вуане продолжает тем же безразличным тоном:

— Вы можете приготовить машины, сегодня придут гелемлаи.

Это первое предзнаменование большой татуировки. Через несколько дней мы будем наконец знать, как нам поступать.

— Дождались,— мрачно констатирует Жан.

Тони и я воздерживаемся от комментариев. Между нами заключено молчаливое соглашение: к чему спорить о том, как мало у нас шансов заснять эту церемонию!

Мы сидим, задумавшись, в гамаках. Вуане выходит из хижины, но вскоре возвращается возбужденный.

— Гелемлаи! — кричит он. — Гелемлаи здесь!

Билакоро, собранные в углу площади, сгрудились у одной из хижин позади могилы предка, словно небольшое испуганное стадо. Как требует обычай, на них нечто вроде фригийских колпаков из шкуры пантеры, отороченных козьим мехом и украшенных раковинами, и подобие мантий из ромбовидных кусков шкур разного цвета — одеяние древней касты воинов.

Мальчики, уже прошедшие татуировку, в браслетах, с вымазанными каолином губами, разместились между хижинами и длинными ветками преграждают дорогу белым вестникам священного леса. Гелемлаи, с неподвижными под белесым пластырем лицами, не спеша, словно в балете, делают символические жесты, будто пытаются пробить себе путь своими белыми шестами. Ни песен, ни музыки... Тишину нарушают лишь крики детей да царапанье шестов по гравиию.

Когда главный гелемлаи, в ковбойской шляпе и длинных штанах под бубу, появляется на площади, все жители уже в сборе. Он торжественно расхаживает перед ними взад и вперед, размахивая жезлом из сухих трав и требуя приношений. Каждый из мужчин Тувелеу, произнеся требуемую обычаем речь, передает свой взнос на торжество.

Гелемлаи тем временем продолжают кружить по деревне в своих увесистых ошейниках. Они одновременно стараются добраться до билакоро и ускользнуть от наших камер. Они явно не хотят быть заснятыми и убегают, едва завидев нас. Мальчики шести-семи лет, еще не достигшие возраста инициации, визжат от радо-

сти и смотрят на нас с восхищенными улыбками: мы приводим в трепет гелемлаи, которых они так боятся.

Церемония продолжается добрую часть второй половины дня. Затем защитительный барьер внезапно расступается, все билакоро в едином порыве бегут к лесу, их преследуют гелемлаи, которых Жану на этот раз удастся заснять.

Вернувшись в деревню, дети толпятся в нашей хижине. Звонкими голосами они повторяют хором одно и то же непонятное нам слово.

— Что они говорят? — спрашиваю я Вуане.

— Охотники на гелемлаи. Они прозвали вас так, потому что вы наводите страх на гелемлаи.

Дети устраиваются вокруг нас, но входит Зэээ и знаком приказывает им уйти. Он хочет поговорить с нами наедине. Он дает нам совет, который только подтверждает принятое нами накануне решение. Мы должны пойти к вождю кантона Уламаи, ответственному за большую татуировку этого года, и добиться его поддержки. Это совсем еще молодой человек, своим назначением обязанный белым; по мнению Зэээ, он ни в чем не сможет нам отказать. Вуане проводит нас к нему, а слишком скомпрометированный теперь Зэээ останется в Ту-велеу и будет «греться» с помощью Вэго. Мы выйдем завтра.

* * *

После очень утомительного перехода мы прибываем к месту назначения. Кантональный вождь, уже извещенный о нашем прибытии, выходит навстречу. Он выглядит нервным и болезненным. Его приветствие кажется неискренним, как и он сам. Вождь вооружен огромной тростью, на его черепе, словно тибетейка, водружен баскский берет. Он принимает нас в хижине, убранство которой представляет собой любопытный компромисс между классическим стилем тома и столовой в стиле Генриха Второго. Красные оборочки украшают тяжелую мебель работы местных мастеров. Фотографии забытых кинозвезд соседствуют на стене с портретами сошедших со сцены политических деятелей. Вождь усаживается за широкий письменный стол, покрытый расшитой цветами скатертью, мы садимся на стулья напротив. Как все кантональные вожди, он довольно бег-

ло говорит по-французски, но вопреки ожиданию не осведомляется о цели нашего визита и без конца рассыпается в любезностях. Мы вынимаем классический подарок — бутылку рома. С хмурым и раздраженным видом он бормочет какую-то благодарность и прячет бутылку в выдвижной ящик стола. Я никогда не видел, чтобы тома поступал таким образом. Спиртное пьют, а не прячут в запас, это не в характере людей этого народа. Как только мы заводим речь о татуировке, вождь под предлогом необходимости заняться нашим обедом и жильем прерывает беседу.

— Здесь живет великий шарлатан, — заявляет Вуане, когда мы выходим на площадь. — Я должен с ним увидеться.

В темной хижине уже собралось несколько стариков. Они дружески здороваются и подвигаются, чтобы дать нам место. Тут я уясню себе, как относятся к нам тома. Они безоговорочно принимают нас в своей среде, но — странное противоречие — отказываются допустить к своим тайным обрядам.

Колдун в засаленном бубу расстилает перед нами циновку и рассыпает на ней песок. Прикрыв глаза, молча, он добрых полчаса водит пальцами по песку, чертя кабалистические знаки, очень похожие на знаки геомантов * Северной Африки. Когда не остается свободно-го места, он широким жестом стирает все и начинает сызнова.

Наконец он начинает медленно говорить. Вуане, широко раскрыв глаза, внимательно слушает. Он зачарован так же, как в тот вечер, когда Вирэль гадал ему на картах. Затем он поворачивается к нам.

— Я должен сделать подарок женщинам моей семьи и убить белого петуха на могиле отца. Потом все пойдет хорошо и я, быть может, стану кантональным вождем.

Я уже собирался спросить о нашей судьбе, но ответ оракула разочаровал меня. Я ждал гораздо более интересных откровений.

В проеме двери возник тощий силуэт кантонального вождя.

— Обед готов, — просто сказал он.

Геомантия — гадаппе по поверхности земли. — *Прим. пер.*

Мы пошли за ним в маленькую хижину, безусловно убогую и подметенную. На полу посреди хижины нас ожидали миска риса и традиционный пыленок в пальмовом масле. Мы не захватили с собой никаких приборов и уселись на корточки, чтобы есть, как тома, руками.

Через несколько минут наш хозяин все с тем же отсутствующим видом приходит проститься: срочное дело призывает его в другую деревню.

Мы вышли из деревни вместе с ним. Как мы ни старались добиться ясного ответа, маленький вождь все-таки сумел выкрутиться.

— Хижина для вас у меня всегда готова, — сказал он. — Я не знаю, когда состоится татуировка, и не могу разрешить киносъемку. Нужно сначала поговорить со стариками. Потом я вам скажу.

Мы не успели и рта раскрыть, как он свернул в сторону и углубился в чащу.

Буане задыхается от возмущения:

— Маленький вождь врет. Через неделю все знахари и колдуны будут в его деревне по случаю праздника, он это знает, и, если он хочет, он может приказать старикам.

Над Тувелеу тяжелое однообразно серое небо. Мы принимаем последнего утреннего больного. Подходит какой-то человек и протягивает адресованный лично мне пакет со штампом округа Масента. Я нервно вскрываю конверт. Тони и Жан читают через мое плечо. Начальник округа срочно требует моей явки. Подробностей никаких. Буане внимательно смотрит на наши озабоченные лица.

— Плохо? — спрашивает он.

— Нет, ничего, нас хочет видеть начальник округа.

Он сразу же успокаивается. По его мнению, белые всегда договорятся между собой.

Мы возвращаемся в хижину, чтобы посоветоваться. Начальник округа несомненно хочет вручить мне свое решение прервать наши съемки. Я должен сейчас же уехать и попытаться добиться отсрочки. Тони и Жан в мое отсутствие снимут переходные планы, необходимые для монтажа фильма, и запишут на магнитофон все, что им удастся, в самом Тувелеу.

Я так встревожен, что тут же отправляюсь в путь, забыв о начинающемся приступе малярии и о том, как

далеко идти. Жарко. Я быстро шагаю босиком, песя в руках ботинки из «кожи грузовика», по-спартански выкроенные из старых шин, которые диула продают на рынке.

Я едва смотрю на то, что окружает меня. Как я выпутаюсь в Масента? Вдруг правая нога погружается в шевелящуюся магму. Прыжок. Слишком поздно.... Я наступил прямо на колонну муравьев. Нога уже покрыта ими выше щиколотки. Давлю их, ожесточенно стряхиваю, но челюсти «солдат» остаются в коже. Жгучая боль поднимается к бедру. Ни в коем случае нельзя останавливаться. Прихожу в Бофосу хромя. Нога от лодыжки до бедра наполовину парализована.

На счастье, сегодня четверг, базарный день, и я быстро нахожу грузовик, который довезет меня до Масента. Путешествие тяжкое: дергающая боль от укусов охватывает бок.

Городок как будто заснул под свинцовым небом. Я иду на почту, чтобы, пользуясь случаем, забрать последние поступления. Служащие, сидя у двери, играют в беллот, дымя сигаретами. Я удивлен.

— Ведь в Вознесение не работают,— говорит мне один из них.

Мы давно живем вне календаря. Я уже как-то потерял представление о праздниках и торжественных днях.

Можно ли явиться к начальнику округа в праздничный день в моем лесном наряде: ботинки из «кожи грузовика», старые шорты и порванная рубашка, всклокоченные шевелюра и борода? Но мне хочется сегодня же узнать решение, и я направляюсь к резиденции начальника. В конце концов костюм — дело второстепенное. Это заблуждение длится недолго. Я прохожу через цветущий сад, поднимаюсь по лестнице и врываюсь в элитное общество. Коктейль...

Начальник округа любезно отводит меня в уголок. Он еще не принял окончательного решения, но опасается, как бы хранители культа не применили к нам насилия, и заявляет, что устал получать каждый день жалобы на нас. Я, как могу, защищаю наше дело, заверяя его, что весь риск предприятия мы берем на себя.

— Я направил ваше дело губернатору,— говорит он.— Я не могу вам ничего запретить, пока нет ответа, но советуую быстрее кончать работу.

Мне удается добиться пятнадцати дней отсрочки, и я ухожу вне себя от радости. У нас достаточно времени, чтобы заснять большую татуировку — ведь она состоит через неделю.

* * *

Жан и Тони ждали меня с нетерпением.

— После твоего отъезда, — говорит Жан, — нам удалось снять все переходные планы, которые ты просил, но вот беда — заболел Вуане. Он думает, что его отравили.

Я нахожу Вуане в соседней хижине. Дрожа, с тоскующим взглядом, он лежит на кровати тома, укрывшись до подбородка пуховым одеялом Тони. Он с усилием приподымается на локте.

— Люди из Согуру отравили меня, — говорит он мне. — К счастью, патроны лечат меня.

Я пытаюсь убедить его, что жар, рвота и боль в кишечнике вызваны простым приступом дизентерии, а не мезью врагов, но он мне не верит.

— Против нас заговор, более сильный, чем раньше, — говорит он.

Потом добавляет презрительно:

— Маленький вождь не прислал даже записки.

Мы совещаемся в своей хижине. Ни Жан, ни Тони не верят в отравление. Они уже два дня наблюдают болезнь Вуане и думают, что он делает драму из кратковременного недомогания. Завтра он выздоровеет.

Мы вынуждены действовать быстро. Поскольку кантональный вождь забыл о нас, мы отправим к нему завтра гонца, который заодно поставит нас в известность о настроении других колдунов. Нужен ловкий и сообразительный человек, чтобы выполнить это поручение. Старшина носильщиков Тувелеу уже оказал нам серьезные услуги. Мы идем к нему. Он немного знает французский. Это молодой паренек с тонкими чертами лица и открытым взглядом, очень молчаливый. Без колебаний он берется стать нашим представителем.

Приняв это решение, мы немного успокаиваемся.

Когда мы улеглись в своих гамаках, пришел старый Вуане Бэавоги. Он вернулся из очередного обхода земли

тома и с горечью сообщил нам, что во многих деревнях он был удален с совета старейшин и что он ожидает защения входа в священный лес. Все жители Тувелеу считаются теперь предателями.

На следующий день, немного позже обычного, Вуане приходит нас будить. По его осунувшемуся лицу видно, что он, как и мы, провел ночь без сна, однако он проявляет неожиданный оптимизм. Мы сообщаем ему о нашем проекте. Он одобряет его и тут же вызывается сопровождать старшину носильщиков.

— Патроны меня вылечили, — говорит он. — Я больше ничего не боюсь. Я хочу пойти туда и объяснить все старикам. Они поймут.

Мы не пытаемся его разубедить. Через несколько часов они вдвоем пускаются в путь.

*

Со вчерашнего утра мы ждем возвращения нашего посольства. За это время мы успели обсудить все возможные решения, взвесить все наши шансы. Мы все больше и больше сомневаемся в успехе. Через неделю, быть может, экспедиция закончится. Эти последние дни ожидания и неуверенности становятся особенно сильным испытанием нервов.

Перед наступлением темноты мы увидели, что наши посланцы поднимаются по тропе. Как только Вуане заметил нас, он замахал шляпой в знак победы.

— Заговор разрушен, — сказал он. — Старики ничего не имеют против вас. Они только поклялись на гри-гри ничего вам больше не показывать. Если вы приедете в Согуру во время праздника, как бы случайно, они не будут виноваты, и вы сможете снимать.

— Да, — подтверждает старшина носильщиков. — Они не могут просить вас прийти. Они обещали. Но если вы уже будете там, они ничего не скажут.

Это неожиданное толкование законов предков все разрешает. Татуировка произойдет только в следующее воскресенье, то есть через неделю, но подготовка к празднику начнется, кажется, в четверг. Мы не можем терять ни часа и решаем завтра же начать заранее переправлять аппаратуру. Передаваемая носильщиками от деревни к деревне, она к четвергу уже будет ждать нас в Согуру.

К сожалению, подавляющая часть церемоний будет происходить до рассвета, а у нас уже месяц нет магнитных ламп. Тони вызывается еще раз пойти в Масента — может быть, в среду вечером они придут на почту.

Следующий день проходит в полной энтузиазма подготовке: мы проверяем ящики и наблюдаем, как их один за другим уносят в направлении к Согуру.

В среду утром Вуане входит в нашу хижину и, удрученный, буквально падает на скамейку из утрамбованной земли.

— Маленький вождь приказал вынести ваш багаж за границу кантона; он запрещает вам входить в его пределы.

На этот раз мы уже ничего не понимаем. Никогда еще тома не обращались с нами так. Мы решаем выдерживать нашу программу, несмотря на это препятствие: Тони отправится в Масента, а мы будем ждать подтверждения этой, кажущейся нам невероятной, новости.

В середине дня перед нами предстает гонец в тропическом шлеме: он стоит навтыяжку, его голые ноги торчат из хорошо начищенных краг. С растерянным видом он приветствует нас по-военному и дрожащими пальцами протягивает мне ноту кантонального вождя. Почерк так неразборчив, что я прошу у гонца разъяснений. Он слишком взволнован, чтобы говорить. Возможно, он устал... Мы усаживаем его и наливаем стакан вина. Он понемногу успокаивается и, наконец, ему удается произнести несколько слов: в Согуру ему сказали, что мы избьем его, возможно, даже закуем в кандалы за то, что он принес нам такую плохую новость.

По приказу знахарей «маленький вождь» будет сопротивляться — он готов даже применить силу, если мы прибудем в его кантон.

Мы не представляли себе, что совершенное нашими союзниками-знахарями святотатство вызовет столь серьезные последствия. Мы слишком хорошо знаем законы гостеприимства тома, чтобы ошибиться: занятая вождем позиция равносильна объявлению войны.

Пока мы разговариваем, в хижину входят жители Ту-велеу. Они горячо берут нашу сторону. Одна из старых женщин, лечившихся у нас, приносит в знак дружбы орехи кола, другие тома следуют ее примеру. Гонец покорён.

— Я расскажу все, что видел,— говорит он.— Они поймут, что вы — друзья тома.

Мы просим его передать кантональному вождю последнее компромиссное предложение: если он разрешит нам присутствовать на церемонии большой татуировки, мы будем снимать только то, что могут видеть женщины. Снова отдав честь, гонец уходит, заверив, что принесет ответ самое позднее завтра на утренней заре.

* * *

Напрасно мы ждем его на следующий день! Около десяти часов утра по настоянию Вуане мы сами отправляемся в Согуру. Небо синее-синее, тропа совсем сухая. Мы быстро проходим несколько деревень. За эти дни отношение людей изменилось. Они здороваются с нами, но очень сдержанно. Понемногу Вуане теряет свою уверенность и замедляет шаг; он пытается шутить, вызвать симпатию жителей, но его беспокойство постепенно переходит в тревогу. На берегу какой-то речонки он останавливает нас, срывает несколько стеблей тростника и дает каждому из нас по одному.

— Возьми это,— говорит он.— Если хочешь быть сильным в Согуру,— а это ведь страна, в которой много колдунов,— нужно, чтобы ты держал это в руке.

— Ты думаешь, что это очень полезно? — раздраженно говорит Жан.

— Да, да, это очень надежно.

Неподалеку от границы кантона, на перекрестке троп, он падает ниц на землю, скрестив руки, и остается в таком положении несколько минут.

Мы входим в Эйсеназу, первую деревню кантона Уламаи. Поговорив с жителями, Вуане подходит к нам, опустив голову.

— Лучше, если я не пойду дальше,— говорит он.— Тома, если их принуждают, становятся злыми. Надо быть осторожным.

Мы не настаиваем и просим другого проводника. Против всякого ожидания, жители указывают мужчине, который будет нас сопровождать. Вуане берет себя в руки и занимает место во главе колонны.

Путь, ведущий прямо в Согуру, проходит через лес, в котором совершается обряд инициации. Чтобы не сер-

дить ведунов, мы выбираем кружную тропу, гораздо более длинную и утомительную.

В деревушке, названия которой я не знаю, нас поджидает человек в крагах. На другом конце деревни сидят на корточках старейшины. Ни один не встает, чтобы поздороваться с нами. По словам гонца, первоприсутствующий на татуировке и кантональный вождь идут нам навстречу.

Первоприсутствующий на татуировке? Разве это не Вэзэ?

— Уже нет, — с беспомощным жестом отвечает Вуане. — Его сменили.

Это внезапное смещение убедительно говорит о том, насколько ожесточены наши враги.

Вуане хочет покончить со всем как можно скорее и торопит нас идти прямо к вождю. Человек в крагах соглашается провести нас новой тропой, огибающей священный лес. Наскоро вырубленная, она щетинится острыми пеньками от срезанных куп-купом деревьев. Вуане шагает во всю мочь. Мы не хотим отставать от него.

Внезапно из чащи совсем рядом с нами раздается хриплый голос Афви. Я останавливаюсь; сквозь сетку лиан и ветвей видны силуэты мужчин и среди них большая черная маска.

— Живо, живо! — кричит наш проводник и бежит к деревне.

Не очень понимая, в чем дело, мы следуем за ним.

Мы уж знаем Афви, мы татуированы. Зачем же нам бежать от Великого Духа? Священная музыка позади смолкает, мы переходим на обычный шаг.

Тропа начинает спускаться. Между деревьями показались крыши хижин: Согуру. Это первая из виденных мной деревень тома, которая расположена во впадине, а не на вершине холма. В спокойном воздухе поднимается несколько синих дымок. Согуру — большая деревня. Я с удивлением вижу много прямоугольных хижин. Мы приближаемся. Ни одной женщины перед дверьми, ни одного старейшины.

Едва мы переступили границу из лиан, как со всех сторон внезапно появились мужчины. С непроницаемыми лицами они вмиг окружили нас. Я по обычаю попросил через Вуане хижину для отдыха и воду. Никто не

ответил. Враждебный круг сжимается. Мы уселись на землю, пытаюсь сохранить непринужденный вид.

Наконец появляется кантональный вождь. Он обращается к нам на языке тома, хотя говорит по-французски, и требует, чтобы Вуане переводил. Решение стариков бесповоротно: они окончательно отказываются разрешить нам снимать что бы то ни было. Тайны тома не для белых. Они готовы помочь нам в любом другом деле, но не хотят больше ничего нам открывать.

Я пытаюсь объяснить им наши намерения.

Мы никогда не применяли силу или хитрость, чтобы узнать тайны священного леса. Некоторые тома открыли их нам, своим друзьям, потому что доверяли нам. Мы обещали ничего не рассказывать женщинам и билакоро и никогда не покажем фильм в Африке. Мы готовы еще раз дать письменное обязательство. Если нам можно будет присутствовать на церемонии, мы не станем ничего снимать без их разрешения.

Тут к нам подходит незнакомый старик. «Руководитель татуировки», — шепчет Вуане. Старик приказывает мужчинам удалиться в лес, резким тоном бросает Вуане несколько отрывистых фраз и уходит.

Мы остаемся одни. Вуане посерел от ужаса.

— Старик сказал, что это я привел вас сюда, что я должен умереть и вы тоже.

Мы с Жаном смотрим друг на друга.

Нас трое безоружных. Невозможно предвидеть, что нас ждет. Прежде всего не следует проявлять ни малейшей нервозности. У нас есть только одно средство произвести на них впечатление: оставаться спокойными.

Жан встает, точными движениями заряжает свою «лейку» и, приложив глаз к видоискателю, ждет.

Вокруг нас возникает шум, он усиливается, хотя площадь по-прежнему пуста. Я чувствую покалывание в сердце.

— Готово, — бормочет дрожа Вуане, — сейчас они нас убьют.

В одну минуту мы окружены тома. Их, должно быть, около трехсот. Они невозмутимы, и это пугает меня больше, чем ярость, которую мы только что видели на их лицах. Фиштэ флегматично делает снимок за снимком. После долгого молчания кантональный вождь переводит мне слова старика.

— Если вы останетесь здесь,— говорит он,— люди также останутся вокруг вас. Вы не сможете пошевелиться. Вы не получите ни хижины, ни огня, ни воды.

Буане умоляет нас не настаивать:

— Теперь нам нужно уйти, патрон, нужно уйти.

К сожалению, мы вынуждены отступить и уходим, окруженные дюжиной мужчин. Они провожают нас, не говоря ни слова, до первой деревни и, лишь расставаясь, коротко прощаются:

— Гериа... Гериао...

Время от времени нам встречаются группы тома; они, без сомнения, знают обо всем, что произошло. Некоторые посматривают на нас иронически, другие, напротив, с сочувственным видом протягивают руку для принятого у тома приветствия.

Смеркается. Вконец усталые, мы вынуждены остановиться в деревушке задолго до Тувелеу. Тони как раз готовился выйти оттуда. Он достал магниевые лампы и так убежден в нашей удаче, что, кроме ламп, набрал подарков для жителей Тувелеу и, чтобы отпраздновать завершение фильма, несколько литровых бутылок вина, камамбер и колбасу — яства, которых мы давненько не видели.

Глубокой ночью нас будят стоны Жана. Он дрожит от озноба и жестокой боли в животе. Он так корчится от боли, что мы вынуждены положить его на циновку — невозможно оставить его в гамаке. Затем у него начинаются приступы рвоты и страшный понос. Мы шарим в аптечке. На всякий случай даем ему болеутоляющее.

До утра он продолжает стонать, кататься по циновке, а мы ничем не можем ему помочь. Буане в страхе твердит одно и то же:

— Это люди Согуру... Патрон, они его отравили!

Мы решаем нести Жана в гамаке, но в момент отправления он чувствует себя немного лучше и энергично отказывается. Мы ненадолго задерживаемся, чтобы понаблюдать за переноской. Жан идет впереди в сопровождении Буане.

В пятистах метрах от деревни у него снова начинается приступ неукротимой рвоты. Мы с Тони поддерживаем его за руки и медленно ведем вверх по длинному склону, оканчивающемуся у входа в Тувелеу. Вся де-

ревня, молчаливая и встревоженная, собирается у нашей хижины.

Мы укладываем совершенно обессиленного Жана на циновке, заворачиваем его в пуховое одеяло. Мы понятия не имеем, чем он болен, и не в состоянии его лечить.

Из священного леса, задыхаясь, приходит старый Зээ. Он осматривает Жана, очень нежно ощупывает его и после короткого разговора с Вуане исчезает. Через несколько минут он возвращается, со строгим лицом закрывает дверь и вынимает из складок своего бубу продолговатый хлопчатобумажный мешочек. Не без труда он извлекает оттуда сосуд из обожженной глины, покрытый запекшейся кровью и мелкими ракушками, откупоривает его, погружает в него палочку и слизывает беловатую клейкую жидкость, распространяющую тошнотворный запах. Он хочет этим показать, что бояться нечего.

Мы трясем Жана.

— Старый Зээ даст тебе сейчас лекарство, — объявляет Вуане.

Жан еле слышно спрашивает мое мнение:

— Ты бы это выпил?

— Я думаю, что больше ничего не остается. Как знать...

Мы поддерживаем его, чтобы он мог принять питье. Он открывает рот, проглатывает и делает страшную гримасу.

— Мерзко, — шепчет он. — Если я не подохну от этого...

Болезненные схватки; утихнув на короткое время, возобновляются с новой силой, и Жан слабеет с каждой минутой. Тони и я решаем отнести его в гамаке к дороге, а там устроить на грузовик, идущий в ближайший поселок, где есть европейцы.

Но когда Жан видит, что за ним пришли восемь носильщиков, он отказывается двигаться и старается собрать всю свою волю, чтобы превозмочь боль. Ему удается лишь усилить ее. Я помогаю ему подняться.

— Может быть, это всего лишь амебная дизентерия, Жан, но тебе надо уехать. Ты вернешься, когда станет лучше.

За ночь Жан стал неузнаваем. Наконец он уступает.

Люди по четверо сменяют друг друга. В нескольких метрах от меня, между голыми, блестящими торсами носильщиков, покачивается гамак. На очень крутых спусках или подъемах люди скользят в липкой глине, и временами голова Жана оказывается ниже ног. Я вижу бледное лицо, заостренный нос, бескровные губы Жана. Для него этот переход должен быть пыткой.

Когда мы проходим через деревни, люди молча, сочувственно, как жители Тувелеу, глядят нам вслед.

Мне часто кажется, что Жан потерял сознание. Я подбегаю и трясую его, но каждый раз он слабым голосом успокаивает меня:

— Нет, пока ничего, я продержусь.

В Бофосу мы, как всегда, останавливаемся в маленькой хижине напротив «У Барэ». Мы с Жаном уже в третьей экспедиции и до сих пор ни разу не разлучались. Мы ждем два-три часа. Нам не о чем особо разговаривать. Я связываю в узелок его вещи.

Приходит грузовик с белым водителем. Я втаскиваю Жана в кабину. Бледный, с откинутой назад головой, он сползает с сиденья. Он шепчет, что еще вернется снова, но я приказываю ему ехать без задержек во Францию.

Я смотрю, как грузовик удаляется, и не знаю, что будет с Жаном.

...Но у меня нет времени задерживаться — у нас, возможно, еще есть шанс завершить работу, и в Тувелеу меня ждет Тони.

12

Я возвращаюсь один — носильщики ушли сразу после того, как доставили Жана. Вконец измотанный, иду я, словно лунатик, через деревни, болота, лес, саванну. Оступел до того, что даже не чувствую усталости. В голове вертится одна и та же фраза: «Нужно заснять большую татуировку». Эта мысль привязалась ко мне, будто это вопрос жизни или смерти. Ночь застает меня в небольшой саванне за Серису, но мне ни на минуту не приходит в голову, что я могу заблудиться.

Мой приход в Тувелеу никого не удивляет. Деревня словно оцепенела. Сквозь открытые двери хижин поблескивают огни.

Тони ест с задумчивым видом, Вуапe и Зэзэ молча сидят рядом. При моем появлении все трое поднимают голову. Они не ожидали меня сегодня.

— Как Жан?

— Надеюсь, что выдержит... Когда я усадил его в грузовик, был все так же плох.

В нескольких словах я рассказываю о нашем путешествии.

Тони в мое отсутствие заснял виды деревни, записал новые для нас песни женщин. Я сообщил ему о своем решении пойти на все, лишь бы присутствовать на церемонии в Согуру. Он тотчас соглашается. Зэзэ, который долго слушал нас, не понимая, прерывает свое молчание:

— Я обещал, что вы будете в Согуру, и я вас провожу. Я пойду впереди, чтобы прогнать дурные гри-гри, которые они положат на вашем пути.

— Ты думаешь, они предупредят нас о дне праздника?

— Так должно быть. Гелемлаи уже получили подарки. Они должны сообщить о сроке всем тома. Мы, прикрывшись банановыми листьями, отправимся со всеми мужчинами, чтобы прибыть к татуировке.

Голоса обоих знахарей, вторя друг другу, звучат глухо, бесцветно. Они хотят сдержать слово, вот и все.

На следующий день, измученные бездействием, мы решаем «снимать, лишь бы снимать» и просим Вуапe проводить нас к пещере около Доэзия, в которой собираются духи предков. Он уже давно рассказывал нам об этом священном месте, но до сих пор отказывался вести нас туда. Сегодня он без колебаний соглашается, с одним условием: никто не должен об этом знать.

Немного не доходя Доэзия, мы сворачиваем с тропы и углубляемся в чащу. Вуапe прокладывает путь, быстро вращая куп-купом. Под проливным дождем с аппаратами за спиной мы боремся с кустами и стелющимися лианами, карабкаемся на покрытые колючками ветки, чтобы не сорваться в болото, и на время забываем обо всем.

Густая чаща сменяется подлеском, кроны деревьев смыкаются в вышине густым сводом. Огромные, поросшие мхом стволы взмстаются вокруг; ковер переноя скрадывает все звуки. Сквозь зеленую полумглу мы раз-

личаем в конце просеки гладкую стену черного утеса с большой треугольной впадиной.

— Это здесь,— говорит Вуане.

Входим в пещеру. Глубокий полукруглый зал, разделенный пополам огромным обрушившимся со свода камнем. В почти полной темноте я различаю на больших плоских плитах, измазанных кровью, груды гинзэ и посуды.

— В день каждого большого праздника здесь убивают быка, и каждый новый кантональный вождь должен прийти сюда, чтобы почтить предков,— объясняет Вуане.

Мы ищем на стенах следы росписи. Ее нет: голая, темная, мрачная пещера.

Затем Вуане ведет нас к пещере, в которой обитает дух Вэвэго — предка Зэзэ, а оттуда к месту, где приносятся жертвы предкам Ковобагоро. Он нарушил законы предков и привел нас к месту, где собираются все духи. Я вижу отвесные камни могил, лиловые от разжеванных орехов кола, плиты, покрытые кровью жертв, и впервые со всей отчетливостью понимаю, насколько тома привязаны к культу предков, под эгидой которых совершаются все важнейшие акты их жизни.

Углубляемся под навес, образованный почти пятидесятиметровой скалой. Переплетающиеся лианы тяжелым занавесом отделяют скалу от бруссы. Вуане указывает на лежащие в углу осколки черных горшков:

— Здесь мальчики учатся вызывать голос Аффви.

Он обводит взглядом убежище под скалой.

— Во времена силы те, кто боролся против белых, приходили сюда укрываться. Пушка ничего не может поделывать с этим. Даже самолет ничего не может.

— А знаешь,— говорю я,— с того времени белые изобрели машины, которые могут сокрушить что угодно!

Вуане задумывается.

— Это чудовищно,— произносит он наконец.

Мы идем обратно в Тувелеу. Снова ливень.

Вдруг у Тони начинаются ужасные колики. Те же симптомы, что и у Жана. В несколько минут его искаженное лицо худеет. Вуане в нанике и не знает, что делать. В его представлении над нами тяготеет проклятие духов. Тони плетется, согнувшись пополам, держась руками за живот, морщась от боли. Мы с Вуане поддер-

живаем его и с большим трудом преодолеваем последние несколько километров до Тувелеу.

Я хотел было отправить Тони в гамаке этим же вечером, но никто не соглашается идти ночью под проливным дождем. Всю ночь Тони корчится на циновке; его рвет. Зэээ, Вуане и я по очереди дежури́м около него, бессильные помочь. На рассвете Тони страдает по-прежнему. Ему придется отправиться тем же путем, что и Жану, добраться до большой дороги, оттуда, если возможно, до Масента. Но он ни за что не хочет, чтобы я сопровождал его. Нельзя же бросить аппаратуру, рискуя, может быть, потерять все за какой-то день до окончания совместно начатой работы.

Я знаю, что он прав, и не настаиваю. Потом разыскиваю Вуане, хотя и предвижу его отказ.

— Я чувствовал там запах гри-гри, — уверяет он. — Они направили против нас все злые силы. Два патрона больны. Туда не следует больше идти.

— Ты действительно не хочешь идти?

Вуане качает головой.

— Ты же слышал запах, это невозможно, — твердит он словно в галлюцинации. — Все слышали запах гри-гри.

Положительно я не могу на него сердиться.

Зэээ не против последней попытки, но идти в Согуру было бы для него самоубийством. Быть может, увидев, что я вернулся один, без оружия, после того как заболели Жан и Тони, тома примут меня наконец в свою среду. Если остается хоть один единственный шанс заснять сцены большой татуировки, я не имею права его упускать.

Но опасения Вуане и Зэээ поколебали меня, я чувствую, что как-то слабею. Перехожу от одной группы людей к другой. Наконец мне удастся уговорить друга Вуане, Акои, доброго пьяницу с вечной беззубой улыбкой, знающего два-три слова по-французски. Он наполовину невменяем и безобиден — даже люди Согуру не подумали бы его обвинить — и готов сейчас же идти.

Носильщики пускаются в путь. Тони, с бледным лицом, вытянулся в гамаке. Вуане будет сопровождать его до Бофосу. Я иду с ними до конца деревни, потом возвращаюсь, делаю знак Акои, и мы уходим в Согуру.

К счастью, дождь прошел, но вчерашние грозы наделали дел в лесу. Болотистые речки выступили из берегов, скользкая глинистая тропа усыпана сломанными ветками.

Ненадолго останавливаемся в какой-то деревне. Земля и соломенные крыши покрыты мертвыми или только что сорванными листьями. Меня охватывает смутная тревога и растущее желание остаться здесь. Медленным шагом я обхожу деревню. Вся жизнь в ней, кажется, угасла. Даже стариков нет. Мы с Акои совершенно одни. Празднество в Согуру, должно быть, уже началось. При этой мысли мое оцепенение проходит, мы снова пускаемся в путь и вскоре приходим в Эйсеназу.

Здесь начинается большой священный лес, в котором совершаются инициации. Останавливаюсь, не зная, как быть дальше. Едва только я присел на какую-то могильную плиту, как ко мне подходит группа ведунгов — я узнаю их по кривым трезубцам. Я не знаю ни одного из них, но вид у них миролюбивый. Один протягивает мне горсть красных орехов кола; в памяти всплывают советы Вуане: «Если нет ни одного белого ореха, тот, кто дарит, хочет тебя отравить».

Но колебаться сейчас нельзя. Раскалываю один орех и протягиваю половину старику. Широко улыбаясь, он разгрызает его одновременно со мной.

Никто не понимает по-французски. Я пишу записку кантональному вождю и главному руководителю инициации, прося их встретиться со мной. После короткого обсуждения собеседники соглашаются, чтобы Акои отнес записку в Согуру, но мне, очевидно, они не разрешат отправиться туда.

Начинаются долгие часы ожидания. Три старика усаживаются рядом со мной и пытаются завязать разговор. Мой словарь языка тома очень беден. В доказательство добрых намерений они приносят мне новые подарки: бананы, манго, калebasы со свежей водой.

Большие, ослепительно белые облака плывут в сияющем небе. В деревне ни малейшего движения. Я знаю, что игра окончена, что последняя ставка бита. Завтра, быть может, я покину страну тома, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. Меня охватывает какая-то тоска. Я смотрю на могилы предков, на круглые, раскрашенные черными узорами хижины, на высокий

пояс леса, на весь этот ставший привычным пейзаж, словно мне не придется все это больше видеть.

Почти одновременно приходят два гонца. Начальник округа Масента, предполагая, что я уже в Согуру, требует немедленно прервать съемки, так как в округе могут вспыхнуть волнения. Это — официальное распоряжение. Постоянный гонец кантонального вождя, человек в крагах, приносит почти неразборчивую записку. С большим трудом мне удастся расшифровать это послание. Когда празднество кончится, вожди и старейшины предоставят нам свободный доступ в кантон и сделают все, чтобы помочь. Мы уже знаем тайны тома, чего же мы еще хотим? По сути дела записка означает: «Если вы придете, мы вынуждены будем приостановить татуировку. Духи предков будут оскорблены, и мы все умрем. Но мы не хотим вам ничего больше показывать и предпочтем умереть».

Бороться бесполезно. Я успокаиваю обоих гонцов, что даже не буду пытаться идти в Согуру. Меня охватывает страшная усталость. Старики жмут мне руку, как принято у тома. Им удалось преградить мне путь, и, однако, они выглядят скорее огорченными, чем торжествующими.

Акои не вернулся. Я машинально побрел назад. Над шелестящим лесом спускается вечер. Никогда не чувствовал себя таким одиноким. Вдруг мне показалось, что я заблудился, и я в изнеможении уселся на краю тропинки. В это время появился Акои. Насвистывая как нельзя более фальшиво, он, молча взглянув на меня, прошел мимо. Почувствовав некоторое облегчение, я встал и направился следом за ним. Он несет на голове корзинку с подарками знахарей. Внезапно он оборачивается и ударяет себя в грудь:

— Акои, Согуру, очень плохо.

Я не понимаю. Он повторяет:

— Вуане, Зэээ, Акои, Согуру — очень плохо.

Кажется, я догадываюсь, но его наивная улыбка как будто опровергает его слова. Что ж, подожду объяснения до Тувелеу.

Зэээ и Вуане входят и, не говоря ни слова, усаживаются в моей хижине. Сильно жестикулируя, Акои подробно описывает паше путешествие. Освященные лампой-молнией, их лица блестят в тени.

Уже четыре месяца мы живем вместе. Мне казалось, что я знаю этих людей, но я никогда не видел их такими, как в тот вечер. Вуане застыл с трагическим выражением лица, с широко раскрытыми глазами, Зэээ выглядит старше и сутулее, чем обычно. Медленно выпрямившись, он начинает говорить слегка надтреснутым голосом. Вуане переводит:

— Колдуны в Согуру сказали: «Зэээ был самым сильным, но он выдал нашу тайну белым, он дал им быть пожранными Афви, и теперь их тела носят следы его зубов, словно тела тома, а это невозможно. Белый — это белый, а черный — это черный. Вуане, который водил белых, Вэго, который им помогал, Акои и все люди Тувелеу, которые показали Афви, также виновны. Зэээ, Вуане и Вэго после ухода белых пойдут в Согуру, и там над ними будет суд».

— Вы пойдете туда? — спрашиваю я.

— Я настоящий тома, — отвечает Вуане, — я не могу жить вне моей страны. Я должен туда пойти.

— Если мужчина сделал что-то постыдное, — говорит Зэээ, — ему лучше умереть на месте. Я пойду.

— Я сделаю все, чтобы помочь вам, — говорю я.

— Ты ничего не можешь, — отвечает Зэээ, — это внутреннее дело тома. Вы ничего не делали силой. Вы не обманывали нас. Не надо жалеть о том, что сделано. Нас не в чем упрекнуть, и на суде сила будет на нашей стороне. Завтра деревня даст тебе носильщиков, и мы проводим тебя в Бофосу.

Мы молча разделили нашу трапезу. Все в Тувелеу знают, что произошло; несколько старух приносят орехи кола. Старейшины и старики садятся вокруг нас. За дверями хижины в ночной темноте блестят глаза жещици и детей. Опп не хотят оставлять меня в одиночестве.

13

Сидя у стены, я смотрю на Зэээ, Вэго и Вуане, уныло глядящих перед собой. Я хотел открыть тайны тома, надеялся найти в хранителях местного культа существа особого склада, по сегодня вечером, увидев их страх, понял, что они просто люди.

Я приехал сюда в поисках логического объяснения, с потребностью дать всему наименование, все классифицировать. Я пытался узнать причины всего, не отдавая себе отчета, что тома устанавливают иные, чем мы, связи между явлениями. «Потому что это так», — отвечали они мне или давали объяснения, которые не могли меня удовлетворить. Я настаивал, часто даже подсказывал им возможные объяснения; они всегда в конечном счете выбирали одно из них либо потому, что оно казалось им более привлекательным, либо просто чтобы доставить мне удовольствие и избавиться от расспросов.

Я все время наталкивался на противоречия, которые они не считали противоречиями. Все эти духи леса, созданные, по признанию самих тома, людьми, все эти гри-гри, являющиеся объектом купли и продажи, эти маски, это пристрастие к тайне ради тайны — все это немного сбивало меня с толку, и я всюду видел только один обман.

Я требовал от тома нечеловеческой ясности и точности.

Предсказание молнии в Доэзии и раздвоение Вуане в Сагпау, необъяснимые каждое само по себе, сближаются с явлениями предчувствия и внушения, которые еще мало изучены, но бесспорно существуют. Я не был удивлен, что обнаружил их у людей, более подчиненных инстинкту, более внимательных, чем мы, к снам, к совпадениям, ко всем темным силам.

Подсознательно я ждал от них другого; поведение трех знахарей и людей из Согуру в этот вечер приоткрыло мне истину.

Первая проблема, на которой я споткнулся, это проблема происхождения человека. Тома никак не объясняют ее себе, так же как не пытаются представить себе посмертное существование, в которое они, однако, верят, — я убедился в этом из посещения пещеры, отведенной духам предков. Как мы могли констатировать, тома убеждены в существовании призраков и беспрестанно говорят о духах. Но что означают эти слова в их устах?

Я вспоминаю ворота у входа в лагерь инициаций в Ниогбозу и изображения духов под небольшим навесом. У нас должна быть прошлогодняя фотография. Лихорадочно я перерываю бумаги и вскоре нахожу ее. И тут

же перед моими глазами вырисовывается космогония тома. Я не мог понять ее в то время, так как я не знал Окобюзоги, тайную маску и воплощение Афви.

Сейчас я без труда отождествляю его с большим Х-образным знаком, который закрывает его лицо и отличает от всех других воплощений. Слева от него сидят по порядку мужчина, женщина и животное. Они опираются на стену, по которой между схематическими рисунками ползет большая змея. Все теперь понятно, все так просто, как я и не мог предположить.

«Вначале, — говорил Зэээ, — были вода, змея, Бели-масаи и Зази». Первоначально я склонялся к мысли, что это символы четырех стихий — земли, воды, огня и воздуха, но речь, видимо, идет о какой-то иной аналогичной структуре. Вода представляет то, что внизу, материю; громовой камень — небо, откуда пришли первые «снадобья»; змея — связь между ними, первое проявление жизни, предшествующее появлению человека.

Это наблюдение и наличие Окобюзоги раскрывают мне значение масок. Окобюзоги, тайное воплощение Афви, посвященное, как указывает его имя, великому блюстителю культа, герою и основателю деревни, символизирует оккультную власть. Чета Бакороги, мужчина и женщина, представляют человеческие существа с иерархией и разделением полов, лежащими в основе общества тома. Животный мир представлен в Ангбаи, «облаченном в шкуры», и уэнилегаги, «облаченном в перья».

Ланибои, как объяснил мне Вуане, занимает особое место. «Раньше все люди были большими, как ланибои».

Возможно, речь идет о представителе светской власти, о предке — военном вожде, вроде старого Крэана.

Я мог бы долго доискиваться происхождения масок; оно, как и происхождение человека, теряется во мгле времен, потому что сам Афви порожден единством всех тома. И не он сотворил их, а, как сказал Зэээ, «мы, зоги, сделали все это». Эта фраза в ее буквальном значении довершила мое прозрение. Между тем Зэээ имел в виду только маски, талисманы — внешние формы религии, предназначенные поддерживать традицию, стражем которой является он, зоги. Без этих символов, без этих обрядов исчезла бы традиция, а с нею и социаль-

ная структура, выражением которой она является. Тома думают, что без этих законов предков они не могли бы жить.

Хранители фетишистского культа не обманывали меня, когда, дав мне возможность услышать голос Великого Духа священного леса, говорили: «Вот великое дело, великая тайна, которую не должен знать ни один белый». Голос, слово, которые делают человека отличным от других существ,— единственное проявление Афви, высшего существа, содержащего в себе все символы космогонии тома. «Афви — это союз всех тома». В моих глазах это какая-то абстракция, и тем не менее я хорошо знаю, что для тома Афви неотделим от всех своих воплощений. Давным-давно предки тома, пришедшие, по словам Вуане, со всех сторон, объединились, чтобы защищаться от леса, от других людей. Это не единичный случай — племена бони и ньига в Гвиане также создали космогонию, позволявшую им поддерживать существование в лесах Верхней Марони, куда они, беглые черные рабы, сошли со всех концов Африки. Тома поняли, что их существование зависит только от их единства, и возвели это единство в подобие божества, Афви, Великое существо, воплощение Общины, которое пожирает юношей, чтобы приобщить их к племени.

Обряды священного леса полностью соответствуют этой символике. Юному тома в момент его посвящения открывается эта великая коллективная сила. Он отказывается от своей индивидуальности, чтобы стать частью этой общины тома, которая сопричастна Афви, Духу, и отождествляется с животным миром через свои тотемы.

Но сила этой традиции основана на тайне: именно оккультизм отсекает тома от всякого обмена с внешним миром и тем самым ставит определенную границу их форме цивилизации. Это — религия тома для тома.

Но уже устанавливаются всесторонние контакты с другими племенами и с белыми; эти контакты вынуждают тома выйти из своей изоляции. Лес становится менее враждебным, а скрытность перед чужими — менее необходимой. Трое помогавших нам смутно чувствовали это и потому открыли нам свои тайны, но, к сожалению, то, что наша цивилизация приносит тома, не

подходит к их нуждам. Вот почему знахарь и ведунья, собравшись в Согуру, снова закрыли брешь, пробитую в стене священного леса.

Мы пришли к тома, исполненные доброй воли и готовые подчиниться всем их требованиям, чтобы все понять. Но они хорошо знали, что мы не собирались выстроить себе хижину, обрабатывать свой участок и окончательно влиться в их общину. Мы приняли все внешние формы посвящения, но не его реальные последствия.

— Теперь, — с полным основанием заявляют они, — вы знаете наши тайны, чего же вы еще хотите?

Зэээ и Вуане поставили себя своим поведением вне общины, они боятся ее и не поддающихся контролю сил, которые, по их мнению, должен развязать всякий поступок такого рода. Наше появление и вызванный им инцидент помимо нашей воли нарушили древний порядок и заставили тома поставить перед собой вопросы, на которые невозможно получить какой-нибудь ответ и которые они избегали ставить до сих пор.

Тут я замечаю, что в своих размышлениях исхожу из психологии европейца. Для тома же все эти символы живут, вступают в противоречия, связываются между собой, и их нельзя так просто классифицировать.

Им нечего было мне объяснять. Я должен был сам вникнуть в суть явлений.

14

— Не занимайся носильщиками, — говорит мне Вуане, — аппаратура придет позже.

Жители Тувелеу собрались у границы деревни. Их взгляды подернуты дымкой грусти, они не говорят ни слова. Многиежимают мне руку по-европейски. Дети смотрят на меня большими серьезными глазами. Мне совсем не хочется уезжать, но я хорошо знаю, что мне здесь больше нечего делать. Последний раз мы спускаемся по тропе, ведущей в Бофосу.

Три блюстителя культа молча идут передо мной. Я не устаю на этот раз смотреть на страну тома, как будто боюсь ее забыть. Мы проходим мимо участков пашни. Из земли, черной от выжигания деревьев и кус-

тов, с торчащими там и сям большими обугленными стволами, пробиваются первые нежно-зеленые ростки риса. На полях — маленькие временные хижины из пальмовых листьев. В них живут со своими семьями сторожа, гоняющие птиц. Когда мы проходим мимо, люди приближаются к троне, чтобы поздороваться с нами. Ритуальное похрустывание пальцев звучит дружески, но я чувствую, что невидимая связь уже порвалась. Позади меня жизнь тома входит в свое обычное русло.

Придя в Бофосу, я направляюсь к хижине Барэ. Над дверью вывеска, сделанная нами — Жаном, Тони и мной: «У Серебряной Башни. Харчевня № 1. Барэ, собственник в Бофосу».

В синем фартуке и шортах, Барэ при помощи резинового шланга переливает вино из бочки в бутылку. Он выпрямляется и улыбается.

— А, патрон, я думал, что ты уже умер.

— Как Тони?

— Я его видел. Он был очень болен. Он уехал в Масента.

Барэ приносит два стакана, наполняет их. Мы недолго болтаем.

— А как кино? — спрашивает Барэ.

— Ты же знаешь, что случилось.

— Да. Эти люди из Согуру вовсе не злые, они просто ничего не понимают, вот в чем дело.

— Может быть, — отвечаю я, пожимая плечами. — Сейчас это уже неважно.

Я больше не слышу, что говорит Барэ. Я опустошен, мне кажется, что я вырвался из какого-то кошмара.

Стемнело. Уже поздно ехать в Масента, да и нет грузовика. Я вешаю свой гамак в нашей хижине напротив харчевни.

Между мной и тремя знахарями уже пролегла борозда. Они удаляются в хижину Вуане, на другом конце деревни, и я ем один, сидя на корточках. Они не приходят провести, как обычно, вечер в долгой беседе. Им больше нечего мне сказать. Они боятся моего отъезда и в то же время стремятся его ускорить. Потом они останутся одни среди своих враждебно настроенных братьев. «Это внутреннее дело тома».

Я просматриваю мой режиссерский блокнот и убеждаюсь, что после неудачи в Согуру фильму недостает многих кадров. Одному их снять невозможно. Прикидываю все возможные комбинации монтажа, но все время наталкиваюсь на те же неразрешимые проблемы. Завтра утром попробую связаться с Тони — может быть, он будет в состоянии мне помочь.

Отправив утром с местным шофером письмо Тони, я кручусь по Бофосу и несколько раз дохожу до хижины Вуане; Зэээ и Вэго неподвижно лежат в наших гамаках. Вуане, повернувшись на циновке к стене, притворяется спящим. Я присаживаюсь рядом и трясую его за плечо:

— Вуане, я прошу Тони вернуться. Я жду его.

Вуане приподымается.

— Но он не выздоровел!

— Все же я надеюсь, что он сможет прибыть. И ты мне нужен для фильма.

Вуане встает и идет со мной через деревню. Мы ходим к Барэ и вместе пьем добоиги.

Потом мы стережем машины у обочины дороги. Вуане молчит. Я даю ему сигарету, и мы курим, не говоря ни слова...

К вечеру у обочины останавливается грузовик. Из него выходит Тони, настолько слабый, что мне придется его поддерживать. Теперь я упрекаю себя за то, что вызвал его. Он заявляет, что чувствует себя гораздо лучше, но не может есть и еле держится на ногах.

После очень тягостной ночи мы все же пытаемся заснять необходимые кадры. Между съемками Тони вынужден прилечь, а тома, совсем потерявшие интерес к нашей работе, совершенно не помогают нам. Скрепя сердце они согласились сниматься, но весь их энтузиазм пропал...

Словно для того, чтобы усилить наши сожаления, никогда еще лес не казался таким роскошным, никогда еще краски базара в Бофосу не были такими яркими под этим безбрежным небом, на котором наконец сияет солнце.

Слуги Барэ грузят вещи на машину. Это зрелище привлекает массу любопытных, но вдруг толпа почти-

тельно расступается и пропускает мужчину с внушительной осанкой. Он держит в руке нечто вроде вытянутого серпа, похожего, быть может, на орудие, которым друиды * срезали священную омелу. По этому священному предмету я узнаю Даразу Коивоги, соперника Эзэ, гадалея из Аиорезиа, которому удалось запретить нам вступать в священный лес. Он бесстрастно протягивает нам руку. Не знаю почему, мы отвечаем на приветствие. Потом он поворачивается к нам спиной и молча уходит.

Мотор уже работает. Шофер ждет. В инстинктивном порыве подходят наши друзья-знахари. Мы стоим одной тесной группой и никак не можем расстаться.

— Духи леса помогут вам... Даже во Франции,— говорит Эзэ.

Буане не выпускает моей руки. Лицо Вэго теряет свою неподвижность. Мы перемахиваем через задний борт, грузовик трогается, и вскоре мы различаем в пестрой толпе только три неподвижных силуэта.

У края деревни нам встречается одинокий путник: это Вуриаколи, первым отказавшийся открыть нам тайны тома. Он тоже узнал нас и приподымает свой трезубец. Бофосу исчезает из виду. Лес как будто снова смыкается поверх дороги. Грозовые тучи надвигаются на страну тома.

* Жрецы древних галлов.— *Прим. пер.*

I

Чтобы сделать маску, как Ангбан

Нужно принести жертву под деревом булон:

1 яйцо, 2 гинзэ, 7 комков рисовой муки, свернутую циповку, белый орех кола, красный орех кола. Ты кладешь все сверху и говоришь свое имя. Ты вонзаешь топор в дерево и говоришь ему:

«Если ты принимаешь подарок, ты дашь мне богатство».

Если топор назавтра упадет, значит, он не согласен, чтобы ты был его женихом.

Потому что, если у тебя есть невеста, ты ей даешь три полосы материи на бубу, орехи кола и гинзэ.

Если топор не упал, то ты готовишь дерево и даешь ему целый месяц сохнуть. Если ты не умеешь вырезать маску, то отдаешь дерево деревенскому кузнецу **. Затем зогн кладут сверху священные листья. Ты даешь им цыпленка за то, чтобы войти в бруссу, и цыпленка за излечение хозяина гри-гри, семнадцать гинзэ, семь орехов кола, метр полосы белой материи, метр желтой и метр полосатой.

Ты спиваешь все в ширину и даешь старому зогну, который содействовал, чтобы топор не упал.

Еще калобасу, наполненную рисом.

Еще калобасу, наполненную пальмовым маслом.

Еще калобасу, наполненную сушеным мясом.

Еще кило соли.

Затем зогн требует петуха, которого надо убить над гри-гри, когда он дает свое имя.

Потому что ночью, во сне, гри-гри скажет каждому свое имя.

Зогн говорит, что нужно жениться на жепцине после того, как женился на гри-гри.

Рассказы Вуане, записанные с его слов.

Кузнец является одновременно корзищцком и столяром.

Тогда ты даешь 207 связок гинзэ, красного петуха и белого петуха.

Если ты зогп, то, пока ты не женился на грп-грп, ты не можешь взять жен.

Когда гри-гри сказало свое имя, оно помогает тебе до конца твоей жизни.

II

Значение названий населенных пунктов

Нюгбозу: Равняйтесь.

Бофосу: Там, где много лиан и тени.

Тувелеу: Там, где много орехов кола.

Богбозу: Там, где много кривых лиан.

Геригерика: Страна, где люди очень хитры.

Бобокозу: Страна, где пчелы очень кусают.

Котэзия: Страна, где находится белая картина.

Багуромаи: Страна, где если люди говорят «нет», значит, пет.

Серинке: Местность в равновесии.

Доэзия: Куда все должны идти.

Ворибасу: Там, где молятся о торговле и она идет хорошо.

Ферезия: Там, где водятся молодые куропатки и где ты делаешь зло и добро без последствий для себя.

Воруа: Там, где луна светит большую часть ночи. И если у тебя там есть сын, он станет вождем.

Таипама: Там, где люди слишком много врут.

Фасазу: Там, где большая скала.

Сингега: Там, где был слоп.

Апорэзия: Куда приходят все дьяволы.

Сэбуамаи: Где хорошие сны.

Сурогозу: Где выставляют часовых, когда идет война.

Согуру: Где много колдунов.

III

Объяснение снов

Если тебе снится, что змея переползает через дорогу, это очень плохо.

Если ты танцуешь посреди толпы, это очень хорошо.

Если ты говоришь с черной женщиной, это хорошо, особенно если ты должен совершить путешествие.

Если ты говоришь с белым мужчиной, внимание, пужно вымыть гри-гри.

Если ты говоришь с белой женщиной, это очень, очень, очень хорошо.

Если ты видишь белого барана с черной шеей, если ты видишь, что гри-гри летает, как самолет с красным огнем, то ты наверняка выиграешь. Потому что это все — дух гри-гри. Он дает тебе силу.

Если тебе снится, что у тебя бубу-«снадобье» и трезубец среди множества людей, то ты будешь иметь много жен, много мальчиков и много добра.

Если тебе снится, что ты дуешь в горшок Аффи и твой голос плох, значит, против тебя есть заговор. Но если голос хорош — с тобой союз.

Если ты зог и тебе снится, что ты татуируешь, значит, ты убьешь злого колдуна, который бросает гри-гри тебе во вред.

IV

Жертвоприношение змее

И вот, когда большая змея говорила со мной ночью, утром я иду делать такое жертвоприношение:

- белого нетуха;
- барана;
- белые орехи кола;
- белый толченный рис.

Иногда бывает тамтам, но никто не видит змеи.

Я же ее вижу: есть такое место подальше, которое я знаю, где змея спит, но вы не можете туда пойти, потому что змея не хочет, а именно она распоряжается.

Это та же змея, которая была с моим дедом, я это знаю сейчас.

V

Чтобы получить покровительство змея

Ты спрячешься в чаще.

Если ты видишь змею и его жену, ты следуешь за ними.

Когда они совокупаются, это длится очень долго. Ты продолжаешь прятаться. Это может длиться несколько дней. Когда это кончено, жена змея не может больше двигаться. Тогда змей

уползает в чащу и собирает там листья деревьев, которые он знает.

Ты смотришь хорошо, чтобы не забыть.

Он возвращается и кладет листья на жену. Тогда жена змея снова живет, и они уходят вдвоем.

Ты выходишь из своего тайника и собираешь листья на тех же деревьях, и из них ты можешь сделать снадобье. Змей поможет тебе и даст тебе всю свою силу.

VI

Испытание ядом, предлагаемое хранителем культа во время церемонии татуировки

Когда зогги прибывает для татуировки со своим гри-гри, ему дают семь пакетов по 20 гинзэ.

Делят детей, подлежащих татуировке.

Все хвалят один гри-гри за другим, их там 50 или 60.

Делают подарок лучшему.

Убивают быков. Приносят большое блюдо красной фасоли с мясом посередине, которое называется протовап. Самый большой зогги кладет туда очень сильный яд, желчь каймана, и говорит:

— Созовите всех дьяволов. Лучший съест большое блюдо, в котором яд.

Зогги накалывает трезубцем большой кусок мяса. Он ест желчь каймана. Он сгибается шесть раз, на седьмой все кончено, он уже не болен. Он говорит:

— Вы можете кушать.

Остальные не хотят.

— Нет, то, что бог дал тебе,— говорят они,— мы этого есть не будем.

Зогги берет рис в листьях гри-гри.

— Вы можете есть, вы мои дети и не умрете.

Его ученики подходят и едят. Они не умирают.

Зогги говорит другим:

— Все, кто пришел со своими гри-гри, должны заплатить мне штраф. Иначе, так как они не хотели есть мое блюдо, я пацлю на них болезнь.

В день татуировки зогги не должны спать на земле.

Почему мужчины не должны доверять женщинам

Один человек и его жена после долгого пути пришли к берегу моря. Они жили там спокойно.

Однажды пришел какой-то мужчина, который был духом, весь покрытый язвами, словно проказой.

Женщина не хотела, чтобы он входил в хижины, но мужчина заботился о нем и давал ему еду, пока тот не выздоровел.

Потом он отвел его к дороге и они беседовали вдвоем.

Женщина следовала за ними, прячась в чаще.

Перед большой скалой дух остановился и сказал мужчине:

— Ты вернешься сюда один. Ты скажешь тайные слова и найдешь золотые стульчики и всякое богатство.

А затем он исчез. Женщина сейчас же вернулась домой. Поэтому мужчина не знал, что она следовала за ним.

Пришел парень, и, пока ее муж спал, женщина все ему рассказала, и она хотела взять с ним богатства.

Они пошли к скале. Они сказали тайные слова, и они получили все богатства, а потом пришел мужчина и в свою очередь попросил богатства.

И дух ответил, что он уже все дал.

И когда мужчина вернулся в хижину, там ничего не было.

Вот почему никогда не нужно доверять женщинам.

Вл. Иорданский

РАСЧИЩЕННЫЕ ПОЛЯ СРЕДИ ЧАЩОБЫ ДЖУНГЛЕЙ

У французского кинематографиста появилась мысль создать фильм о тайных обрядах какого-либо африканского народа. Его выбор пал на тома, небольшую этническую группу, живущую в горных джунглях Лесной Гвинеи. Насколько можно судить, выбор был совершенно случаен.

Самолет доставил созданную кинематографистом группу в столицу Гвинеи Конакри. От столицы до города Масента, центра области, где можно встретить тома, ведет хотя и не гудронированная, но достаточно хорошая дорога. Если не лопнет шина, не испортится что-то в моторе, достаточно двух-трех дней, чтобы проделать весь этот путь. Путешествие продолжалось на автомашине.

Руководителю группы во что бы то ни стало хотелось снять на пленку церемонии, которые совершаются в таинственном «священном лесу». Этой цели он и добивается с завидным упорством. И все-таки терпит неудачу. После нескольких месяцев пребывания в краю тома ему приходится вернуться в Париж практически с пустыми руками. Но человек безусловно наблюдательный, умный, профессионально владеющий журналистским пером, он решает написать книгу о своем коротком путешествии.

Пьер-Доминик Гэсо, автор репортажа «Священный лес», объясняет неудачу своих попыток создать фильм о верованиях тома сопротивлением деревенских старейшин и колдунов. Он говорит об их «темноте» и неприязни к чужеземцам. Эти люди, по его мнению, возмутили умы тома до такой степени, что в крае едва не возникли беспорядки. Только отъезд его съемочной группы охладил накалившиеся страсти.

Что же, отчасти автор книги прав. Конечно, никто из тома не знал и не понимал, почему их сокровенные тайны вдруг заинтересовали назойливых иностранцев. В деревнях Лесной Гви-

неи не имели представления о требованиях буржуазного кинематографа, стремящегося пощекотать нервы зрителей сенсационной экзотикой. Но там прекрасно сознавали другое: праздность любопытства приезжих «белых». И естественно, опасались, что те своими действиями вольно или невольно могут осквернить народные святыни.

Эта реакция тома на вторжение чужаков была нормальной. Задумаемся над тем, какое место священный лес занимает в культуре тома, в их системе истолкования мира.

Согласно народным представлениям, в центре всего мироздания находятся деревни, обитатели которых связаны между собой общностью происхождения от единого предка. В непосредственной близости от деревенских хижин — небольшие огороды, где женщины выращивают овощи, пряности, различные приправы к семейному столу. Еще дальше от центра деревни — поля горного риса, а за ними — девственный лес, где к земле никогда не прикасалась крестьянская мотыга. Множество мелких и крупных водных потоков пересекают край тома.

Линия леса, виднеющегося за участками возделанной земли, могучего, с огромными, вздымающимися к небу деревьями, образует как бы границу культурного мира. Конечно, эта граница весьма условна, и силы, которые народное воображение изгоняет из культурного пространства в чащобу леса, приближаются к деревьям, как только на землю опускаются сумерки. Лес противостоит деревне, как хаос противостоит порядку, как стихия противостоит культуре. Именно лес осмыслиется народным сознанием как обиталище мифических существ, которые господствовали над вселенной до того, как человек, овладев огнем, ремеслами, земледелием, образовал свой «собственный» микрокосм культуры.

Социальный мир деревни, микрокосм культуры и порядка, не только противостоит лесу — символу стихийности и хаоса, но и взаимодействует с ним. Человек ищет в лесу лекарственные средства, которые в его глазах имеют магический характер и наделены таинственной силой. Из глуши леса выходят оборотни, принадлежащие к тайным обществам людей-пантер, людей-крокодилов. Тем, кто знает и соблюдает его законы, лес посылает дичь, позволяет найти плоды, съедобные корни.

Лес именно то место, где земледельческое общество тома могло установить живые повседневные связи с невидимым, но в его представлениях реально существующим мифическим миром, где живут и действуют его покровители — различные божества, духи, прародители племени. А такие связи были обще-

ству необходимы, ибо давали ему ощущение собственной силы, вселяли уверенность в способности выжить в трудных, суровых природных условиях.

Но постепенно лес отступает все дальше и дальше от деревень. Ведь по мере того как увеличивается количество поселений и возрастает численность всего населения края, в хозяйственный оборот вовлекаются новые и новые земли. Джунгли вырубаются, выжигаются, отодвигаются к горизонту. И тогда земледельцы начинают оставлять вблизи деревень участки девственного леса, которые объявляются неприкосновенными. Иной раз на опушке устанавливаются специальные «знаки» — небольшие резные фигуры, предупреждающие случайного путника, что ему лучше обойти стороной это место.

Такие «священные леса» известны не только у тома. Они существуют у йоруба Нигерии, у фонов нынешней Народной Республики Бенин, у многих других народов Тропической Африки. И повсеместно с ними связаны наиболее важные для жизни и потому наиболее тщательно скрываемые обряды. У фонов, к примеру, в «священных лесах» находятся алтари бога-оракула Фа, который раскрывает людям, какая судьба уготована им одним из двух верховных божеств — богиней Маву. Но, может быть, самое важное: там обычно находятся лагеря, где юношей и девушек под руководством специальных наставников готовят к обряду инициации, или посвящения в полноправные члены деревенской общины.

Нет народа, который не защищал бы покровом тайпы то, что считает священным. Однако для человека, знакомящегося с народной культурой, не в этом обычно заключается главная трудность в понимании ее «секретов». Зачастую ему сначала следует избавиться от груза предубежденности, от националистического высокомерия. В качестве иллюстрации — небольшой пример.

В конце 30-х годов один наблюдательный французский этнограф, работавший в Бенине (б. Дагомея), заметил, что в местных судах свидетели охотно присягают говорить правду именем бога Маву, но обычно избегают клясться другими богами. Ларчик открывался просто. Как оказалось, миссионеры словом «Маву» перевели на местный язык имя библейского бога, и на рисунках, распространяемых среди населения, Маву изображали в виде почтенного белобородого старца. Горделивые миссионеры, видимо, не знали, что у фонов Маву — это богиня, олицетворяющая жепское начало Вселенной. Дагомейцы открыто выражали свое недоумение тем, что их богиня обрела в книгах

«белых людей» мужское обличье, но одновременно с охотой присягали именем старца, который, очевидно, будет не в силах покарать их за клятвопреступление.

Премах миссионеров может вызвать улыбку. И его легко понять, если вспомнить царившее в Западной Европе в колониальную эпоху пренебрежительное отношение к африканцам, к их культуре.

Колониализм способствовал возникновению и распространению за пределами Африки крайне извращенных, крайне превратных представлений об африканских народах. Общение между африканцами и европейцами зиждилось на порочном основании неравенства и угнетения, причем европейцы не могли не сознавать несправедливости своего привилегированного положения. Их психологическая реакция на сложившийся в колониях порядок вещей, реакция очевидно уродливая, проявилась в попытках самоутвердиться, рисуя полностью фальшивый образ африканца, его культуры и духовной жизни. Ими утверждалось, что африканцы не способны управлять собственными делами, что они ленивы, что они не смогут освоить природные богатства своих стран и т. д. Дополняя этот невеселый перечень предрассудков и предубеждений, голландский социолог А. Кеббел упоминал о широко распространенном среди европейцев в колониях мнении, что африканцы фатально не в состоянии... провести прямую линию.

Изжито ли на Западе это отношение к африканцам? Отнюдь нет. Британская печать постоянно сообщает о преследованиях, которым подвергаются «цветные» в Англии. Вспышки расизма не редкость и во Франции. И это не случайно. Ведь буржуазные средства массовой информации продолжают питать расистские настроения. Когда в мае 1978 г. в Шабле вспыхнуло народное восстание, оно явилось предлогом для нагнетания во всех странах Запада самых низменных человеконенавистнических и расистских страстей.

Было бы, однако, неверно забывать и о другом — о работе многих честных журналистов и ученых, которые своими репортажами и исследованиями приоткрывают перед нами сложный, самобытный мир народной африканской культуры. Такая работа, чтобы быть успешной, требует огромного напряжения сил, ей противопоказаны торопливость и погоня за сенсационностью. Истинным уважением к культуре народа проникнуты исследования английского этнографа Р. Рэттри, посвященные ашанти Ганы, труды англичанина Э. Эвалс-Притчарда о нуэрах и азаде Южного Судана, монография бельгийца Ж. Ван Винга о ба-

конго Заира, работа французского ученого Р. Жолена о сара Чада. И это далеко не полный перечень.

Книга П.-Д. Гэсо — это очерки журналиста, который сравнительно недолгое время пробыл среди тех, кому посвятил свой репортаж. Есть в этой книге и страницы, на которых лежит отпечаток авторского стремления поразить читателя рассказами о «таинственном» могуществе колдунов и знахарей тома. Это дань и моде, и требованиям рынка, с оглядкой на который работал журналист.

И все же репортаж П.-Д. Гэсо заслуживает доброжелательного внимания. Рассказывая о том, почему ему не удалось сделать фильм о «священном лесе», он рисует яркие образы интересных, умных людей, с которыми ему пришлось либо сотрудничать, либо, напротив, сталкиваться. Вместе с журналистом читатель оказывается перед лицом сказочно богатой и одновременно суровой к человеку природы, знакомится с обществом, быт которого необычен. Мировоззрение тома становится нам ближе и понятнее.

Тысячи нитей связывают это общество с землей. Земледельцы, охотники и рыболовы тома знают, что само их существование зависит от того, насколько богатым будет урожай риса, как обилён будет сбор орехов масличной пальмы, насколько успешным окажется поход в лес за дичью. Им прекрасно известны свойства почв, они разбираются в различных сортах риса, за века у них сложилась агротехника, которая обеспечивает более или менее гармоничное соотношение урожайности и потребностей общества в различных продуктах питания.

Глубокий отпечаток на быт, на культуру общества тома накладывает сложившаяся в ходе исторического процесса взаимоотношений с природой система разделения труда. В своих основных чертах она идентична той, что существует у соседних народов — герзе, киси, малинке. В круг обязанностей мужчин входит расчистка земельных участков, рубка и выжигание поваленных деревьев и кустарника, тогда как женщины сеют рис, наблюдают за посевами и убирают урожай. Мужским делом является охота, из ремесел — ткачество.

Эта система разделения труда, закрепившая подчиненное положение женщины, служит источником постоянных внутриобщинных конфликтов. Но вместе с тем она точно определяет место каждой возрастной группы, место мужчин и женщин в общественном производстве.

Труд — это главное начало во взаимоотношениях общества тома с землей, с природой вообще. Но не единственное. Почему

дичь то изобилует в окрестных джунглях, то пропадает? Почему неожиданные эпидемии уносят людские жизни? Почему урожайный год сменяется неурожайным? Внутренние законы природы, естественные причины различных природных явлений, механизм плодородия почв остаются скрытыми от человека. Однако если его объективные знания скудны, ограничены, то это не значит, что у него вообще не имеется собственного истолкования окружающей действительности. Правда, оно, по современным понятиям, фантастично, ложно, но сами тома убеждены в его истинности.

Тома уверены, что гармония в природе, ее нормальный ритм, плодородие земель и богатство лесов и рек зависят от гармоничного, упорядоченного взаимоотношения между людьми и мифическими силами — богами, духами леса, предками народа. Когда эти взаимоотношения нарушаются — либо проступком одного из общинников, либо ошибкой при совершении религиозной церемонии, либо несоблюдением запрета, то гнев богов выражается в том, что царящий в природе порядок ломается. Неурожай, эпидемии, войны — все это проявления неполадок в гармоничном сосуществовании людей и богов.

Только тщательное соблюдение всех норм, управляющих отношениями между людьми и богами, в состоянии предохранить общество от несчастий. Но и этого недостаточно. Фоны нынешней Народной Республики Бенин верили, например, что жертвоприношения «усиливают» богов, делают их могущественнее и, напротив, если о боге забывают, то он слабеет и, наконец, исчезает. Предки, о которых перестают вспоминать их потомки, умирают вторично, и на этот раз смертью, которая не знает воскрешения.

Жертвоприношения, которыми сопровождаются в обществе тома все обряды, служат поддержанию тесных связей людей с мифическими силами. Вместе с тем они являются частью торжественного акта, которым люди заявляют о своей верности извечному порядку в обществе и природе, созданному и поддерживаемому богами. И стоит разорваться одному из звеньев древнего ритуала, как гармония этого порядка оказывается под ударом и в мир вторгаются зловещие, враждебные человеку силы, обрекающие его на неисчислимые беды и страдания.

Социальное противопоставление мужчин женщинам, выжившее в системе разделения труда, находит свое продолжение и в сфере взаимоотношений тома с мифическим миром. Их общество знает мужские и женские церемонии, причем они всегда носят закрытый характер. Существуют также мужские

и женские тайные объединения. Как разделение труда, так и размежевание обрядности на мужскую и женскую сферы служат закреплению подчиненного положения женщины.

Раздельно — для юношей и девушек — совершается ритуал инициаций. Он проводится не каждый год, а раз в несколько лет и продолжается несколько месяцев. У ближайших соседей тома — герзе церемонии тянулись девять месяцев. Все это время посвящаемые находились в «священном лесу» — символически.

Посредством инициаций молодежь из различных деревень, из различных областей края спланивается в единую возрастную группу. Между участниками обряда возникают узы не менее, если не более, сильные, чем узы кровнородственной солидарности. Во многих жизненных ситуациях члены одной возрастной группы выступают совместно, оказывают друг другу помощь.

Сложнейший ритуал инициаций имеет двойной смысл. С одной стороны, наставники посвящают молодежь в традиции народа, знакомят с его преданиями, с нормами морали. С другой — церемонии, сопровождающие пребывание посвящаемого в «священном лесу» и его возвращение в деревню, несут огромную символическую нагрузку. Попадая в лагерь для посвящаемых, юноша символически переносится в эпоху сотворения мира и культуры. Его окружают мифические силы, как бы действовавшие в тот момент. Символически повторяется акт рождения человека, и по завершении своего пребывания в «священном лесу» юноша получает новое имя — свидетельство его внутреннего перерождения. Он в глазах общества становится уже совсем другим человеком, круг его социальных прав значительно расширяется.

Если знание характера и свойств почв, овладение трудовыми навыками, постижение народной мудрости приходят к человеку незаметно, с детства, в процессе его трудового воспитания, то инициации позволяют ему представить окружающий общество и раскрываемый в мифах мир богов, легендарных героев и племенных предков. Этот круг представлений для тома не менее важен, чем основанные на практическом опыте знания реальной действительности. В нем они черпают доисполительные силы перед лицом природных стихий и, пусть иллюзорную, уверенность в способности противостоять ударам судьбы.

Строго говоря, каждый общинник может воздействовать на отношения его деревни с мифическим миром. Еще значительнее возможности старейшин, сам возраст которых приближает их к

рубежу, за которым открывается царство мертвых. Но особым могуществом народное воображение наделяет две фигуры — кузнеца и колдуна.

Кузнец обязан жить за чертой деревни, и никто из ее жителей не смеет установить с его семьей отношений родства: ни отдать в его дом свою дочь, ни взять его дочь в жены собственному сыну. У тома, как у большинства других народов Западного Судана, кузнецы образуют нечто вроде касты отщепенцев, отверженных. Их власть над огнем, их умение извлекать металлы из руды, их опыт в изготовлении из металла всех необходимых земледельцу орудий труда свидетельствуют о прямой и тесной связи с теми божественными началами, которые участвовали в акте сотворения мира. Это, следовательно, люди если не особой породы, то особого положения.

По всей Лесной Гвинее кузнецы одновременно и скульпторы. Пользуясь своими «привилегированными» отношениями с силами потустороннего мира, они берутся за изготовление их внешних образов — статуэток и масок. Им хорошо известно, из какой породы дерева можно вырезать образ того или иного духа, они прекрасно владеют приемами своего ремесла. Именно благодаря мощи их изобразительного таланта Лесная Гвинея славится во всем мире выразительностью своей деревянной скульптуры. Однако вырезанная кузнецом маска не могла сразу же использоваться в обрядах. Предварительно она должна была побывать в руках колдуна.

В развитых древних обществах отношения людей с мифическим миром контролировались жрецами, которые специализировались на той или иной сфере этих связей, — прорицателями, заклинателями, целителями и т. д. Среди тома с характерной для их общества слабо расчлененной структурой все эти обязанности исполняются одним человеком — колдуном. Его долг — знать, как поддерживать гармоничные отношения между людьми и богами, чтобы не нарушился извечный порядок в природе и в самом обществе. Если же в этой гармонии тем не менее обнаруживаются «сбои», если внутренний мир общины подрывается конфликтами, ссорами, то именно колдун подсказывает старейшинам деревни ритуальные меры, с помощью которых может быть восстановлен естественный ход событий, нормальное положение вещей.

За помощью к колдуну обращаются и больные. В деревнях тома не знают естественных причин заболеваний; болезнь объясняется либо тем, что важный запрет был нарушен кем-то из членов общины, невольно навлекшим на своего сородича гнев

богов, либо злокозненными магическими действиями тайного врага заболевшего человека. В любом случае только колдун в состоянии выяснить, чем же вызвано заболевание, и предложить эффективное противодействие — очистительные церемонии, чтобы освободиться от порожденной нарушением запрета скверны, или создание талисмана — «фетиша» более сильного, чем используемый напустившим болезнь врагом.

Что же представляет собой «фетиш», о котором столь часто вспоминается в книге П.-Д. Гэсо?

По поверьям тома, в каждом предмете, в каждой вещи заключена некая магическая сила, причем предметы, наделенные общими внешними признаками, связаны между собой, и эта сила может передаваться от одного такого предмета к другому, накапливаться, возрастать. Это убеждение отчасти питалось опытом. Так, по всей Тропической Африке окружены почитанием орехи кола. Их преподносят вождю деревни в знак преданности, главе семьи — в знак уважения. Дело в том, что в этих орехах содержится возбуждающее, снимающее чувство голода и усталости средство. Но тома не знают этого, они объясняют действие орехов кола присутствием в них благотворной мистической силы.

Аналогичным образом тома истолковывают целебное действие растений и минералов. Когда речь идет о приготовлении оберега от болезни, колдун обязательно применяет известные ему травы, корни и минералы. Но одновременно в состав «фетиша» включаются, с нашей точки зрения, и совершенно бесполезные средства. Их действенность колдун видит в чисто внешнем сходстве с пораженным болезнью органом. Многие «зелья» включаются в состав «фетиша» потому, что существуют предания, говорящие об их эффективности.

Какова природа силы, которой наделен «фетиш»? Пытаясь дать ей объяснение, тома говорят, что в талисмানে находится душа одного из предков народа. В некоторых наиболее могущественных и окруженных общим почитанием магических предметах могло быть представлено даже божественное начало. Будучи одним из множества возможных внешних проявлений того или иного бога, «фетиш» играет роль своего рода «канала связи» между ним и людьми.

Часто перед «фетишами» совершались кровавые жертвоприношения. Этот обычай уходит корнями в поверье, что жизненное начало, жизненная сила содержатся в крови. Баконго верят в то, что «человек умирает, когда последняя капля крови покидает его тело». Смазывая «фетиш» кровью жертвы, жрец

как бы укрепляет его мощь, делает его более действенным. Именно при приготовлении таких «фетишей» чаще всего, хотя далеко не всегда, используются маски и статуэтки.

Таковы некоторые черты культуры небольшой этнической группы Лесной Гвинеи, о которой пишет П.-Д. Гэсо. Они могут показаться архаичными и, действительно, сегодня характерны только для обществ, относительно изолированных и замкнутых.

Перемены в краю тома начались после того, как осенью 1958 г. Гвинея провозгласила свою независимость. Прошло несколько лет, и молодежь глухих лесных областей поднялась против гнета древних традиций и верований. В деревнях начали собирать и уничтожать предметы, с помощью которых колдуны поддерживали собственное влияние. Молодежь больше не хотела полагаться на благосклонность и расположение божеств, она почувствовала силу собственных рук.

Пьер-Доминик Гэсо

СВЯЩЕННЫЙ ЛЕС

издание 2-е

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор Н. П. Губина
Младший редактор Н. А. Кочиева
Художник Э. Л. Эрман
Художественный редактор
Б. Л. Резников
Технический редактор Л. Е. Сипенко
Корректор В. В. Воловик

ИБ № 13703

Сдано в набор 17/VIII 1978 г.
Подписано к печати 29/V 1979 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1.
Печ. л. 6 + 0,25 п. л. вкл. Усл. п. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,25.
Тираж: 50 000 экз. Изд. № 4374. Зак. № 3174.
Цена 1 руб.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16